

Институт нового индустриального развития
имени С.Ю. Витте

Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее

Сборник пленарных докладов
Санкт-Петербургского Международного
Экономического Конгресса (СПЭК–2018)

Том I

Под общей редакцией Бодрунова С.Д.

Санкт-Петербург, 2018

ББК 65.04 65.050 65.23 65.9(2)

Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее». Том 1 / Сборник пленарных докладов IV Санкт-Петербургского Международного Экономического Конгресса (СПЭК-2018) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб: ИНИР, 2018. 240 с.

В апреле 2018 года в Санкт-Петербурге состоялся IV Санкт-Петербургский Международный Экономический Конгресс (СПЭК-2018) «Форсайт “Россия”: новое индустриальное общество. Будущее», организованный Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте при поддержке Вольного экономического общества (ВЭО) России. В работе конгресса приняли участие около 700 участников, среди них ведущие ученые-экономисты Российской академии наук, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, других университетов и научно-образовательных центров России, депутаты Государственной Думы Совета Федерации РФ, представители государственных структур, руководители предприятий реального сектора экономики, представители гражданского общества России из регионов Российской Федерации, а также зарубежные коллеги из Франции, Австрии, Италии, Греции, Китая, Великобритании, Эстонии и Беларуси.

В первом томе опубликованы доклады пленарных докладчиков конгресса СПЭК–2018. Тексты, графики и таблицы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-6040343-4-7

© Коллектив авторов, 2018

© ИНИР им. С.Ю. Витте, 2018

Содержание

Предисловие	5
7 <i>раздел 1. К новому качеству экономики</i>	
<i>Бодрунов С.Д.</i> Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни	9
<i>Ивантер В.В.</i> О проблеме экономического роста.....	22
<i>Нигматулин Р.И.</i> «Все мысли, которые имеют огромные последствия, всегда просты»	27
<i>Гринберг Р.С.</i> Некоторые размышления об императивах экономической модернизации в России	36
<i>Попов Г.Х.</i> В сетях антиномий.....	46
55 <i>раздел 2. Реиндустриализация и новые технологии: к экономике будущего</i>	
<i>Клейнер Г.Б.</i> Промышленные экосистемы: взгляд в будущее.....	57
<i>Ленчук Е.Б.</i> Технологический аспект новой индустриализации России.....	72
<i>Пороховский А.А.</i> Обработывающая промышленность: вызовы и перспективы в современном мире	81
99 <i>раздел 3. Россия и мир: драйверы социально-экономического развития</i>	
<i>Сорокин Д.Е.</i> Цифровая экономика: благо или угроза национальной безопасности России?	101

<i>Миркин Я.М.</i> Российская экономика: рост под санкциями (сценарии будущего).....	109
<i>Лаумулин Ч.Т.</i> Роль науки и культуры в реиндустриализации ЕАЭС.....	117
<i>Цаголов Г.Н.</i> Почему в Китае получается.....	124

143 **раздел 4. Новая индустриальная экономика:
общество, государство, человек**

<i>Смолин О.Н.</i> Экономия на человеке как механизм торможения: некоторые социэкономические аспекты.....	145
<i>Воейков М.И.</i> Государство и рынок: новая политико-экономическая парадигма.....	164
<i>Тощенко Ж.Т.</i> Прекаризация смыслов жизненного мира наемных работников.....	183
<i>Городецкий А.Е.</i> Государство и новое индустриальное общество: проблемы соответствия и партнерства	208

Предисловие

2 апреля 2018 года в Санкт-Петербурге состоялся очередной, четвертый Санкт-Петербургский Международный Экономический Конгресс (СПЭК-2018) «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее», организованный Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте (Санкт-Петербург) при поддержке Вольного экономического общества России (ВЭО России) (Москва).

Санкт-Петербургский Международный Экономический Конгресс – крупнейшее научно-практическое мероприятие, объединяющее на своей площадке широкий круг ведущих экспертов в сфере экономики, промышленности, науки и образования. За годы работы он стал одной из самых авторитетных площадок в России для обмена экспертными мнениями в профессиональной среде.

На площадке Конгресса эксперты обсудили экономические драйверы развития индустриальной экономики «второго поколения», влияние новых технологий на сферу экономики, социальные векторы экономической модернизации и роль России в глобальном мире.

Докладчиками первой пленарной сессии выступили ведущие ученые страны:

- *Бодрунов Сергей Дмитриевич*, президент Конгресса, д-р. экон. наук, профессор, Президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте (Санкт-Петербург)

- *Ивантер Виктор Викторович*, академик РАН, д-р. экон. наук, профессор, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва)

- *Глазьев Сергей Юрьевич*, академик РАН, д-р. экон. наук, профессор, советник Президента Российской Федерации (Москва)

- *Попов Гавриил Харитонович*, академик РАЕН, д-р. экон. наук, профессор, Почетный президент ВЭО России (Москва)

- *Нигматулин Роберт Искандрович*, академик РАН, д-р. физ.-мат. наук, профессор, член Президиума РАН, научный руководитель Института океанологии РАН имени П. П. Ширшова (Москва)

- *Смолин Олег Николаевич*, академик РАО, д-р. филос. наук, профессор, первый заместитель председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы ФС РФ (Москва)

- *Гринберг Руслан Семенович*, чл.-корреспондент РАН, д-р. экон. наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН (Москва)

- *Сорокин Дмитрий Евгеньевич*, чл.-корреспондент РАН, д-р. экон. наук, профессор, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

- *Клейнер Георгий Борисович*, член-корреспондент РАН, академик РАН, д-р экон. н., профессор, зав. кафедрой «Системный анализ и моделирование экономических процессов» Финансового университета при Правительстве РФ

- *Миркин Яков Моисеевич*, д-р. экон. наук, профессор, заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН

Основными темами дискуссий в рамках секционных заседаний Конгресса стали: современные драйверы социально-экономического развития в России и мире, Четвертая промышленная революция и цифровизация, государство и система образования в новой экономике, потенциал различных экономико-теоретических направлений в новой реальности, вызовы реиндустриализации российской экономики и др. Основными задачами Конгресса можно назвать оценку трендов и рисков глобального цивилизационного развития в перспективе 20–30–50 лет, попытку определить путь, по которому Россия сможет войти в это будущее, определение ключевых векторов развития, которые обеспечат не только технологическое лидерство, но и будут способствовать созданию условий для реализации огромного таланта российских людей.

Доклады многих из вышеперечисленных докладчиков представлены в настоящем сборнике.

раздел I
К новому качеству
ЭКОНОМИКИ

Бодрунов Сергей Дмитриевич,

*д.э.н., профессор, директор ИНИР им. С.Ю. Витте,
президент Вольного экономического общества России
президент Международного союза экономистов*

**Ноономика. Будущее:
четвертая технологическая революция
обуславливает необходимость
глубоких изменений
в экономической и социальной жизни¹**

Аннотация. Представлена концепция ноономики, составляющей основу общества Будущего, которое может состояться при рациональном развитии человеческой цивилизации. Становление ноономики как следствие ускоренного технологического развития, в частности достижений четвертой технологической революции, требует глубоких изменений в экономической и социальной жизни – активной индустриальной политики. Принципиальное отличие ноономики – отсутствие отношений между людьми в процессе материального производства. Совокупность проблем и противоречий этого общества определяет необходимость перехода на новый этап общественного устройства. Застой в социально-экономических институтах, слабость внутренних регуляторов поведения, определяемых уровнем развития культуры, при определяющем развитии техносферы создает реальную возможность возникновения глобальной катастрофы. Ориентиром развития должен стать не рост ВВП, а набор

¹ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№2, 2018, с. 6–13).

критериев оценки уровня удовлетворения разумных (не симулятивных) потребностей человека, не нарушающих среду обитания.

У России, несмотря на сложный период, есть шанс прорыва в такое будущее. Для этого нужно сберечь и приумножить наш культурный, образовательный и научный потенциал.

Ключевые слова: НИО.2, ноономика, развитие техносферы, четвертая технологическая революция, проблемы и противоречия, изменение общественного устройства, активная индустриальная политика

Bodrunov Sergey,

*Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute
for New Industrial Development n.a. S.Witte,*

President of the Free Economic Society of Russia

President of the International Union of Economists

**Noonomics. The future: the fourth technological
revolution necessitates profound changes
in economic and social life¹**

Abstract. The article presents the concept of the noonomics, which is the basis of the society of Future, which can be born with the rational development of human civilization. The formation of the noonomics as a consequence of accelerated technological development, in particular the achievements of the fourth technological revolution, requires profound changes in the economic and social life – an active industrial policy. The fundamental difference of the noonomics is the lack of relations between people in the process of material production. The complex of the problems and contradictions of this society determines the need to move to a new stage of the social system. Stagnation in socio-economic institutions, the weakness of internal behavior regulators, determined by the level of culture development, with the defining development of the technosphere creates a real possibility of a global catastrophe. The development benchmark should not be the growth of GDP, but a set of criteria for assessing the level of satisfaction of reasonable (non-simulative) human needs that do not violate the habitat.

¹ The article was published in the journal «Economic Revival of Russia» (No. 2, 2018, pp. 6–13).

Russia, despite the difficult period, has a chance of a breakthrough in such a future. For this, it is necessary to preserve and increase our cultural, educational and scientific potential.

Keywords: new industrial society of the second generation (NIS.2), noonomics, development of the technosphere, the fourth technological revolution, problems and contradictions, change in the social structure, active industrial policy

Санкт-Петербургский экономический конгресс, который мы проводим уже четвертый год, получает все большее признание в кругах научной общественности, экономистов-практиков, политиков, лидеров гражданского общества. И это не случайно: мы ставим и предлагаем решения вопросов, которые не просто актуальны – они опережают время. Опережают ровно настолько, чтобы, образно говоря, быть на острие рапиры, устремленной в будущее, но пронзающей ткань настоящего.

Ваш покорный слуга почти 40 лет занимается проблемой индустриального развития. На протяжении многих лет мне доводилось исследовать процессы, происходящие в нашей экономике, с позиций индустриалиста. Почти 20 лет назад мы с коллегами из институтов Академии наук в целях расширения поля исследования создали Институт нового индустриального развития (ИНИР).

Исследования, проведенные в 2000-х гг., позволили ИНИР сформулировать концепцию реиндустриализации российской экономики на качественно новой технологической основе. В начале 2013 г. был опубликован фундаментальный 700-страничный труд, посвященный этой проблеме¹.

Ровно 5 лет назад был представлен соответствующий доклад в Совете Федерации, а затем – доклад в Вольном экономическом обществе России. На проблему обратили внимание наши крупнейшие ученые и политический истеблишмент.

Для вовлечения в обсуждение проблем индустриального развития широких кругов научной общественности, популяризации идей

¹ *Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России / Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. 700 с.*

концепции реиндустриализации нами были созданы два конгресса – наш СПЭК и, совместно с коллегами из КРОНа, Конгресс по проблеме интеграции производства, науки и образования (КПНО), который ежегодно проводится в Москве.

Четыре года назад проблему реиндустриализации мы вынесли на СПЭК. Многим она тогда казалась едва ли не утопией. Сегодня о необходимости реиндустриализации говорят уже не только ученые, говорят все – от политиков до студентов, пишущих курсовые.

Тогда же на Конгрессе ПНО мы поставили проблему реинтеграции производства, науки и образования как неотъемлемую, хотя и имеющую самостоятельное значение, компоненту реиндустриализационной концепции. И эта тема сегодня также звучит с трибуны Российской академии наук и в аудиториях ведущих университетов.

Продвигая научную платформу перестройки экономики на новой индустриальной основе, мы должны были ответить не только на вопросы о ее облике и путях реализации, но и на сакраментальный вопрос – зачем она нужна в глобальном контексте?

И два года назад, здесь, на СПЭК, мы дали ответ на этот вопрос. Мы представили концепцию перехода общества на новый этап цивилизационного развития – новое индустриальное общество второго поколения (или второй генерации) – НИО.¹ В те же дни концепция была представлена и детально обсуждена на Секции экономики РАН, затем – на специальных научных форумах в Кембридже, на площадках в Лиссабоне, Пекине, Стокгольме, Вене и т.д. В прошлом году мы презентовали на СПЭК расширенную, детализированную версию концепции НИО.²

И сегодня я хотел бы представить новую разработку – концепцию ноономики, составляющей основу общества Будущего, которое может состояться при рациональном развитии человеческой цивилизации.

Качественные изменения в технологиях, о которых мы говорим более 20 лет, в последние годы стали предметом пристального внимания не только футурологов, но и (наконец!) экономистов и философов. Все «вдруг» увидели и начали обсуждать (как правило, пере-

¹ Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция, 2016. 352 с.

сказывая зарубежные источники) появление «умных фабрик», интернета вещей, роботизации и т.п. Постепенно приходит понимание того, что человечество стоит на грани рождения качественно нового материального производства, основанного на интеграции NBICS-технологий.

На наших конгрессах мы уже не раз говорили о том, что результат этой интеграции – конвергентные (гибридные) технологии – выводят индустриальный способ производства на качественно новую ступень, объединяя машинные и немашинные принципы воздействия на природу для создания продуктов, удовлетворяющих человеческие потребности, с наименьшими затратами материалов. Значительные возможности открывают аддитивные технологии (3D-принтирование), их использование может привести к существенному сокращению удельного веса традиционной обрабатывающей промышленности. На место дистрактивных («вычитающих») производственных технологий (обрезки, стачивания, спиливания материала с заготовки) приходят процессы «сборки» продуктов из элементов (путем объединения или наращивания материала, как правило, слой за слоем) с целью создания объекта на основе 3D-модели.

Информационно-коммуникационные (или цифровые) и когнитивные технологии, отличие от всех остальных, демонстрируют способность проникать в любые технологические процессы, цифровизация становится интеграционной технологической плат-формой, способной объединять разнородные технологии в гибридные технологические процессы. Фактически информационные и когнитивные технологии служат каналом «встраивания» знания в технологические процессы путем обработки больших массивов данных или с помощью технологической имитации человеческого интеллекта.

В чем содержание этих процессов и к каким изменениям в социально-экономических отношениях и качествах человека они приведут? Эти вопросы ставятся редко, а еще более редкие ответы остаются весьма неопределенными.

В серии предыдущих публикаций и докладов на предшествующих Санкт-Петербургских экономических конгрессах, в кембриджских лекциях и иных материалах мне представилась возможность предложить свою версию постановки и решения проблем, проистекающих из перечисленных изменений.

Во-первых, мы показали, что «постиндустриальное общество», наступление которого некоторые теоретики провозгласили еще в XX в., – это мираж, но мираж, скрывающий (и вскрывающий) реальные проблемы: в экономике, действительно, назревают качественные изменения, связанные с развитием качественно новых технологий. Фокус в том, что это – изменения в технологиях материального производства, и путь к их активному освоению лежит не через «постиндустриалистский» отказ от индустриализма, а через реиндустриализацию на качественно новой технологической основе.

Необходимость отказа от бездумного сворачивания промышленности или переноса ее в менее развитые страны уже осознана ведущими державами, и начинается обратный процесс. При этом рещоринг (возвращение в страну производственных мощностей или создание новых), по наблюдениям специалистов, происходит в тех отраслях, где необходим высокий уровень контроля менеджмента для соблюдения норм качества (в производстве высокоинтеллектуальной продукции, к примеру, военного назначения); в производствах, для которых исключительно важны соблюдение и защита авторского права и патентов, и, наконец, в отраслях, наиболее чувствительных к техно-логиям автоматизации и роботизации производства.

Из первого вывода логично следует второй, раскрывающий содержание изменений, вызванных глубокими трансформациями. Это – рождение нового индустриального общества второго поколения (НИО.2), которое по спирали «отрицания отрицания» («новое индустриальное общество» Дж. К. Гэлбрейта – миражи «постиндустриализма – НИО.2) воспроизводит в новом качестве доминирование индустрии экономике.

Но это – другая индустрия и другая экономика. Коренным отличием является переход к знаниеемкому материальному производству, что вызывает цепочку изменений во всех сферах производственно-экономической жизни (резкое сокращение роли материальных факторов производства и возрастание роли знания; «ускорение ускорения» инновационного процесса и многое другое). Этой теме мы посвятили наш доклад на СПЭК-2016.

Возрастающая роль знаний проявляется не в том, что чисто интеллектуальная деятельность вытесняет материальное производство или заменяет его (как полагали «постиндустриалисты»), а в том, что само

материальное производство становится значительно более знание-емким. Наступает момент, когда во многих продуктах «знаниевая» часть существенно превышает «материальную». Этот вывод хорошо иллюстрирует рис. 1, где пересекаются кривые, отображающие удельный вес материальных и интеллектуальных затрат в общих издержках производства.

Для достижения такого порога нужен не только технологический скачок, но и со-вершенствование всех четырех компонент современного материального производства (материалов, труда, технологий, организации производства). Только тогда можно говорить о выходе в НИО.2. Вот почему России, народно-хозяйственный комплекс которой подорван 20-летней деиндустриализацией постсоветского периода, необходима реиндустриализация экономики на новой, высокотехнологичной основе.

В-третьих, мы говорили, что переход к НИО.2 требует реформирования системы экономических отношений, что предполагает развитие активной индустриальной политики, стратегического планирования, государственно-частного партнерства, интеграции производства, науки и образования на микро- и макроуровнях, и т.д.

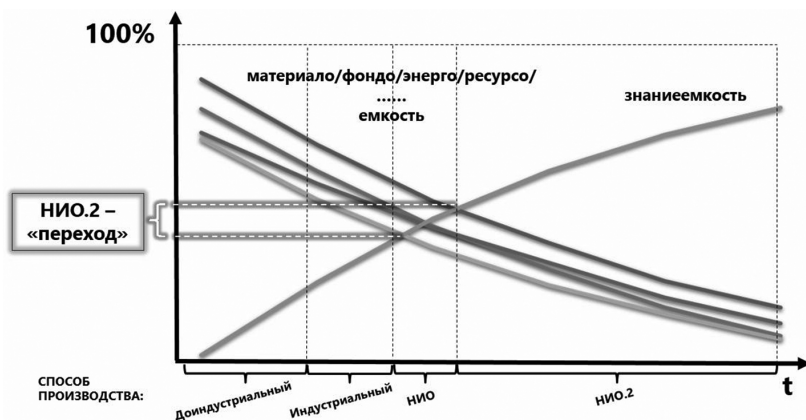

Рис. 1. Исторический процесс изменения удельных емкостных параметров компонента продукта

Попытаемся наглядно передать суть активной промышленной политики, используя такой образ: в экономике работают своего рода «про-

мышленно ориентированные» траволаторы, и бизнес может выбрать, на какой из них встать. Одни будут ускорять его движение вперед, другие – тормозить. Представляется, что, когда мы говорим о таких траволаторах, то направления их движения задает государство: условно говоря, надо начинать заниматься селективным, индикативным, индикативно-селективным планированием. Без этого инструмента вряд ли получится эффективно запустить другие социальные технологии, определяющие переход к НИО.2, а от него – к ноопроизводству.

Переход к НИО.2 – это не абстрактная конструкция, это процесс, который уже идет и очень активно, но очень неравномерно в разных локусах мирового экономического пространства. ФРГ и Япония, США и Китай создают качественно отличные от предшествующих подпространства новых индустриальных технологий, а другие страны (в том числе Россия, несмотря на наши заделы в оборонных технологиях) пока далеки от активного продвижения к доминированию в экономике 5–6-го технологических укладов (рис. 2).

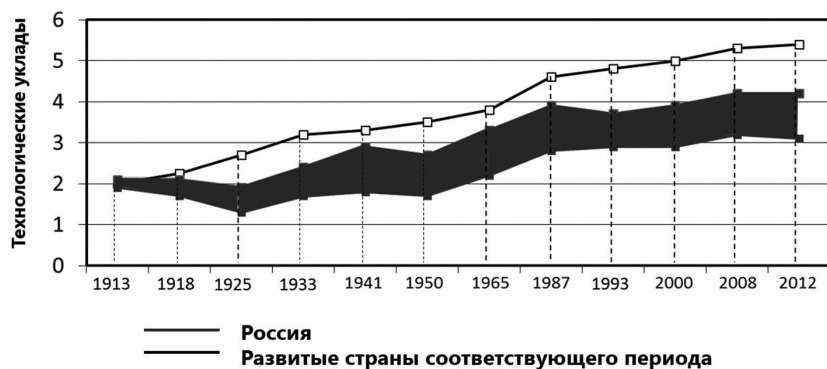

Рис. 2. Технологическая многоукладность российской экономики

Изучение процессов опережающего развития технологий нового уклада и институтов НИО.2 приводит к выводу, что наша цивилизация стоит на пороге качественного скачка:

- человек постепенно выйдет из материального производства, «за пределы материального производства», заняв роль его «контролера и регулировщика», как предрекал К. Маркс, 200-летие которого мы в этом году отмечаем;

- главным источником развития производства станет знание, а не материальные ресурсы;
- господствующие ныне симулятивные потребности постепенно отойдут на второй план, вытесняемые потребностью в знании;
- система имущественного неравенства сменится системой равенства способностей и талантов;
- человечество, становящееся мощнейшей геобиологической силой (по В. Вернадскому), встанет перед необходимостью перехода от потребления природных ресурсов к воспроизводству геобиоценозов... И т.д.

Традиционные категории и законы экономики (стоимость, собственность, деньги) в надвигающемся на нас будущем утратят свой привычный смысл, если не исчезнут вообще.

Эволюция всех экономических форм в неэкономические, «уход экономики в основание» – это закономерность (рис. 3). Вопросы экономии времени (как и любых видов ресурсов), эффективности применения ресурсов (по соотношению «затраты – результаты») станут техническими, а не социальными. Они будут решаться не спецификой отношений между людьми, а внешней (по отношению к человеческому обществу) настройкой «безлюдной» автономной производственной системы и автоматическими (встроенными в нее людьми) регуляторами.

Формирование сферы производства, опирающейся не на человеческий труд, а на функционирование «технетических» существ, определит снятие экономических отношений между людьми в технологических настройках самодействующего производства. И это – не прогноз отдаленного будущего. Это – констатация пока еще малозаметных, но уже начавшихся изменений: рождения не просто экономики, приспособленной к решению задач прогресса ноосферы, а качественно нового феномена – ноономики.

Под ноономикой мы понимаем неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства. Принципиальное отличие грядущей хозяйственной системы от привычной нам экономической – отсутствие отношений между людьми в процессе материального производства. Если раньше человек строил свои общественные институты и принимал хо-

зайственные решения, в первую очередь, в зависимости от отношений, в которые он был включен в процессе производственной деятельности, то теперь ситуация будет меняться (рис. 4). По мере выхода людей из непосредственного процесса производства их деятельность будет регулироваться отношением человеческого общества в целом к сфере производства в целом, становящейся все более «безлюдной».

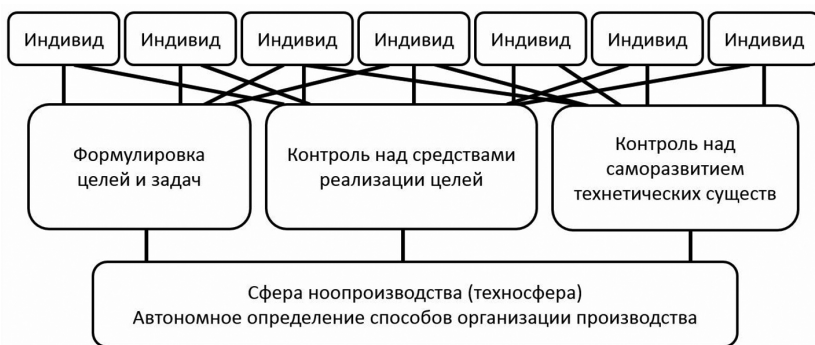

Рис. 3. Отношения людей в процессе регулирования ноопроизводства

Более подробно причины и перспективы перехода к нооэкономике, как и суть этого феномена, изложены в монографии «Нооэкономика».

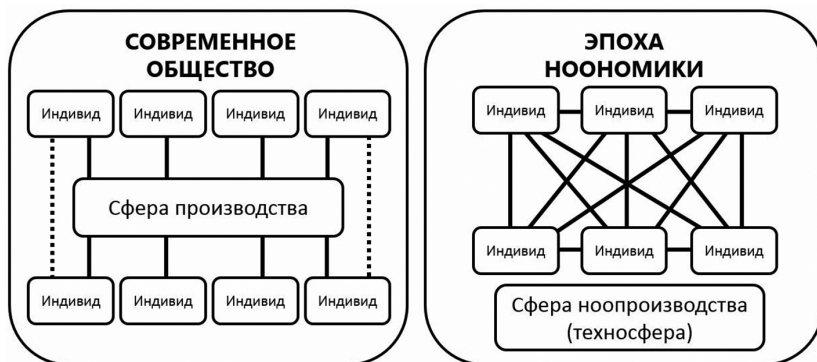

Рис. 4. Регулирование деятельности человека в процессе производства

Совокупность проблем и противоречий этого общества определяет необходимость перехода на новый этап общественного устройства, названный нами ноообщественным этапом, поскольку *технологические силы, разбуженные человеком и сформировавшие автономное индустриальное пространство, уже не смогут оставаться без всеобъемлющего контроля человеческого разума*, который должен будет меняться, чтобы задавать рациональные параметры развития индустриальной сферы и «плодоносные», как говорил М. Ломоносов, а не разрушительные направления развития.

Что происходит сегодня? Не буду слишком оригинальным – просто еще раз подчеркну, что цивилизация стоит у опасной черты: в гонке за лидерством, ради которого используются все технологические достижения человечества, в рамках нынешней хищнической экономической парадигмы развития, мы рискуем потерять не только возможность рациональной организации своей жизни, но и саму человеческую идентичность.

Человечество стоит на распутье: либо движение к рационализации развития, ноономике, либо реализация негативного сценария, вплоть до глобальной катастрофы. В развитии техносферы накопилось множество негативных тенденций. Под угрозу поставлена среда обитания человека; накапливаются проблемы взаимодействия человека с техносферой, возрастает зависимость от технической и информационной среды, что приводит к своего рода «киборгизации» человека (пока без формального вторжения в его физическое тело). Человек сталкивается с растущей негарантированностью своего существования как биологического и как социального существа. История развития цивилизации демонстрирует нам ускоряющийся рост создаваемых человеком «технетических видов» (в строгом соответствии с законом «ускорения ускорения» инноваций) в ущерб стремительно вытесняемому разнообразию видов биоты. Особенно сильно эта тенденция проявляется под воздействием погони за прибылью, за высокими экономическими показателями, все менее отражающими реальные потребности развития человека. Увеличивается нагрузка на среду обитания, связанная с ростом симулятивных потребностей и требуемым для их удовлетворения возрастающим нерациональным использованием природных ресурсов, расширением ареалов их добычи и переработки – все это при слабости внутренних регуляторов

разумного поведения, определяемых содержанием и уровнем развития культуры, создает реальную возможность развития катастрофических (для цивилизации!) последствий.

Промежуточный сценарий долгой стагнации на границе нового представляется наиболее вероятным. Часть интеллектуального сообщества, как бы предчувствуя эту ситуацию, заговорила о «новой нормальности», которую мы считаем уже ставшей «старой ненормальностью». Эта ненормальность характеризуется не просто замедлением темпов роста ВВП, учащением кризисов, созданием атмосферы около-хаоса. Она характеризуется застоєм в социально-экономических институтах, что вступает в решительное противоречие с надвигающимися качественными изменениями в технологиях. Только те экономики, которые смогут ответить на вызовы не только врывающегося в нашу жизнь НИО.2, но и стоящей у горизонта ноономики, смогут занять достойные позиции в мире ближайшего будущего.

Ситуация начала XXI в. напоминает ситуацию начала XVIII в.: тогда лидерами стали те, кто смело пошел на слом традиций и совершил качественный скачок в мир новой тогда технологии – пара, капитала и личной свободы. Сегодня лидерами станут те, кто решится на скачок к производству, основанному на знании; к прогрессу человеческих качеств и решению задач нооразвития, а не простого экономического роста.

Главным ориентиром развития должен стать не рост ВВП, а набор критериев оценки уровня удовлетворения разумных потребностей человека, необходимых для обеспечения его развития. Возможность поднять уровень удовлетворения потребностей, не нагромождая горы не нужных (при разумном подходе) вещей, пожирающих нашу планету и убивающих природу, как раз и открывают современные технологии.

Два слова о нас. Мы переживаем трудный период. Многие не верят в то, что мы сможем пройти сложной дорогой восстановления наших позиций в мире, достичь высоких стандартов жизни, сделать шаг к достойному развитию. Но у России есть шанс прорыва в такое будущее. Он связан и с прошлыми достижениями, и с сохраняющимся потенциалом нашей страны в тех сферах, которые особенно значимы для продвижения к НИО.2 и далее – к ноономике. Это – наш

культурный, образовательный и научный потенциал. Если мы сможем не только сберечь его, но и приумножить, создав для этого адекватные экономические и политические предпосылки, у нашей страны появится шанс на выход из стагнации и преодоление дальнейшего отставания от стран и Запада, и Востока.

Ивантер Виктор Викторович,

*д.э.н., профессор,
научный руководитель Института народно-
хозяйственного прогнозирования РАН, заместитель
академика-секретаря, руководитель Секции экономики
Отделения общественных наук РАН, академик РАН*

О проблеме экономического роста¹

Аннотация. Анализируя экономическую часть мартовского Послания Президента, автор считает, что представленные показатели (в частности, темп экономического роста в 5–6%) вполне реальны и могут быть достигнуты. Беспокоят явное противодействие финансово-экономического блока правительства реализации целей, озвученных Президентом, и наша «способность забалтывать проблему». Среди реальных успехов отмечены: обеспечение продовольственной безопасности, укрепление оборонно-промышленного комплекса, энергообеспечение. Секрет успеха – «нормальное» отношение исполнительной власти к экономическим проблемам.

Ключевые слова: Послание Президента, экономический рост, отношение к бизнесу, финансово-экономический блок

Ivanter Viktor,

*Doctor of Economics, Professor,
Scientific Director of the Institute
for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences,
Deputy Academician-Secretary, Head of the Economics*

¹ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№2, 2018, с. 14–16).

Section of the Social Sciences Division of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences
About the problem of economic growth¹

Abstract. Analyzing the economic part of the March message of the President, the author believes that the figures presented (in particular, the economic growth rate of 5–6%) are quite realistic and can be achieved. The financial and economic block of the government clearly counteracts the realization of the goals voiced by the President – this causes anxiety, as well as our «ability to hide the problem behind chatter». Among the real successes were noted: ensuring food security, strengthening the military-industrial complex, energy supply. The secret of success is the «normal» attitude of the executive power to economic problems.

Keywords: President's message, economic growth, attitude to business, financial and economic block

Экономическая часть мартовского Послания Президента впервые была построена на сбалансированной числовой модели, в которой представлены: темпы экономического роста – 5–6% (до 2024 г.); уровень накопления – 25–27%; ежегодный прирост производительности труда – 5%; строительство жилья с выходом на уровень ввода ~ 120 млн м²; рост экспорта. Эта числовая модель основана на реалистичном оптимизме, и, по нашей оценке, заданные результаты могут быть достигнуты.

Что мы наблюдаем сейчас? Я бы сказал, что наш финансово-экономический блок очень активно начал борьбу с целями, заявленными в Послании Президента. Попробуем это показать.

1. Действительно, в Послании Президента сказано, что желательны темпы экономического роста выше среднемировых (среднемировой прирост равен примерно 3,8%). Они (финансово-экономический блок) говорят: давайте развиваться со скоростью 3,8%. Но чтобы, двигаясь с такой скоростью, реализовать рекомендации Президента, необходимо увеличить рост ВВП на душу населения на 1,5%, а значит, нужно сократить количество этих душ на 16 миллионов.

¹ The article was published in the journal «Economic Revival of Russia» (No. 2, 2018, pp. 14–16).

Арифметика простая: либо мы «сокращаем» эти души, либо двигаемся другим путем.

2. При среднегодовом темпе прироста производительности труда в 5% мы автоматически выходим на пятипроцентный рост. И еще. Есть некая теоретическая часть: существует новая нормальность, которая заключается в том, что не надо развиваться быстро, а надо развиваться медленно, но качественно. Что значит медленно, но качественно – этого никто не объясняет.

Кроме того, следует стандартная критика: якобы валовой внутренний продукт (ВВП) не идеален для измерения экономического роста, нам нужно что-то другое. Напомню: С. Кузнец, который придумал этот показатель, объяснил, что он имеет совершенно четкую направленность и им должен пользоваться тот, кто понимает, что это такое. Вообще говоря, если не вдаваться в подробности, то ВВП – это сумма всех доходов. Растет ВВП – растут доходы и населения, и бизнеса, и государства. Вопрос – как их использовать?

3. Мне кажется, что нам надо прекратить что-то строить, я имею в виду – идеологически. Большевики всё строили коммунизм, и чем кончилось? А мы всё строим рыночную экономику, а она уже построена. У нас есть совершенно новая рыночная экономика, не похожая на модель совершенной конкуренции. А где она похожа на модель совершенной конкуренции? Нужно жить в той системе, которую реально построили, только жить – эффективно.

4. Отношение к бизнесу у нас сейчас ровно такое же, как было у Советской власти к рабочему классу: как упоминать, так слюни до полу, только денег не платили. Любить бизнес глупо: можно любить лошадей, вино, женщин, но любить бизнес – это извращение. Бизнес должен иметь доступ к деньгам – это первое, и должен иметь спрос, ради которого он инвестирует, – это второе. Проблема не столько в том, чтобы предоставить бизнесу деньги для инвестиций, главное – должен быть спрос на инвестиции.

А мы что сделали? Мы добились очень низкой инфляции – это правда. И это очень хорошо, потому что население терпеть не может, когда цены растут (в отличие от бизнеса, где спрос работает по-другому).

Снижения инфляции можно добиться двумя способами. Первый способ очень приятный – мы заполняем рынок высококачественной

конкурентной продукцией, и цены снижаются; второй способ – это, когда мы снижаем спрос, чего мы и добились. Мы сократили спрос, цены упали, а теперь мы говорим: «Если мы бизнес не будем сажать в тюрьму, он не будет инвестировать». Но, как можно инвестировать в экономику, когда нет спроса. Мне кажется, что это важный и понятный элемент ограничения инвестиционной активности.

Вернемся к оптимистичному взгляду на наши перспективы – поделимся с вами расчетами – какой у нас потенциал роста. Сначала напомним, что в 1999–2008 гг. мы развивались со средним темпом около 7%. Обычно говорят: «Вы знаете, это мы за счет высоких цен на нефть развивались». А вы статистику не хотите посмотреть? Цены были ниже – в среднем 60 долларов за баррель (а сейчас – почти 70). Что плохо-то? А когда цены прыгнули до 130 – темпы роста упали. Среднегодовые темпы между 2009 и 2013 гг. – 1,2%; между 2014 и 2017 гг. – 0,1%.

Теперь по поводу потенциала роста. По нашей оценке, сейчас (я беру период между 2018 и 2024 гг.) среднегодовые темпы экономического прироста составляют 5,3% (2% – экономическая инерция, 0,8% – развитие машиностроительных производств, 0,7% – повышение эффективности экспорта, 0,8% – увеличение ввода жилья, 1% – инфраструктура). Тот набор чисел, который представлен в Послании, как раз и выходит на этот результат.

Наша основная проблема в том, что мы выдвигаем некий способ, а потом всё это «забалтываем». В 2014 г. мы, экономисты из РАН, встречались с Президентом. Рассматривалось проектное финансирование, было принято решение, поддержал Президент, поддержал Премьер, и все сказали: «Это замечательно». Издали инструкцию, по которой вообще ничего получить нельзя. А результат? При всех бедах у нас за четыре года общий объем инвестиций был больше 65 трлн рублей. А сколько за счет проектного финансирования? Аж 150 миллиардов – меньше, чем полпроцента. Потому что «заболтали» проблему.

Отметим и реальные успехи. Есть три системы, которые обеспечивают экономическую независимость страны: энергетика, продовольствие и оборонно-промышленный комплекс. Энергией мы и раньше были обеспечены, а за последние 5–6 лет мы решили проблему продовольственного обеспечения и серьезно укрепили оборонно-промышленный комплекс.

Почему? Да потому, что с этими секторами мы обращались нормально, а не так, как со всеми остальными. Если мы сделаем то же самое для всей остальной экономики, то нас ждет успех.

Нигматулин Роберт Искандрович,

д.э.н., профессор, академик РАН,
научный руководитель Института океанологии
им. П.П. Ширшова РАН

**«Все мысли, которые имеют
огромные последствия, всегда просты»^{1,2}**

Аннотация. Подчеркивается необходимость развития энергетики, химических технологий; восстановления машиностроения; использования новых технологий (в частности, аддитивных) и возобновляемой энергетики. Развитие новых технологий требует новых знаний, эффективной научной деятельности, высокого качества образования и реформирования экономических отношений. Состояние этой сферы оптимизма не вызывает. Чтобы обеспечить инвестиционный ресурс, государство должно рационально поделить национальный доход между бедным, средним, богатым и сверхбогатым классами. Нужно расширять платежеспособный спрос, а для этого необходимо увеличение фонда оплаты труда. Следует также увеличить финансирование образования, здравоохранения, науки и культуры, вносящих важнейший вклад в развитие человеческого потенциала.

Ключевые слова: развитие промышленности, аддитивные технологии, реформирование экономических отношений, инвестиционный ресурс, платежеспособный спрос, финансирование социальной сферы

¹ Цитата из Л.Н. Толстого.

² Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№2, 2018, с. 17–22).

Nigmatulin Robert,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Leader of the Institute of Oceanology n.a. P. P. Shirshov of the Russian Academy of Sciences

“All thoughts that have immense consequences are always simple”^{1,2}

Abstract. The article highlights the need for the development of energy, chemical technologies; restoration of mechanical engineering; use of new technologies (in particular, additive) and renewable energy. The development of new technologies requires new knowledge, effective scientific activity, high quality of education and reform of economic relations. The conditions of this sphere is not optimistic. To provide an investment resource, the state should rationally divide the national income between the poor, middle, rich and super-rich classes. The effective demand should be expanded, and for this it is necessary to increase the payroll. Also the policymakers should increase funding for education, health, science and culture, which make a vital contribution to human development.

Keywords: industrial development, additive technologies, reform of economic relations, investment resource, effective demand, financing of the social sphere

Сергей Дмитриевич Бодрунов в своем докладе, посвященном развитию новой индустрии, сделал акцент на так называемых НБИК-технологиях (нано-био-информационных и когнитивных). На наш взгляд, не следует забывать и о других, «приземленных», технологиях – в машиностроении, энергетике, химических технологиях и др.

К примеру, в мире произошла газотурбинная революция – строительство парогазотурбинных электростанций позволяет повысить эффективность сжигания топлива (газа) на 30%. Нашей инженерной общественностью эта революция еще не осознана. Мы не можем

¹ Lev Tolstoy.

² The article was published in the journal «Economic Revival of Russia» (No. 2, 2018, pp. 17–22).

делать современные высокотемпературные газовые турбины, мы их собираем из деталей, изготовленных в США и Германии.

Россия должна развивать нефте- и газохимию; восстановить станкостроение, энергомашиностроение, самолетостроение и многие другие отрасли промышленности с новыми технологиями (в частности, аддитивными), без которых немислим суверенитет страны.

Возобновляемая энергетика, основанная на эффективном использовании энергии солнца и ветра с применением развивающихся систем накопления электроэнергии, в частности аккумуляторов нового типа, обеспечит переход к массовому производству электромобилей. Спрос на них позволит к 3% среднего роста ВВП в мире добавить еще 1%, т.е. на 30% поднять темп экономического роста. Вместе с тем мы не должны забывать, что экономика – это и металлургия, и станки, и транспорт. Профессор М.В. Шмаков прав: «цифровизация» экономики началась много лет тому назад – со станков с числовым управлением.

Конечно, новые технологии требуют новых знаний, которые добываются в процессе научной деятельности, а ее эффективность зависит от качества образования.

Для развития новых технологий требуется реформирование экономических отношений. Как профессор я привык ставить оценки. Позволю себе оценить некоторые пункты наших экономических отношений:

1. Интеллектуальный, профессиональный и моральный уровни руководящих кадров в государственных органах и их способность проводить современную промышленную политику, обеспеченную инвестициями. Сначала я поставил тройку, но, послушав доклады и вспомнив свои беседы с некоторыми руководителями предприятий, я ставлю жирную **двойку**.

2. Интеллектуальный, профессиональный и моральный уровень руководящих кадров крупных компаний (топ-менеджеров) – жирная **двойка** (если не кол).

3. Способность экономического блока Правительства РФ осуществлять разумное, опирающееся на науку, стратегическое планирование – **двойка**.

4. Состояние науки и образования – только из уважения к прошлым достижениям науки я ставлю **тройку**. Еще сохранился научный потенциал, но он стремительно слабеет. На последнем общем со-

брании РАН главный ученый секретарь сказал в своем докладе, что количество исследователей у нас с 1990 г. упало в 2,7 раза и продолжает сокращаться со скоростью 1,3% в год. Идет деградация аспирантуры. Нам еще лет на 20 гарантирован дефицит активных ученых, способных руководить наукой.

5. Квалификация народа (теоретический уровень) – **тройка** (тоже только из уважения к прошлому).

Что касается подготовки инженеров и рабочих (о чем говорил профессор Г.Х. Попов), я тоже время от времени думаю о том, сколько лет надо учить всех в средней школе. Хотя, с другой стороны, у юношей и девушек, окончивших даже 11 классов, выбор очень мал. Большинство заводов или не работают, или не нуждаются в рабочей силе, которую надо обучать¹. Практически исчезли техникумы (те, что остались, называются сегодня колледжами) и профтехучилища, готовившие рабочих. Выпускнику средней школы остается только вуз или псевдовуз. На 3-м курсе многие начинают где-то работать и пропускают занятия.

Дальше. Россия теряет ежегодно 1,5% ВВП в авариях и катастрофах, что в три раза больше, чем в остальном мире. Риск погибнуть при аварии на самолете у нас в 3–4 раза выше, чем в среднем по миру, а риск сгореть в пожаре – в 10 раз выше, чем в США.

Есть ли у России шанс? В поддержку своего оптимизма приведу высказывание Людвиг Эрхарда (руководителя послевоенного немецкого экономического чуда в 1950–1960-е гг.): «Никакая экономическая ситуация не может быть настолько безнадежной, чтобы решительная воля народа, честный труд всего народа не могли справиться с ней». Конечно, от руководства страны, прежде всего от Президента России, мы ждем разработки и реализации экономических, политических и гуманитарных предпосылок для преодоления технологического отставания, становящегося критическим, «преодоления» перечисленных двоек и троек. И пока этих предпосылок нет.

Помимо отмеченных бед, у нас происходит «идиотизация» народа. Вспомним позорные телевизионные дискуссии между канди-

¹ В 1960–1980-е гг. при крупных заводах имелись не только профтехучилища и техникумы, но и заводские втузы, готовившие квалифицированных инженеров.

датами на должность президента страны. Какой пример наша власть показала народу, какой образ России создается у зрителей? Этот позор был спровоцирован организаторами ТВ-шоу и властью. Считалось, что зритель все «схаваёт» и проголосует за кандидата, не принимающего участие в таких дебатах.

А проблема с мусором. Она что, только сейчас возникла? Эта проблема, которую Америка и Европа преодолевают уже несколько десятков лет. А наши руководители, пока «петух не клюнул», даже не задумывались. А теперь скандалы будут сотрясать страну постоянно. Это показывает уровень кадров во власти.

А истерика по поводу спортивных побед? Почему она вообще поддерживается?

Что же должно сделать государство для создания предпосылок экономического роста? Прежде всего – понять, как рационально поделить национальный доход между относительно бедным, средним, богатым и сверхбогатым классами, чтобы обеспечить инвестиционный ресурс. Сейчас инвестиции составляют у нас 17% ВВП (в советское время они доходили до 30%), а в Китае – 45% ВВП. Конечно, это перегретая экономика, но Китай пока обеспечивает баланс спроса на увеличивающийся объем своих товаров на внутреннем и внешнем рынках с растущим объемом огромных инвестиций.

За счет роста производительных сил увеличивается число квалифицированных работников, инженеров и ученых. Уже сейчас по потреблению товаров китайцы (примерно 0,5 миллиарда) вышли на уровень индустриальных стран.

В России большая доля молодежи торгует импортными смартфонами, телевизорами, компьютерами, автомобилями, холодильниками и пр., вместо того чтобы их проектировать и производить, как это делает молодежь Европы, Японии, Ю. Кореи и Китая.

А для этого нужно расширять платежеспособный спрос, платежеспособность определяется фондом оплаты труда (ФОТ). Для относительно бедного, среднего и умеренно состоятельного классов (это около 95% населения) ФОТ должен составлять не 30–40%, а 60% ВВП.

И, конечно, балансы издержек, цен и оплаты труда. Сможет ли наш народ оплатить тот добавок товарного производства, о котором он мечтает? Ведь единственный двигатель рыночной экономики –

платежеспособный спрос! Недавно ВТБ провел исследование и установил, что только 7% населения имеют доход более 70 тысяч рублей в месяц, а месячный доход 50% населения – менее 20 тысяч рублей. Это значит, что только 30% народа имеет относительно нормальный прожиточный минимум (от 40 до 60 тыс. рублей в месяц). Получается, что 80% населения никакой экономической рост не нужен – они ничего дополнительно не смогут купить. Как было 0,6 полета в год на жителя России, примерно так и останется. А ведь, чтобы куда-то слетать и вернуться домой, надо два полета. В США на каждого жителя приходится 2,6 полетов в год, поэтому в США бурно развивается производство пассажирских «боингов» и не только для себя, но и для всего мира. Когда я был младшим научным сотрудником, на свою месячную зарплату я мог два раза слетать из Москвы в Уфу (и обратно), а нынешний м. н. с. может купить только билет до Уфы, а для покупки обратного билета ему придется ждать следующей месячной зарплаты. Мало полетов – нет достаточных инвестиций в гражданское авиастроение. То же самое с жилищным строительством и т.д.

потребности 7% населения можно обеспечить за счет импорта. Вот почему ни отечественный исследователь, ни разработчик, ни производитель не востребованы на внутреннем рынке. На прирост их продукции нет покупателя.

Иногда представители «элиты» высокомерно высказываются о российском народе, о низкой производительности труда, словно не понимая, что именно они виноваты в падении нашего технологического уровня. Получая гораздо большие (чем в Европе) сверхдоходы за свой «топ-менеджмент», они тем самым «обкрадывают» платежеспособный спрос на товары российского производства, проедают и вывозят за рубеж наш инвестиционный потенциал.

Теперь о затратах на социальную сферу для развития человека: на образование, здравоохранение, науку и культуру. В России на эту сферу идет 9% нашего ВВП, а на Западе – 20...25%. Из-за недофинансирования здравоохранения, на которое мы тратим 3,5% ВВП (в Европе – 7% ВВП), смертность в нынешней России равна 12,5 человек в год на 1000 человек. Это значит, что нынешняя РФ теряет ежегодно дополнительно 200 тысяч человек в год по отношению к уровню смертности в РСФСР в 1990 г. (она равнялась 10,5) и дополнительно 400 тысяч человек в год по отношению к европейскому уровню смерт-

ности (которая равна 9,5). Надо отдать должное В. В. Путину, который в 2003 г. начал увеличивать бюджет здравоохранения и к 2015 г. добился его трехкратного роста, за счет чего смертность в РФ упала с 16,7 до 12,5¹.

И, наконец, о главной проблеме социально-экономического роста России. Сегодня мы попали в замкнутый круг: все, включая президента страны, постоянно говорят о необходимости инвестиций. Сейчас инвестиции составляют 17% ВВП (в Китае – 44% ВВП, в мире в среднем – 25%). Для реального экономического роста нам необходимо добавить в инвестиции 10% ВВП, но никаких предпосылок для этого нет. Потенциальный инвестор, прежде чем вкладывать в производство, оценивает – кто купит «прирост» производства его товара. А подавляющее большинство нашего народа не сможет купить эту «прибавку». Уже упоминавшийся Людвиг Эрхард сказал: «Платежеспособный спрос должен умеренно опережать производственные возможности».

В связи со сказанным отмечу обсуждаемую в мировой экономической литературе проблему аномального неравенства доходов и так называемую проблему одного процента. Ее обсуждают нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, опубликовавший замечательную книгу «Великое разделение, или Что делать нам, 99%», другой нобелевский лауреат – Эрик Маскин и популярный экономист Томас Пикетти, автор выдающейся книги «Капитал в XXI веке». Эту проблему разрабатывал и безвременно ушедший Алексей Юрьевич Шевяков, показавший, что аномальное экономическое неравенство тормозит рост экономики.

Во многих странах, в частности в США, один процент богатейшего населения владеет 40% благосостояния (денежных ресурсов, высоколиквидных ценных бумаг и др.). К настоящему времени они захватили огромную долю национальных доходов, для чего сумели добиться уменьшения налогов со сверхбогатых. Это оправдывалось тем, что прибавку своих доходов сверхбогатые будут инвестировать

¹ Данные по изменению смертности в России после 1990 г. показывают, что за реформы 1990-х гг., инициированные новой «элитой», Россия к 2017 г. заплатила жизнями 14 млн граждан. А если бы не инициированное В. В. Путиным увеличение бюджета здравоохранения, этих смертей было бы на 2,5 млн больше.

в экономику, причем более эффективно, чем их использовало бы государство. В действительности, эту прибавку они используют для инвестиций не в реальное производство, а в финансовые пузыри, с помощью которых увеличивают свое состояние и влияние. Такое обесценивание ресурсов в физике называют диссипацией.

В России 1% богатейших присваивают аномально большую долю доходов – им принадлежит 71% благосостояния. Эту ситуацию надо исправлять мирным и цивилизованным путем. Я предлагаю в качестве первого шага введение налога на сверхбогатство, т.е. на 0,5% населения, которое является особенно богатым. (По оценкам на основе Росгосстраха, их суммарный доход составляет около 10 трлн рублей в год.) Например, с той части дохода, которая превышает 25 млн рублей в год, брать налог не 13, а 25% (в Европе – 50%), а с той части личной собственности, кадастровая стоимость которой превышает 100 млн рублей, брать налог 2% (в некоторых графствах США – 3,5%). Один-два триллиона рублей с супердоходов позволят поддержать образование, здравоохранение, науку и культуру, а значит, и покупательный спрос (поскольку это практически идет на зарплату среднего класса).

Во всех странах, где я бываю, спрашиваю – сколько стоит литр бензина и какая в стране минимальная месячная зарплата (в пересчете на бензин)? Получается примерно 1000 литров бензина (может быть – 800, 900, но не 250 литров, как в России). А средняя зарплата в два раза больше минимальной, т.е. среднемесячная зарплата должна равняться примерно стоимости 2000 литров бензина.

Посмотрим на соотношения между ценой простого товара, который все мы потребляем, и стоимостью того же бензина? В Европе, США и других индустриальных странах со сбалансированной экономикой 1 кг простого хлеба стоит столько же, сколько 3...4 литра бензина, а у нас хлеб стоит, как 1 литр бензина. Это значит, что топливно-энергетический комплекс финансируется избыточно, а производство простых (народных) товаров недофинансируется. Поэтому качество народных товаров низкое, а их производитель – беден.

Все реформы должны быть решительными, но осмотрительными. В физике есть понятие квазистатического режима, когда инерция не приводит к разрушениям. В экономике все надо менять в «квазистатическом» режиме, чтобы перераспределение ВВП не превышало 5%

в год, чтобы можно было корректировать, не разрушая производительные силы, как в 1992–1992 гг.

Наконец, последний тезис. Миру угрожает идиотизм. Этот идиотизм связан с игнорированием важнейших и простых правил и законов человеческой жизни, экономики, отношений между людьми, между государственными органами и народом, наконец, между народами. Это серьезная угроза, мы не должны переоценивать стабильность нашего государства, где все надеются только на одного человека. У нас уже два десятилетия не решаются коренные проблемы страны, в частности, проблемы бедности врачей, учителей и даже профессоров. И в то же время в ужасных пожарах гибнут старики и дети.

Казалось бы, все просто, но, к сожалению: «Не так просто понять простые вещи». Это сказал выдающийся русский композитор Георгий Свиридов. Наша задача – способствовать пониманию простых вещей.

Гринберг Руслан Семенович,

д.э.н., профессор, научный руководитель

Института экономики РАН и ИНИР им. С.Ю. Витте,

член-корреспондент РАН

**Некоторые размышления
об императивах экономической модернизации
в России¹**

Аннотация. Рассматриваются варианты экономической модернизации России; вопросы соответствия масштабов, целей и задач ресурсному обеспечению. Необходимо повысить долю инвестиций в ВВП хотя бы до 30–35%, чтобы увеличить темпы роста до 5–6% в год. Не менее важны доверие и согласие между обществом и властью по поводу целей и средств модернизации. Причины стагнации российской экономики – падение инвестиционной активности, рост доли инвестиций в сырьевой сектор при их снижении в основные фонды. Подчеркивается, что из трех потенциалов развития России (природные, интеллектуальный и пространственный) два первых как-то используются, а третий – практически нет. А для экономики пространственное развитие безальтернативно, но без финансовой поддержки государства масштабное строительство дорог невозможно. Государство должно установить приоритетные направления экономического развития и адекватные средства их реализации.

Ключевые слова: императивы экономической модернизации, ресурсное обеспечение, причины стагнации, потенциалы развития, государственная поддержка, приоритеты экономического развития

¹ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№2, 2018, с. 41–46).

Grinberg Ruslan,

Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences and the Institute for New Industrial Development n.a. S. Witte, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Some reflections on the imperatives of economic modernization in Russia¹

Abstract. The article examines options for economic modernization in Russia; questions of the conformity of scales, goals and tasks to resource support. It is necessary to increase the share of investments in GDP to at least 30–35 percent to enlarge the growth rate to 5–6 percent per year. Equally important are the trust and agreement between society and the authorities over the goals and means of modernization. The reasons for the Russian economy stagnation are a drop in investment activity, an increase in the share of investments in the raw materials sector with a decrease in fixed assets. It is emphasized that the first two of the three potentials of Russia's development (natural, intellectual and spatial) are somehow used, and the third is practically not. And spatial development is non-alternative for the economy, but without financial support of the state, large-scale construction of roads is impossible. The state should establish priority directions of economic development and adequate means of their implementation.

Keywords: imperatives of economic modernization, resource support, causes of stagnation, development potential, state support, priorities of economic development

Современный экономический миропорядок все в большей степени становится миром социальных контрастов: нарастают социальная несправедливость, непримиримые противоречия между островком богатства и благополучия и остальным миром бедности и нищеты. В этих условиях в мире идут поиски новых моделей социально-экономического развития.

¹ The article was published in the journal «Economic Revival of Russia» (No. 2, 2018, pp. 41–46).

В свете сказанного важно определить, какой тип модернизации нужен современной России: прорывной вариант, а может быть, широкая социально-экономическая модернизация? В любом случае не следует ориентироваться на технологические уклады вчерашнего дня. Мы не можем позволить себе «поэтапно догонять» лидеров, наверстывая то, в чем отстали вчера и позавчера.

Очень важен вопрос соответствия масштабов, целей и задач модернизации, одной стороны, и их ресурсного обеспечения – с другой. Нам нужно уходить от идеологии расходов и трат, как это понимают бухгалтеры и счетоводы. Модернизации нужны новые генерации политиков, финансистов, финансовых менеджеров, которые понимают, что мы не «тратим и растрачиваем» деньги бюджета, а вкладываем и инвестируем.

Прежде всего, необходимо повысить долю инвестиций в ВВП; сегодня она одна из самых низких в мире и составляет около 20% (при незначительных колебаниях по годам). При такой норме ни одной стране не удавалось демонстрировать рост экономики более чем на 3% в год. В советское время данная норма достигала 40%. Переход к норме инвестиций хотя бы в 30–35% позволил бы увеличить темпы экономического роста до 5–6% в год.

Но дело не только в величине доли инвестиций в ВВП. Не менее важное значение приобретает вопрос о субъектах, движущих силах и ценностно-мотивационных предпосылках модернизации. Когда мы об этом забываем, уповая на пресловутую «политическую волю» и «принуждение к прогрессу», то, даже если пригласить лучших специалистов, постоянно плодить научные концепции, на выходе получим очередной образец литературного творчества, интересного лишь узкому кругу авторов-единомышленников и, возможно, историкам экономической мысли. Принять и разделить тяготы и издержки модернизации общество готово, только когда между ним и властью есть доверие, взаимопонимание и согласие по поводу целей и средств модернизации.

И еще. Модернизация всегда несет неизбежные риски и потери, социальные тяготы. Но надо иметь в виду, что нищета и простое воспроизводство, нищета и расширенное воспроизводство, определенное экономическое развитие и контрасты социального неравенства в определенных границах совместимы. Но представить сочета-

ние нищеты и инноваций, модернизацию при одновременном фронтальном наступлении на социальные и человеческие права граждан, выстраивание новых инновационных институтов при деградации социальной и социокультурной инфраструктуры общества сегодня невозможно. Даже известные мобилизационные модели модернизации требовали системных решений в области развития социальной инфраструктуры, создания системы социальных прав и гарантий граждан.

Поэтому, если мы и дальше будем ориентироваться на известные опыты радикального неолиберального реформирования, то о модернизации, инновационном развитии, экономике, основанной на знаниях, придется забыть. Не может человек, вынужденный вкалывать ради заработка на пяти работах, думать об инновациях или других высоких материях типа «образование в течение всей жизни», о культурном досуге, творчестве и т.д.

Для креативного человека, для «класса развития», подлинного интеллектуального класса (а не пресловутого «среднего» – по уровню доходов и потребления) нужна совершенно иная среда. Поэтому существуют особые социальные аспекты модернизации, требующие устранения остаточных деформаций социального наследия 1990-х гг., корректировки курса в области науки, образования, здравоохранения, культуры, которые в 2000-е гг. превратили общее (общенациональное) дело Культуры в поприще для узкого круга элиты, а в области науки и образования привели к возникновению научно-образовательных «газпромов» и «роснефтей», обеспечивающих воспроизводство этой элиты, но не способных выполнять те социальные функции, которые эти институты несли в себе как публичные институты производства и распространения знаний; воспитания и становления личности; социальных лифтов и источника формирования «класса развития».

Сегодня лидеры мирового экономического развития (прежде всего США) все силы и ресурсы государства и нации концентрируют на управлении будущим, целенаправленном и планомерном создании научных, научно-технических, инновационных и технологических заделов. И здесь лидирует государство, отдавая странам второго эшелона прогресса и коммерческому сектору освоение ближнего космоса, значительную часть IT-экономики, других отраслей преды-

дущего уклада. Прорывные военные технологии, медицина, биотехнологии и фармацевтика, нанотехнологии, информационно-телекоммуникационные технологии, основанные на новых принципах, революция в материалах – все это поддерживается государством в специфических формах, характерных для американской системы регулирования интеллектуального производства, сотрудничества с бизнесом там, где лежат основополагающие национальные интересы и долгосрочные стратегические ориентиры, направленные на экономическое доминирование в будущем мире. Учет этих мировых трендов и императивов развития требует воссоздания в России систем стратегического целеполагания, стратегического планирования и управления, политических, экономических и институциональных механизмов выработки и реализации стратегических приоритетов.

Сегодня прогресс человеческой цивилизации и ее главные ценности – человек, его жизнь и здоровье, достоинство, права и свободы – обуславливают то, что человеческое измерение развития становится главным в системах глобальной экономики на всех ее уровнях, в региональных и национальных подсистемах. Защита прав и свобод человека представляет собой подлинное содержание обеспечения глобальной, региональной, национальной и иных локальных видов и разновидностей безопасности.

В системе западной цивилизации это понимание, сформированное в новое время, стало основой общества модерна и постмодерна, способствует продуктивному синтезу конкурентной рыночной экономики, развитию гражданского общества, правового государства с широким набором социальных функций и гарантий. Одновременно это является универсальной тенденцией, закономерностью, по которой можно судить о реальном прогрессе модернизирующихся обществ как стран третьего мира, так и постсоциалистических. Это важное методологическое положение, потому что любые варианты мобилизационного развития с принесением в жертву демократических ценностей, прав и свобод человека, с уступками авторитаризму могут дать лишь частичный и ограниченный во времени экономический результат, абсолютно не гарантирующий достижение стратегических целей модернизации, выхода на рубежи информационного общества и экономики, основанной на знаниях. Однако и сегодня, несмотря на исторические уроки и позитивный пример наиболее

успешных стран, соблазн авторитаризма, развитие ценой ущемления прав и свобод личности остаются реальной угрозой и непреодолимым препятствием на пути социально-экономического прогресса, формирования свободного, открытого и демократического общества.

В России в период рыночной трансформации, по сути, полностью сменилась парадигма безопасности и развития, институтов и механизмов ее обеспечения. Права и интересы личности декларировались в качестве ценностей, стоящих выше интересов государства и общества. Но на практике самые насущные права и свободы личности, связанные с ее достоинством, материальными и нематериальными интересами, еще не стали безусловной ценностью, социальным и политическим императивом как для власти, так и для общества, государства, бизнеса, всех слоев общества и элит. Социальная поляризация и раскол общества, резкие социальные контрасты и конфликты интересов постоянно провоцируют соблазны, дополнительные стимулы и аргументы для использования авторитарных методов, сужают границы свободных конкурентно-рыночных отношений. Это толкает к историческим рецидивам мобилизационных моделей догоняющей модернизации с ее вечным парадоксом соревнующихся Ахилла и черепахи. Политически это опять выталкивает модернизирующееся общество на «особые пути развития», в плоскость непонимания и напряженности в контактах с внешним миром.

Запад сегодня также во многом живет в координатах устаревшей парадигмы безопасности. Разрыв в образе, стиле и уровне жизни между странами «золотого миллиарда» и остальным миром в условиях глобального информационного общества, доступности любой информации в системе «онлайн» и недоступности для всех равных возможностей «здесь и сейчас» подрывает основы глобальной безопасности, создает принципиально новые вызовы и угрозы для национальной безопасности богатых стран. Глобальное доминирование США и ЕС, попытки унифицировать мир и навязать ему свои ценности, в том числе путем гуманитарных интервенций, не могут помочь в поиске новой парадигмы развития и безопасности, их гармонизации. Сегодня ни ограничения модели устойчивого развития, ни «обезболивающие» глобальные институты благотворительности не решают проблемы мира – проблемы несходимых параллельных миров социального Эдема и социального Ада.

Нужна новая парадигма – самоограничения полюса богатства и продуктивного развития полюса бедности. Словом, нужен такой миропорядок, в котором будет обеспечена прочная экономическая безопасность на основе социально ответственной рыночной экономики и модернизированного государства.

Теперь о том, как вывести экономику России на траекторию устойчивого развития. В последние годы российская экономика столкнулась с падением темпов роста, что вызывает большую тревогу за будущее страны, особенно в условиях вводимых экономических санкций со стороны США и ЕС и заметно ускорившихся темпов роста мировой экономики. За последние 5 лет (2013–2017 гг.) среднегодовой темп прироста российской экономики составил всего 0,2%, в то время как мировая экономика ежегодно прирастала на 3–4%. Важнейшими причинами стагнации российской экономики выступают падение инвестиционной активности в стране, от которой в решающей степени зависят темпы роста экономики, и нарастание в структуре инвестиций доли, идущей на развитие сырьевых отраслей. Инвестиции в основные фонды в сопоставимых ценах в 2013 г. приросли на 0,8%; в 2014 г. сократились на 2,5%, в 2015 г. – на 8,4%, в 2016 г. – на 0,9%; в 2017 г. возросли всего на 1,2%¹. По абсолютному объему в 2017 г. инвестиции в России на душу населения в основные фонды, рассчитанные в долларах в постоянных ценах 2005 г. и по паритету покупательной способности рубля, были в 3–4 раза меньше, чем в США и других наиболее развитых странах.

Если мы посмотрим на инвестиционную активность в России в разрезе отраслей, то увидим, что сырьевая направленность развития российской экономики не только не сокращается, а, напротив, увеличивается. Так, в 2016 г. инвестиции в текущих ценах в добычу полезных ископаемых увеличились на 30%, а в обрабатывающие отрасли и социальную сферу сократились в целом по всем обрабатывающим отраслям на 2,3%.

Словом, инвестиционное состояние экономики страны незавидное. И простого выхода из ситуации нет. А как обстоит дело с непростыми? Есть много разных рецептов, но если отбросить самые радикальные и экзотические, то рассмотрения заслуживают две школы

¹ Инвестиции в России 2017: стат. сб. М., 2017. С. 11.

мышления. Первая – это, как я их условно называю, «перфекционисты», «улучшатели». Это люди, безоговорочно верящие в механизмы рыночного саморегулирования и личную ответственность граждан. Они любят говорить, что обожают частный бизнес, и демонизируют государство. Правда, в риторике. На практике они реально формируют и проводят экономическую политику страны вот уже четверть века, считают ее правильной и единственно возможной. Выход из стагнации «перфекционисты» видят исключительно в реализации комплекса мер по улучшению так называемого инвестиционного климата. Первое, чего они хотят, чтобы деньги были длинными и дешевыми. Для этого нужно прежде всего снизить инфляцию до 4%; если это удастся, появятся дешевые кредиты, и будто бы встанут с печи потенциальные частные инвесторы, начнут занимать деньги и вкладывать их в производство отечественных товаров. Заметим, что из всего объема производственных инвестиций в стране только 8–10 % – банковские кредиты, а все остальное – это собственные средства предприятий и бюджетные деньги.

Невольно возникает вопрос: почему эти деньги не идут в инвестиции? Мой ответ простой: дело не в дороговизне денег, а в том, что не ясно, зачем вообще их инвестировать. Инвестиционный климат, как говорят «улучшатели», плохой у нас еще и потому, что кругом коррупция, сплошь и рядом монопольные сговоры, бюрократический произвол в отношении малого и среднего бизнеса, слабые гарантии частной собственности и т.д. В советские времена все это (правда, применительно к западному капитализму) порождало «неуверенность в завтрашнем дне». Разумеется, равенство людей перед законом, независимое судопроизводство, охрана частной собственности исключительно важны и необходимы. Но ведь это долгий процесс. И «улучшатели» все это понимают. Известно, что они представили президенту проект, где заявили, что несколько лет мы будем медленно выздоравливать, решая отмеченные выше задачи. А когда выздоровеем, тогда и начнется стабильно высокий рост всей экономики.

Вторая школа мышления, на мой взгляд, более прагматичная и поэтому предпочтительная, может быть условно обозначена как общество «интервенционистов». Здесь есть разные мнения по вопросу «что делать?». Но всех объединяет идея, что запуск стагнирующей

экономики России и тем более перевод ее на траекторию устойчивого роста невозможен без мощных государственных инвестиций. И похоже, такому подходу альтернативы нет. Страна не может бесконечно долго прозябать в ожидании позитивных социокультурных и институциональных изменений. В нашей специфической ситуации государство должно инициировать большие проекты, например развития транспортной инфраструктуры, и делать их привлекательными для потенциальных частных инвесторов.

России есть три потенциала развития. Два из них так или иначе используются, а третий – нет. Первый потенциал – природный. Его плоды делятся неравномерно, что создает вопиющее материальное неравенство, и это нехорошо. Но все-таки он используется. Второй – интеллектуальный. Мощная инерция советской науки и образования тоже позволяет нам его использовать. Рождаются любознательные молодые девушки и юноши, которые могли бы сделать много хорошего, и они это делают, но зачастую не в России. А третий потенциал – пространственный. Вот он у нас почти не используется. А это очень важно для здоровой экономики вообще и для рынка труда, в частности. Поэтому считаю целесообразной реализацию идеи транспортного коридора между Европой и Азией через Россию со строительством высокоскоростной железной дороги. Тем более что в депрессивные времена, как сейчас, капиталовложения в мегапроекты, в принципе, безальтернативны. А для нас инфраструктурные проекты – это еще и единственный рычаг «стягивания» огромной территории, устраняющий фрагментарность рынка труда.

В общем, российская экономика требует существенного обновления материальной базы. Для этого есть проверенный способ – структурная политика: установление государством приоритетных направлений экономического развития и применение адекватных средств их реализации. Но очень важно определить критерии отбора приоритетов. Здесь есть свои особенности.

Во-первых, вряд ли существует совершенный и не зависящий от субъективных устремлений механизм определения приоритетов структурной перестройки экономики. Как нет «совершенного» рынка, обеспечивающего оптимальную аллокацию ресурсов, так нет и идеального научно обоснованного государственного механизма выявления потребностей общества в той или иной структуре экономики.

Однако, чем демократичнее общество, тем быстрее при прочих равных условиях будет замечена ошибка в расстановке приоритетов.

Во-вторых, в приоритеты структурной и промышленной политики следует закладывать те направления развития, применительно к которым Россия еще сохраняет конкурентные преимущества (реальные или потенциальные). Это в целом подлежит тщательному системному изучению с участием научных коллективов, включающих представителей экономических и естественных дисциплин.

В-третьих, ряд приоритетов современной промышленной политики должен носить не отраслевой, а межотраслевой характер. Такие проекты характеризуются высокой степенью затратности, большими инвестиционными рисками и длительным производственным циклом. Иначе говоря, они не могут быть осуществлены без системной господдержки из-за «слабых рыночных стимулов». Важно постоянно помнить, что именно способность производить подобные системы удерживает страну в ряду ведущих мировых держав.

Попов Гавриил Харитонович,

д.э.н., профессор, академик РАН,

почетный президент ВЭО России,

председатель Сената (Совета старейшин) ВЭО России

В сетях антиномий...¹

Аннотация. Рассматриваются некоторые глобальные несоответствия (антиномии) современного мира (разрыв между золотым миллиардом и жителями стран третьего мира; продолжительность обучения и его оторванность от трудового процесса; экономические проблемы и реклама потребительства и т.д.). Автор формулирует существующие проблемы и предлагает нетривиальные решения (переход от экономики потребления к экономике ресурсосбережения, регулирование рождаемости, от экономики трудовой жизни к экономике всей жизни, от экономики всеобщего эквивалента к экономике прямых затрат, от концепции наций территориальных к нациям культурно-национальной автономии). Даются предложения по изменению налогообложения и решению проблемы социальной справедливости.

Ключевые слова: антиномии, разумное потребление, регулирование рождаемости, экономика прямых затрат, проблемы занятости, рациональная продолжительность обучения, налогообложение, социальная справедливость

Popov Gavriil,

Doctor of Economics, Professor,

Academician of the Russian Academy of Natural Sciences,

¹ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№2, 2018, с. 47–52).

*Honorary President of the Free Economic Society of Russia,
Chairman of the Senate (Council of Elders) of the Free
Economic Society of Russia*

In networks of antinomies...¹

Abstract. The article examines some global inconsistencies (antinomies) of the modern world (the gap between the golden billion and people living in third world countries, the educational duration and its isolation from the labor process, economic problems and advertising of consumerism, etc.). The author formulates existing problems and suggests non-trivial solutions (the transition from the consumption economy to the economy of resource saving, the regulation of the birth rate, from the economy of working life to the economy of the whole life, from the economy of the universal equivalent to the direct costs economy, from the concept of nations territorial to the nations of cultural-national autonomy). The article gives suggestions on changing the taxation and solving the problem of social justice.

Keywords: antinomies, reasonable consumption, birth control, direct costs economy, employment problems, rational educational duration, taxation, social justice

Когда мы обсуждаем будущие проблемы экономики, мы сталкиваемся с некоторыми глобальными несоответствиями. Эммануил Кант назвал бы их антиномиями. С одной стороны, каких-либо перспектив преодоления разрыва между 6 миллиардами людей, живущих в странах третьего мира, и одним золотым миллиардом на обозримом историческом пути не видно. Жителям Азии и Африки остается только штурмовать границы Европы и США. Несомненная антиномия.

Миллионы молодых людей учатся чуть ли не до 25 лет. Две трети молодежи не видят смысла в этой учебе и впадают в депрессию. Отсюда – стрельба в американских школах, издевательства над сверстниками в наших школах, бунты европейских студентов, участие нашей молодежи в демонстрациях Навального, толпы исламских радикалов. И так далее. Несомненная антиномия.

¹ The article was published in the journal «Economic Revival of Russia» (No. 2, 2018, pp. 47–52).

Далее. Мы, с одной стороны, все время говорим о потеплении; с другой – ежедневные телепередачи убеждают нас в необходимости приобретать новые вещи, созерцать олимпиады, парусные регаты. Поощряются гигантские сферы затрат. Несомненная антиномия.

И, наконец, внутри страны у нас несомненное несоответствие между устойчивой, неоднократно проявленной, твердо сложившейся готовностью не уходить с исторической арены и остаться одной из великих держав, с одной стороны, и той программой стабильности, которую нам предлагают на ближайшие годы – с другой. Программа правительства никоим образом амбиции нации не реализует и не поддерживает. Антиномия.

Сталкиваясь с такими глобальными несоответствиями, чувствуешь необходимость выйти за рамки той системы рассуждений, в которой мы находимся, и попытаться рассуждать как-то иначе.

Приведу некоторые соображения.

Первая проблема. Переход от экономики потребления к экономике ресурсосбережения.

Вся экономика ориентирована на то, чтобы обеспечить потребление. Это вполне понятно – человечество должно выжить. Но что представляет собой потребление? Лев Николаевич Толстой в начале XX в. убедительно показал, что в так называемом спросе решающую роль играют факторы, не очень важные для жизни человека, вызванные иллюзорными потребностями и спросом.

Потом Герберт Маркузе сформулировал теорию о так называемых мнимых потребностях, которые господствуют над человечеством. Даже общество государственно-бюрократического социализма не вышло из этой схемы. Опять нам был предложен строй, где будет каждому по потребностям. Только во второй половине XX в. в работах теоретиков Римского клуба впервые была выдвинута идея необходимости согласования потребления с имеющимися ресурсами. А сегодня, на мой взгляд, уже можно говорить, что рано или поздно главным для экономики станет забота о ресурсосбережении.

Конечно, можно преодолеть кризис углеводородных ресурсов, добраться до энергии Солнца. Но ясно и совершенно другое – в исторической перспективе само наше светило всего лишь желтый угасающий карлик, конечный, как и все во вселенной.

Поэтому, если главная задача человечества – сохранить возникший на Земле Разум, то логическим следствием должна быть экономика ресурсов. Переход к экономике ресурсов изменяет всю концепцию, все установки человеческой жизни.

Вот показывают по телевизору моды в Лондоне. Королева Великобритании дала старт новому циклу этих мод. А чему реально она дает старт? Новому циклу выбрасывания готовых вещей, если называть все своими именами. И ничего другого за этим нет.

Однажды на заседании ученого совета у нас на экономическом факультете я обратил внимание моего учителя, Льва Яковлевича Берри: «Смотрите, какой красивый костюм на этом профессоре». А Лев Яковлевич говорит: «Гаврила Харитонович, это все не наше. У нас, у русской интеллигенции, было правило: профессор может менять костюм только раз в пять лет. Это дворяне жили по другим моделям. Они гонялись за модой. А что касается нас, то мы жили вот по этим меркам».

Размышляя о будущем, я легко могу предположить, что люди, которые будут осваивать Луну или Марс, о модах на скафандры думать не станут. Они будут думать о чем угодно, но не о моде.

Но одежда и обувь – только одна из областей растраты ресурсов. Варианты мебели, посуды, телефонов, продуктов питания... На каждом шагу все выходит за рамки того, что можно назвать разумными ограничениями.

Вольное экономическое общество в XIX в. развернуло борьбу за внедрение в России сыроварения. Молока у крестьян и помещиков оставалось много, оно пропадало, а везти было некуда. Сыроварение было для них реальной перспективой. Но когда я сегодня прихожу в магазин и вижу количество сортов сыра, я начинаю понимать, что это уже далеко вышло за рамки потребности в сбережении молока.

Путь в будущее в одежде, в домах, в квартирах – это путь разумных норм. Человек вступает в борьбу, говоря словами братьев Стругацких, с Хищными Вещами Века. И еще одно. Вместе с разумным потреблением исчезнет и одна из главных баз рынка. Что такое рынок? Это предложение массы вещей, из которой на рынке делают выбор. При разумных нормах потребления эта система вообще исчезнет.

Вторая проблема. **Переход от принципа «плодитесь и размножайтесь» к регулированию рождаемости.**

«Плодитесь и размножайтесь» – таково якобы первое напутствие Бога. Но уже Мальтус связал проблему бедности с проблемой рождаемости. Грандиозный экономический рывок Китая в последние десятилетия связан, несомненно, с провозглашением и соблюдением принципа «одна семья – один ребенок».

Как я уже отмечал, сегодня шесть миллиардов людей живут несопоставимо хуже золотого миллиарда. И никакой рост производительности эту проблему не решит ни сейчас, ни в обозримом будущем. Единственно верный путь решения этой проблемы – регулирование рождаемости.

Отдельные страны, например Россия, могут на протяжении короткого исторического периода заботиться о рождаемости, чтобы восполнить убыль населения в ходе великого эксперимента по насаждению бюрократического социализма. Но в целом ООН должна сделать главной заботой – обеспечение сокращения рождаемости в бедных странах любыми методами, вплоть до использовавшихся в Китае. А что происходит сейчас? Прилетает самолет ООН в Африку, привозит вакцину, делают прививки 10 тысячам детей и потом бросают их голодать. На мой взгляд, регулирование рождаемости должно стать одной из главных задач.

Третья проблема. **Переход от экономики трудовой жизни к экономике всей жизни.**

В прошлом жизнь человека делилась на три этапа: подготовительный (детство), трудовой и заключительный. Сегодня очевидны изменения в самом цикле человеческой жизни. Есть объективная необходимость в длительной учебе, но почему эта учеба полностью оторвана от труда? До 25 лет человек выступает в роли «недоросля». Бесплатное образование и государственные стипендии стали своего рода попыткой общества откупиться от молодежи, дать ей взятку за готовность сидеть, ничего не делать и чего-то ждать. Вот эта взятка и определяет нынешнюю ситуацию.

Как известно, только у 20% детей к 12–13 годам выявляются способности к занятию науками, теорией. Таких детей и надо учить дальше. А основной массе молодежи достаточно 7 лет обучения и на

этом общее образование надо заканчивать. Дальше эта молодежь должна совмещать работу с учебой; начинать сразу после седьмого класса, к 18 годам получать несколько профессий и потом выбирать, какая из них подходит. Если с возрастом у них появится желание учиться дальше, то это должно быть дистанционное – заочное, вечернее образование. Миллионы молодых людей, которые начнут работать в 12–13 лет и одновременно будут учиться, составят сектор, который многие теоретики на Западе (и я с ними согласен) называют сектором безбородой занятости.

Не менее антиномной выглядит и так называемая старость. Когда главной заботой бабушек и дедушек была куча внуков, которыми они занимались. Теперь старшее поколение вообще не видит внуков. Благодаря успехам медицины здоровые люди могут работать и в 70, и в 75 лет. А мы всеми правдами и неправдами стараемся их выбросить из сферы труда.

Надо все изменить, надо дать возможность работать раз или два раза в неделю, или 2–3 часа в день. Сегодня наличие мощной системы интернета позволяет вообще не приходить на работу. С учетом перечисленных факторов возникает сектор, который на Западе исследователи называют «сектором серебряной занятости». Это тоже важнейшая проблема экономики будущего.

И наконец, домашнее хозяйство и домашний труд. Сотни лет работа женщин дома была краеугольным камнем цикла воспроизводства человеческой жизни. Сегодня в семье, как правило, 1–2 ребенка. Стоит ли ради этих 1–2 детей создавать многолетнее домашнее хозяйство? Современная техника уборки, стирки, приготовления пищи буквально выбрасывает миллионы женщин из сферы домашнего труда в сферу общественного труда. Пустите этих женщин работать. То, что мы видим сейчас (какие-то сексуальные скандалы и пр.), – это только цветочки, а в перспективе – проблема женской занятости, необходимость трудоустройства миллионов женщин.

Один пример. Когда одна из первых советских делегаций была в Японии, нас в одной фирме поразила забота о молодых девушках, которые в 20–22 года после 2–3 лет работы уходят рожать. За ними сохранялись рабочие места и небольшие выплаты, чтобы они, как только дети чуть-чуть подрастут, возвращались в эту фирму и продолжили работать.

Я думаю, что сфера занятости женщин, фиктивно прикрываемая сейчас требованиями и лозунгами равноправия, должна стать предметом постоянного анализа экономистов.

Четвертая проблема. **Миграция населения.**

Лев Гумилев связывал гигантские переселения народов с изменениями климата. Сейчас одни ученые говорят о грядущем потеплении, другие – об оледенении, но все согласны в одном: миллионы людей должны будут поменять место жительства. Это процесс, к которому надо готовиться десятилетиями, его нельзя решать, собрав заседание Верховного Совета или Правительства. Чтобы справиться с предстоящей гигантской миграцией на нашей планете, надо решить много проблем. Одной из главных я считаю проблему национальности. Фундаментальным должен быть переход от концепции наций территориальных к нациям культурно-национальной автономии. Только на этих позициях можно решить проблему миграции. А иначе может возникнуть ситуация античности, когда миллионы варваров сотни лет нападали на цивилизацию Древнего Рима.

И наконец, пятая проблема. **Переход от экономики всеобщего эквивалента к экономике прямых затрат.**

Сейчас происходит массовое вторжение криптовалют. Но что такое криптовалюта? Это попытка замены единого эквивалента группой эквивалентов, а для чего нужна группа эквивалентов?

Когда я начинал работать в московском совнархозе (еще при Хрущеве), деньги на заводе делились так. Самыми ценными деньгами были три процента, составлявшие фонд, которым директор мог распоряжаться без всяких разрешений. Этим деньгам цены не было. За них давали станки, оборудование – все что хочешь. Другая группа денег – фонд зарплаты, эти деньги тоже ценились. Третья группа – деньги, обеспеченные планами материально-технического снабжения и тоже чем-то гарантированные. И, наконец, четвертая группа – деньги, ничем не обеспеченные. Деньги были, а обеспечения под них не было. Когда внедрялась хозяйственная реформа Косыгина, фонд развития, который предусматривала эта реформа, составили именно этими деньгами – ничем не обеспеченными и ничем не гарантированными. А потом разводили руками – почему этот фонд пропал?

Что происходит сегодняСегодня происходит кризис самой системы, самой идеи денег. Ей явно не по плечу сложности современной экономики. Совершенно ясно, что деньги на науку и деньги на развитие медицины – это далеко не то же самое, что деньги на развитие промышленности. Длинные деньги, занятые в строительстве, радикально отличаются от денег потребительского спроса населения.

Думаю, что в движении захвата Уолл-стрит, которое удалось временно прижать, были существенные рациональные звенья. Именно государственные инструменты позволили Соединенным Штатам создать государственный долг в 20 триллионов долларов, залезть в будущее своих детей, внуков – растрачивать деньги будущих поколений. Это факт. Не будь финансовых инструментов, никто не смог бы этого сделать.

Дальше, очень важный момент. Умственный труд (о нем говорил Сергей Дмитриевич) – это труд информационный. А вся наша экономическая наука основана на труде физическом – на теории трудовой стоимости. Но эта теория неприменима к информационному труду. Отдавая какую-то информацию, я ничего не теряю, я остаюсь с этой информацией, я ее не расходую. Поэтому ценность информации невозможно измерить в деньгах – будь то открытие ученого или картина художника.

Будущее – это ориентация на долгосрочные проекты: на образование, лечение, пенсии, космос, охрану окружающей среды... И единые деньги тут не подходят. Каждый раз нужны какие-то конкретные деньги. И современная техника учета затрат, интернет давно уже позволяют перейти к реализации учета прямых затрат.

Поэтому мне кажется, что финансовый капитал (тут я согласен с Сергеем Дмитриевичем) уйдет со сцены вместе с финансовой экономикой. Как ушли земельная собственность, крепостное право и другие инструменты, которые столетиями считались нормальными основами человеческой жизни.

Будущее экономики – это исчерпание финансового капитала. И когда я слышу, что создают комитет будущего, который возглавят финансисты, я понимаю, что из этого комитета ничего хорошего получиться не может. Потому что ни один финансист не в состоянии думать иначе, чем он привык думать в своей отрасли.

Пять рассмотренных выше позиций – только часть будущей экономики. На самом деле их гораздо больше. Например, проблема налогообложения. В свете сказанного выше нелепо брать налог с размера дохода – его надо брать с затраченных ресурсов. Дальше. Нелепо взимать налог при выдаче зарплаты, его надо брать при ее расходовании. Но еще важнее, чем экономика, социальные проблемы будущего. В этой области необходимы радикальные перемены.

Проблема социальной справедливости. Разве можно ожидать нормальной жизни в мире, где 14% валового продукта принадлежит трем тысячам миллиардеров? В XX в. революции начинались при гораздо меньшем соотношении богатых и бедных.

Основную часть ежегодного высокого дохода получатель должен перечислять в особые фонды. В Советском Союзе существовал партмаксимум. И этой частью получатель должен был распоряжаться с участием общества, эти деньги тратились на цели, которые устанавливает общество.

Дальше. Необходимо изменить порядок наследования. Почему кто-то должен наследовать кем-то полученные гигантские деньги? Следует установить предел наследования и жесткую предельную величину фонда наследования. Надо ограничить круг наследников большими, несовершеннолетними детьми, неработающей женой и т.д., а остальное наследство передавать обществу.

Но самой главной проблемой будущего я считаю проблему элиты России. Мы все видели зал, который слушал Послание Президента Путина. Можно ли сказать, что люди, сидевшие в этом зале, способны понять проблемы будущего, которые стоят перед обществом?

Если мы не хотим повторить ошибку 1917 г., когда избрали бесперспективную модель будущего, или ошибку 1989 г., когда начали ломать старое, не проведя необходимой дискуссии, то мы должны более серьезно относиться к будущему.

раздел 2

Реиндустриализация
и новые технологии:
к экономике будущего

Клейнер Георгий Борисович,

*д.э.н., к.ф.-м.н., заместитель научного руководителя
Центрального экономико-математического института
РАН, зав. кафедрой системного анализа в экономике
Финансового университета при Правительстве РФ,
член-корреспондент РАН*

Промышленные экосистемы: взгляд в будущее¹

Аннотация. Предлагается концепция «промышленного будущего» России, основанная на предположении о ведущей роли в индустриальном развитии промышленных экосистем – устойчивых социально-экономических образований, органически сочетающих черты кластеров, холдингов, финансово-промышленных групп, технопарков и бизнес-инкубаторов. Такие социально-экономические системы станут наиболее вероятными претендентами на роль основных структур в промышленности и в организации экономики в целом. С точки зрения экономической методологии социально-экономические экосистемы представляют особый интерес, объединяя концепции экономических, экологических и природно-биологических систем, что позволяет реализовать междисциплинарные подходы и методы анализа. Рассматриваются возможности системного моделирования социально-экономических экосистем и показывается, что четырехэлементный комплекс (тетрада), включающий объектную, средовую, процессную и проектную составляющие, взаимодействующие путем передачи пространственно-временных и энергетических ресурсов, является эффективным инструментом моделирования со-

¹ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№2, 2018, с. 53–62).

циально-экономических экосистем. Анализируются особенности организации промышленного производства в России в средне- и долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: экосистема, социально-экономические экосистемы, организация промышленности, перспективы промышленно-го развития, системное моделирование, тетрада

Kleiner Georgy,

Doctor of Economic Sciences,

Candidate of Physical and Mathematical Sciences,

Deputy Head of the Central Economics and Mathematics

Institute of the Russian Academy of Sciences,

Department of System Analysis in Economics

of the Financial University under the Government

of the Russian Federation, Corresponding Member of RAS

Industrial ecosystems: a look into the future¹

Abstract. The article proposes the concept of «industrial future» of Russia based on the suggestion of a leading role of industrial ecosystems (stable socio-economic entities that combine the features of clusters, holdings, financial and industrial groups, technology parks and business incubators) in the industrial development. Such socio-economic systems will become the most possible candidates for the role of the main structures in industry and in the organization of the economy as a whole. From the point of view of economic methodology, socio-economic ecosystems are of particular interest, combining the concepts of economic, ecological and natural-biological systems, which makes it possible to implement interdisciplinary approaches and methods of analysis. The possibilities of system modeling of socio-economic ecosystems are considered and it is shown that the four-element complex (tetrad), including the object, environment, process and design components interacting through the transfer of space-time and energy resources, is an effective tool for modeling socio-economic ecosystems. The article analyzes the specifics of the organization of industrial production in Russia in the medium and long term.

¹ The article was published in the journal «The Economic Renaissance of Russia» (No. 2, 2018, pp. 53–62).

Keywords: ecosystem, socio-economic ecosystems, industrial organization, industrial development prospects, system modeling, tetrad

Целевые программные установки и общие тенденции развития отечественной реиндустриализации в среднесрочной перспективе широко обсуждаются в литературе [2, 3, 4, 6, 18]. Вместе с тем вопрос об основных акторах, структуре и формах организации промышленности в долгосрочной перспективе изучается значительно реже [12]. Мы предлагаем концепцию «промышленного будущего» России, основанную на предположении о ведущей роли в индустриальном развитии промышленных экосистем – устойчивых социально-экономических образований, органически сочетающих черты кластеров, холдингов, финансово-промышленных групп, технопарков и бизнес-инкубаторов. Такие системы станут наиболее вероятными претендентами на роль основных структур в промышленности и в организации экономики в целом. Социально-экономические экосистемы объединяют концепции экономических, экологических и природно-биологических систем, что позволяет реализовать междисциплинарные подходы и методы анализа.

*1. Социально-экономические экосистемы
как объект концептуального анализа*

Концепция социально-экономических экосистем возникла примерно так же, как эволюционная экономическая теория. Теория происхождения видов Ч. Дарвина, объяснявшая эволюцию и многообразие видов животного и растительного мира, послужила своеобразным прототипом, точнее, аналогом для разработки Р. Нельсоном и С. Уинтером эволюционной теории фирмы и популяции экономических агентов [17]. Аналогичным образом через полвека после появления работ А. Г. Tansley [20] по теории природно-биологических экосистем Дж. Мур выдвинул концепцию предпринимательских экосистем – сообществ, функционирующих и развивающихся по законам, близким к закономерностям развития экологических систем [19]. Сегодня ясно, что данная концепция имеет право на существование не только для бизнес-сообществ, но и для значительно более

широкого класса любых социально-экономических систем, включающих организации любых форм собственности, а также физических лиц и их формальные или неформальные группы [5].

Характерными для концепции социально-экономических экосистем являются следующие отличительные особенности:

- *Геолокализация.* Пространственная локализация – функционирование в пре-делах ограниченной территории. Границы этой области с той или иной долей неопределенности известны данному и следующим поколениям участников социально-экономической экосистемы. Члены экосистемы ощущают географическую близость других членов, и это влияет на их поведение.

- *Производственно-воспроизводственный кругооборот.* Функционирование участников социально-экономической экосистемы осуществляется главным образом за счет потребления продуктов, производимых участниками системы. В состав социально-экономической экосистемы включаются юридические и физические лица, которые испытывают существенное влияние участников данной системы и в какой-то степени зависят от них, в противном случае они относятся к внешней среде. Таким образом, функционирование социально-экономической экосистемы обеспечивается в основном за счет кругооборота продуктов жизнедеятельности участников, а также за счет реорганизации (слияния, присоединения, разделения, выделения, преобразования) самих участников.

- *Адаптивность.* Социально-экономическая экосистема стремится к сохранению системы в целом и ее участников в условиях изменений внешней среды путем продления или сокращения жизненных циклов участников, усиления или ослабления событийного фона и т.п.

- *Разнокачественность.* В состав социально-экономической экосистемы входят компоненты средового и процессного характера, обеспечивающие связность (интегрированность) системы и взаимодействие с внешней средой. Резкие изменения внутренней и внешней среды, прекращение жизнедеятельности или реорганизация участников образуют событийный фон социально-экономической экосистемы. В итоге внутренняя среда системы отличается разнообразием, изменчивостью и разнокачественностью составляющих. К социально-экономической экосистеме обычно относят и производимые ее участниками продукты жизнедеятельности.

- *Междисциплинарность.* Изучение особенностей экосистем требует привлечения таких дисциплин, как экономика, социология, психология, антропология, история, культурология, и т.п. Соответственно необходимы междисциплинарные вставки и перемычки, обеспечивающие согласование между моделями экосистем, формируемыми в рамках подобных дисциплин [13]. По сути, здесь должны быть интегрированы междисциплинарные теории фирмы, комплексная теория человека, теория техноценоза [16] и др.

2. Социально-экономические экосистемы как предмет экономического анализа

Возрастание роли социально-экономических экосистем в экономике России в средне- и долгосрочной перспективе обусловлено обстоятельствами, сложившимися к настоящему времени.

Можно отметить процессы размывания экономико-управленческих границ предприятий. На подавляющем большинстве российских предприятий имеет место явление, которое можно назвать эксцентриситетом управления. Лицо, принимающее реальные решения относительно поведения предприятия, может находиться за тысячами километров от него. Собственники периферийных предприятий находятся обычно либо

в Москве, либо за рубежом. Зачастую их местонахождение неизвестно. Соответствие между юридическими лицами и реальными товаропроизводителями нарушено. Между предприятием и рынком располагается целый ряд структур: холдинги, формальные и неформальные финансово-промышленные группы, кланы и т.п., которые искажают информационное взаимодействие между предприятием и рынком. Это приводит к снижению эффективности экономики в целом. Наметившаяся тенденция скорее всего сохранится в обозримом периоде. Реальными действующими лицами в экономике станут различные социально-экономические экосистемы. В качестве примера приведем бизнес-структуру «Сумма» братьев З. и М. Магомедовых. Это – многоуровневая, многофункциональная и разветвленная система, в которой отдельные предприятия представляют собой часть сложного целого. Поучительным примером является ситуация, сло-

жившаяся к моменту недавней трагедии в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня» (г. Кемерово). С юридической точки зрения он представлял собой совокупность самостоятельных предприятий, а с экономической – функционировал как единый комплекс, от действий которого зависели благополучие и жизнь многих сотен граждан. Вывод состоит в том, что социально-экономические экосистемы подобного типа должны официально регистрироваться и контролироваться.

С точки зрения экономической иерархии социально-экономические экосистемы относятся, как правило, к объектам мезоэкономического уровня. Это означает, что основной их целью должно быть не получение прибыли, а эффективная реализация общеэкономических функций (производство, распределение, обмен, потребление), необходимых для жизнеобеспечения определенной группы социально-экономических объектов (поселений, отраслей, комплексов).

Рассмотрим промышленные экосистемы как вид социально-экономических экосистем. Промышленность как отрасль народного хозяйства характеризуется значительными масштабами производства (массовое, серийное) однородной продукции. Даже если речь идет об индивидуальном потребителе, промышленное производство, как правило, предполагает разработку технологии, обеспечивающей воспроизводство данного изделия (возможно, с иными параметрами) для другого индивидуального потребителя.

Соответственно, промышленные экосистемы создаются с целью минимизации затрат на функционирование всех элементов промышленного производства: научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, маркетинга, изготовления оснастки, подготовки производства, создания опытных образцов, массового или серийного производства, сервисного обслуживания. Это требует от промышленной экосистемы создания условий для поддержания устойчивого взаимодействия между участниками экосистемы, краткосрочными (турбулентными) и долгосрочными (ламинарными) бизнес-процессами в условиях благоприятной для промышленного производства бизнес-среды и институциональной сферы в целом. Промышленные экосистемы должны стать своеобразными прототипами разнообразных социально-экономических экосистем как ключевых акторов экономики будущего.

*3. Социально-экономическая экосистема как объект
системного анализа*

Современная версия системной социально-экономической теории опирается на три основных постулата [7, 8, 15]:

1. Основной предмет изучения – социально-экономические системы, т.е. доступные для наблюдения в пространстве–времени образования, в состав которых входят (неисключительным образом) агенты, институты, исторические прецеденты, инициативы и тенденции. Такие системы подлежат комплексному исследованию со стороны экономики, социологии, политики и других дисциплин.

2. Социально-экономическая сфера представляет собой поле реализации процессов возникновения, взаимодействия, трансформации и ликвидации систем.

3. Каждая система имеет свои имманентные качественные характеристики, допускающие сопоставление с характеристиками других систем, так что основным методом анализа служит качественное сравнение систем по известному ограниченному кругу характеристик.

Для описания социально-экономических экосистем используются две группы характеристик. Первая характеризует размещение системы в пространственно-временном континууме (иными словами, возможность доступа к определенным ресурсам пространства и времени), вторая – наличие у системы способностей (возможностей, потенциала, перспективы) эффективного использования ресурсов пространства и времени. Первую группу характеристик будем называть экзистенциальными, вторую – энергетическими, имея в виду, что в физике различают два вида механической энергии: потенциальную, связанную с взаимодействием тел, и кинетическую, связанную с движением тел. Энергия социально-экономических систем тоже складывается из двух составляющих: интенсивности, направленной на освоение пространства (аналог потенциальной энергии), и активности, направленной на освоение времени, т.е. развитие (аналог кинетической энергии).

Выделяют четыре группы систем:

1. Системы объектного типа, на жизнедеятельность которых ощутимо влияет наличие пространственных границ, известных участникам деятельности системы, и не оказывают заметного влияния

(или вовсе отсутствуют) временные ограничения. Примеры: предприятие, регион, государство.

2. Системы средового типа, где границы доступного пространства и времени не оказывают ощутимого влияния на функционирование системы или вовсе отсутствуют. Примеры: инфраструктура, федеральное законодательство, инвестиционный климат.

3. Системы процессного типа, где присутствуют и оказывают ощутимое влияние временные ограничения, в то время как пространственные ограничения не оказывают ощутимого влияния или отсутствуют. Примеры: бизнес-процессы на предприятии, распространение информации, логистика.

4. Системы проектного типа, испытывающие ощутимое влияние ограничений как на пространство функционирования системы, так и на продолжительность ее жизненного цикла. Примеры: выпуск нового изделия, реорганизация предприятия, строительство здания.

В итоге системы объектного типа (объекты) обладают определенными запасами пространства S и имеют доступ к неограниченным ресурсам времени T , а также демонстрируют способности к эффективному использованию доступного пространства (I); системы средового типа (среды) обладают неограниченным доступом к ресурсам пространства S и времени T , но не наделены достаточными способностями по их эффективному использованию (I и A); системы процессного типа (процессы) обладают неограниченным доступом к пространственным ресурсам S , ограниченными запасами времени T функционирования без перезагрузки и имеют способности для его эффективного использования (A); системы проектного типа (проекты) обладают ограниченными запасами времени T и пространства S и достаточными способностями по их эффективному использованию (A , I).

В свободном социально-экономическом пространстве каждая система в ходе жизнедеятельности стремится восполнить недостаток дефицитных экзистенциальных и энергетических ресурсов, для чего вступает в альянсы с другими системами, обладающими избыточным количеством ресурсов данного типа. Активной силой при формировании таких альянсов являются проектные системы. Они вступают во взаимодействие с объектными и процессными системами, получая от первых доступ к ресурсам времени T , а от вторых – к ресурсам

пространства S . В свою очередь, проектные системы позволяют объектным развивать зачатки способностей по эффективному использованию ресурсов времени (A), а процессным системам – зачатки способностей по эффективному использованию ресурсов пространства (I). Средовые системы делятся с объектными ресурсами пространства S , с процессными – ресурсами времени T , получая от первых возможности эффективно управлять ресурсами пространства (I), а от вторых – ресурсами времени (A).

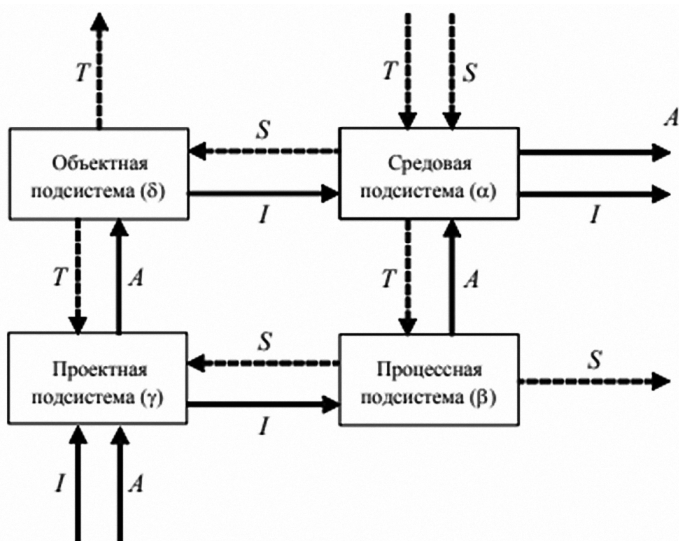
«Поиск» системами партнеров для устойчивого взаимодействия приводит данные системы к включению в *тетрады* – комплексы из четырех стабильно взаимодействующих систем объектного, средового, процессного и проектного типов [8] (см. рисунок).

Из рисунка видно, что средовая и событийная подсистемы осуществляют наполнение тетрады ресурсами, необходимыми для существования (экзистенциальные ресурсы) и функционирования (энергетические ресурсы) тетрады. Обе группы ресурсов поступают в систему из внешней среды, причем пространственно-временные ресурсы являются расходуемыми [10] и восполняются в процессе функционирования, в то время как способности к эффективному использованию пространства и времени не расходуются и не восполняются, сохраняя первоначальный уровень запаса. Тем не менее с помощью средовой подсистемы они, не будучи аддитивными, подобно знаниям, смогут передаваться другим системам.

Функции двух оставшихся подсистем тетрады можно охарактеризовать следующим образом. Объектная подсистема получает от средовой пространственный ресурс S и передает проектной (событийной) системе имеющийся у нее ресурс времени T . Симметрично процессная подсистема получает от средовой ресурс времени T и направляет в событийную ресурс пространства S . Тем самым объектная подсистема осуществляет преобразование $S \Rightarrow T$, процессная – преобразование $T \Rightarrow S$.

В итоге баланс распределения ресурсов A, I, S, T между компонентами тетрады (внутренний *AIST*-баланс) достигается путем предоставления для каждой подсистемы доступа ко всем ресурсам A, I, S, T (табл. 1). Внешний *AIST*-баланс реализуется по ресурсам пространства и времени – путем постоянного получения из внешней среды (через средовую подсистему) ресурсов S, T и возврата ресурса

T через объектную подсистему и ресурса S через процессную; по ресурсам активности и интенсивности – путем разового получения проектной подсистемой из внешней среды запаса ресурсов A, I , а также предоставления для внешней среды доступа к этим ресурсам через средовую под-систему.

Структура и функции тетрады

Таблица 1

Функции подсистем тетрады

Подсистема тетрады	Функции подсистемы
Объектная подсистема	Преобразователь $S \rightarrow T, A \rightarrow I$. Донор T для внешней среды
Средовая подсистема	Реципиент S, T (получение из внешней среды), донор A, I (направление во внешнюю среду)
Процессная подсистема	Преобразователь $T \rightarrow S, I \rightarrow A$. Донор S для внешней среды
Проектная (событийная) подсистема	Реципиент A, I из внешней среды, реципиент S, T из внутренней среды. Преобразователь S, T в A, I

Представление системы в виде тетрады отражает пространственно-временной баланс: а) между компонентами системы; б) между системой и окружающим миром. Баланс здесь понимается как соответствие между ходом, состоянием и выходом каждой рассматриваемой системы в пространственно-временном измерении. Тетраду

можно рассматривать как фундаментальную модель функционирования социально-экономической экосистемы.

В реальности каждая социально-экономическая система в разных пропорциях обладает чертами всех базовых типов. Можно говорить о четырех ипостасях одной системы. В [11] показано, что каждая социально-экономическая система может рассматриваться как комплекс из четырех макроподсистем – объектной, средовой, процессной и проектной. Иными словами, каждая реальная система представляет собой тетраду.

Ключевые каналы взаимодействия между компонентами тетрады связывают их в кольцевую структуру «объектная подсистема – средовая подсистема – процессная подсистема – проектная подсистема», отражающую в общем случае производственно-воспроизводственный цикл метаболизма социально-экономической экосистемы (табл. 2).

Перечислим особенности социально-экономической экосистемы по сравнению с иными видами экономических систем с точки зрения системного анализа:

Таблица 2

Тетрада как модель социально-экономической экосистемы

Составляющие и характеристики экосистемы	Элементы тетрады
Организационная составляющая	Объектная подсистема δ
Средовая составляющая	Средовая подсистема α
Процессная составляющая	Процессная подсистема β
Инновационная составляющая	Проектная подсистема γ
Виды потоков экзистенциальных ресурсов, циркулирующих в экосистеме	Обмен ресурсами пространства S и времени T между подсистемами тетрады, а также с внешней средой
Виды потоков энергетических ресурсов, циркулирующих в экосистеме	Обмен способностями активной A и интенсивной I деятельности тетрады по использованию пространства и времени
Ареал экосистемы	Объем пространства, доступного для функционирования тетрады
Жизненный цикл экосистемы	Период функционирования тетрады

1. Устойчивая локализация (размещение) социально-экономической экосистемы в фиксированной области географического пространства и астрономического времени. Связность контролируемого экосистемой пространства (ареал) и занимаемого экосистемой временного периода (жизненный цикл).

2. Высокая значимость обмена пространственно-временными ресурсами между подсистемами и активный обмен этими ресурсами между экосистемой и окружающей средой.

3. Высокая степень интегрированности экосистемы и наличие прочных связей между объектной, средовой, процессной и проектной подсистемами.

4. Повышенная значимость объектной и средовой подсистем, обеспечивающих максимально возможную продолжительность жизненного цикла экосистемы в условиях пространственной (территориальной) ограниченности.

5. Размытость границ ареала экосистемы, наличие переходной полосы между экосистемой и внешней средой.

6. Внутренняя уравновешенность экосистемы, преобладание длительных ламинарных процессов над краткосрочными турбулентными процессами.

4. Социально-экономическая экосистема как объект междисциплинарного анализа

Перенос понятия экосистемы в экономический контекст, по нашему мнению, позволяет: 1) интегрировать и конкретизировать применительно к экономике два взаимодополняющих подхода к общему понятию системы (система как совокупность взаимосвязанных элементов – «взгляд изнутри» [1], и система как относительно устойчивое в пространстве и во времени образование – «взгляд извне» [9, 14]; 2) акцентировать внимание на аналогиях между миром экономики («экосом») и биологии («биосом»); ориентирует аналитика на рассмотрение экономической системы в пространственно-временном контексте. В итоге появляется возможность исследовать социальные явления одновременно с позиций четырех научных платформ: экономической («экос»), биологической («биос»), географической («геос») и временной («хронос»).

Выводы

1. Фундаментальная связь между составляющими экосистемы основана не на обмене материальными и информационными потоками, а на передаче прав доступа к экзистенциальным ресурсам пространства и времени, а также прав доступа к использованию энергетических ресурсов – активности и интенсивности.

2. Функцию абсорбента экзистенциальных ресурсов играет среда как составляющая экосистемы; функцию аккумулятора энергетических ресурсов – инновационная составляющая экосистемы; функцию преобразования экзистенциальных и энергетических ресурсов – организационная и процессная составляющие экосистемы.

3. Системная тетрада как модель экосистемы позволяет исследовать поведение и структуру экосистем, определять наиболее эффективные пути распределения и потребления основных видов ресурсов экосистемы.

4. Центр тяжести управления на всех уровнях должен быть перенесен на управление экосистемами как самостоятельными социально-экономическими образованиями, относительно устойчивыми в пространстве и во времени, а также являющимися аккумуляторами способностей по эффективному ведению хозяйственной деятельности. В рамках управления самими экосистемами и их взаимоотношениями с внешним миром важнейшей частью обеспечения жизнеспособности экосистем является обеспечение *AIST*-баланса. Здесь соединяются и взаимно дополняют друг друга управление пространством (стратегия пространственного развития и размещения), управление временем (*time-management*) и управление талантами (*talent-management*).

5. Каждая экосистема представляет собой высокоинтегрированную систему, включающую разнокачественные элементы и подсистемы. Управление таким конгломератом должно осуществляться на принципах «мягкого менеджмента», где административно-приказные воздействия уступают место влиянию «полевых (безадресных)» сил, создающих атмосферу взаимного целенаправленного сотрудничества. Среди четырех видов организационной культуры («культура инноваций», «культура регламентации», «культура власти», «культура благоприятной среды») наиболее органичным для управления экосистемами является последний.

Список литературы

1. *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем – обзор проблем и результатов / Л. фон Берталанфи // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 30–54.

2. *Бодрунов С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка: НИО.2. / С.Д. Бодрунов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. – 327 с.

3. *Бодрунов С.Д.* Ноономика / С.Д. Бодрунов. М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.

4. *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С.Ю. Глазьев. М.: Экономика, 2010. – 255 с.

5. *Дорошенко С. В.* Предпринимательская экосистема в современных экономических исследованиях / С.В. Дорошенко, А.Г. Шеломенцев // Журнал экономической теории. 2017. 4. С. 212–221.

6. *Ивантер В.В.* Новая экономическая политика / В.В. Ивантер // Экономическое возрождение России. 2013. № 2 (33). С. 7–12.

7. *Клейнер Г.* Системная парадигма и теория предприятия / Г. Клейнер // Вопросы экономики. 2002. № 10. С. 47–69.

8. *Клейнер Г.Б.* Системная парадигма и системный менеджмент / Г.Б. Клейнер // Российский журнал менеджмента. 2008. Т. 6. № 3. С. 27–50.

9. *Клейнер Г.Б.* Новая теория экономических систем и ее приложения / Г.Б. Клейнер // Журнал экономической теории. 2010. № 3. С. 41–58.

10. *Клейнер Г.Б.* Ресурсная теория системной организации экономики / Г.Б. Клейнер // Российский журнал менеджмента. 2011. № 3. С. 3–28.

11. *Клейнер Г.* Системная экономика как платформа развития современной экономической теории / Г. Клейнер // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 4–28.

12. *Клейнер Г.* От «экономики физических лиц» к системной экономике / Г. Клейнер // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 56–74.

13. *Клейнер Г.Б.* Междисциплинарная теория фирмы и проблемы развития образовательных организаций / Г.Б. Клейнер // Гуманитарий Юга России. 2017. № 6. С. 33–48.

14. Клейнер Г.Б. Системная сбалансированность экономики / Г.Б. Клейнер, М. А. Рыбачук. М.: ИД «Научная библиотека», 2017. – 320 с.
15. Корнаи Я. Системная парадигма / Я. Корнаи // Вопросы экономики. 2002. 4. С. 4–23.
16. Кудрин Б.И. Ценология и ценоз / Б.И. Кудрин // Через тернии к общей и прикладной ценологии. Основы ценологии, технетики, электрики: антология публикаций и интервью за 2016–1980 гг. Вып. 57/30. «Ценологические исследования». М.: Технетика, 2016. С. 17–22.
17. Нельсон Р. Эволюционная теория экономических изменений / Р. Нельсон, С. Уинтер. М.: Финстатинформ, 2000. – 474 с.
18. Реиндустриализация экономики России в условиях новых угроз / под ред. С.Д. Валентея. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2015.
19. Moore J.F. Predators and Prey: A New Ecology of Competition / J. F. Moore // Harvard Business Review. 1993. May/June. P. 75–86.
20. Tansley A.G. The use and abuse of vegetational terms and concepts / A.G. Tansley // Ecology. 1935. Vol. 16 (3). P. 284–300.

Ленчук Елена Борисовна,

д.э.н., директор Института экономики РАН

**Технологический аспект
новой индустриализации России¹**

Аннотация. Обосновывается возрастающее значение технологического фактора в обеспечении конкурентоспособности отечественной экономики и ее устойчивого развития, анализируются ключевые технологии новой волны технологического развития и их влияние на трансформацию воспроизводственного процесса. Особый акцент сделан на рассмотрении проблем новой индустриализации и использования передовых производственных технологий в промышленном секторе, показано отставание России от развитых стран в их разработке и использовании. Предложена комплексная система первоочередных мер для ускорения процессов новой индустриализации в России.

Ключевые слова: новая индустриализация, передовые производственные технологии, четвертая промышленная революция, промышленная политика

Lenchuk Elena,

*Doctor of Economics, Director of the Institute of Economics
of the Russian Academy of Sciences*

**New industrialization in Russia:
Technological aspects²**

¹ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№2, 2018, с. 68–73).

² The article was published in the journal «The Economic Renaissance of Russia» (No. 2, 2018, pp. 68–73).

Abstract. The paper considers the growing importance of the technological factor in ensuring the competitiveness of the domestic economy and its sustainable development, analyzes the key technologies of a new wave of technological development and their influence on the transformation of economic systems. Particular emphasis is placed on addressing the problems of new industrialization and the use of advanced manufacturing technologies in the industrial sector of Russia in comparison with the developed countries of the world. The paper proposes comprehensive system of priority measures that can be implemented to turn the country towards new industrialization in Russia.

Keywords: new industrialization, advanced manufacturing technologies, the fourth industrial revolution, innovative development, industrial policy

В условиях динамично развивающегося научно-технического прогресса роль технологического фактора в обеспечении конкурентоспособности отечественной экономики и ее устойчивого развития становится определяющей. В последнем Послании Президента России Федеральному Собранию отмечалось [1]: «Насколько эффективно мы сможем использовать колоссальные возможности технологической революции, как ответим на ее вызов, зависит только от нас. И в этом смысле ближайшие годы станут решающими для будущего страны. <...> Технологическое отставание, зависимость означают снижение безопасности и экономических возможностей страны, а в результате – потерю суверенитета».

По сути, технологический фактор становится ключевым в решении основных задач экономического развития, предусмотренных программой Путина на 2018–2024 гг. Речь идет о повышении темпов роста выше мировых, производительности труда – не менее чем на 5% в год и удвоении несырьевого экспорта.

Действительно, вектор конкурентной борьбы между странами мира смещается в сторону обладания современными технологиями. Причем речь идет не просто о появлении новых технологий, а об их интеграции, дающей колоссальный эффект в экономике. Особая роль отводится ключевым технологиям следующего технологического уклада: искусственный интеллект, робототехника, интернет вещей, аддитивное производство, новые материалы, нейротехнологии, биоинжиниринг, беспилотный транспорт, большие данные, блокчейн

и т.п. Именно они определяют содержание четвертой промышленной революции, которая будет определять устойчивое развитие национальных экономик. Их использование кардинально изменяет порядок функционирования экономических систем, совершая революцию в управлении, финансовой системе, промышленном производстве, формируя новые бизнес-модели.

С точки зрения влияния на экономическую динамику наибольшее значение имеет развитие передовых производственных технологий, поскольку именно в реальном секторе формируются предпосылки экономического роста. Они изменяют индустриальный ландшафт, создают новые рынки, новый конкурентный продукт. В частности, при их активном использовании происходят:

- резкое повышение производительности труда в обрабатывающих отраслях;
- создание новых рынков и исчезновение некоторых традиционных видов деятельности;
- формирование глобальных очагов быстрого промышленного роста;
- радикальная перестройка системы мирового разделения труда за счет сокращения устаревших элементов технологической цепочки предыдущих укладов преимущественно в развивающихся странах;
- сокращение потребности в неквалифицированных видах труда и обострение глобальной проблемы безработицы;
- усиление технологического превосходства промышленно развитых стран над остальным миром.

Под воздействием новых передовых производственных технологий изменяется представление о традиционном производстве (табл. 1).

Во-первых, происходят изменения на стадии разработки продукта. За счет перехода к цифровому проектированию повышается эффективность НИОКР, возникает возможность анализа большого массива данных, быстрого прототипирования продукта.

Во-вторых, изменяется ресурсная база производственного процесса. При традиционном производстве использовались преимущественно природные ресурсы, основу цифрового процесса производства составляют конструкционные материалы с новыми внутренними и поверхностными свойствами, которые нельзя получить естественным способом. Это может влиять на производственный процесс, отменяя

целый ряд операций (применение специальных покрытий, дополнительная обработка и т.п.).

Таблица 1. Основные различия традиционного производства и производства в XXI веке

Основные стадии производственного процесса	Традиционное производство	Производство XXI века
Создание продукта	традиционная разработка продукта	цифровое проектирование
Сырье и материалы	природные ресурсы – химическая обработка – синтетические материалы	конструкционные материалы (материалы с заданными свойствами)
Процесс производства	производство деталей - сборка (массовое производство)	Единый непрерывный процесс производства и сборки (кастомизированное производство)
Выход на рынок и сбыт продукции	Склад-магазин	Электронная торговля, прямые поставки
Снятие с производства	Утилизация продукта	Переработка, повторное использование продукта

В-третьих, если в традиционном производстве множество отдельных этапов (выпуск деталей и сборка) были разделены во времени и пространстве, то современное цифровое производство, по сути, размывает границы между изготовлением деталей и сборкой, производство становится непрерывным с использованием ультраэффективных процессов автоматизации. В то же время это требует более сложного оборудования и глубоких знаний.

В-четвертых, новый продукт превращается в интегральный, объединяя физический продукт и соответствующее программное обеспечение к нему.

Таким образом, современное производство XXI в. – это интегрированное решение по созданию новых продуктов, когда из специально разработанных материалов на базе ультраэффективного современного оборудования создается физический продукт в сочетании с программным обеспечением и разными дополнительными сервисами.

Происходит изменение самих рынков, на которых реализуется новая продукция. Они приобретают сервисный характер, добавлен-

ная стоимость смещается в сторону услуг, связанных с обслуживанием и эксплуатацией продукта. За счет использования программных продуктов, развития технологий облачных вычислений, аналитики больших данных, усиления потребительских свойств продукта информационными потоками происходит переход к бизнес-модели «продукт как сервис», основанной на концепции управления жизненным циклом изделий [2].

Эти технологии формируют новые рынки, масштабы которых, по оценкам экспертов, будут стремительно расти. Возможный эффект от применения некоторых из этих технологий в 2025 г. оценивается в 5–10 трлн долларов.

Именно поэтому на Западе в условиях растущей конкуренции и поиска новых драйверов экономического роста основная ставка делается на использование передовых производственных технологий. Это находит отражение в промышленной политике, проводимой государством. Есть немецкая программа Индустрия 4.0, американская Программа развития передовых производственных технологий. На государственном уровне принято решение об освоении ключевых технологий новой промышленной революции во Франции, Великобритании, Японии, Китае. Поддержка передовых производственных технологий, цифровизации и платформенных решений должна обеспечить увеличение темпов роста ВВП развитых стран до 2035 г. в 1,5–2 раза (до 2,3–2,6%).

Сегодня в России много говорят о цифровой экономике, с которой связывают возможность получения дополнительной прибыли. Уже принята программа ЦЭ, на которую российское правительство готово выделять огромные деньги. Однако эта программа создает риски ухода от главного вопроса – цифровизации промышленности и использования новых производственных технологий – именно в той сфере, где создаются предпосылки для экономического роста.

Задача технологической модернизации и освоения новых передовых производственных технологий является актуальнейшей. Без ее решения не представляется возможным перейти на инновационную модель развития. Отсталая технологическая база сегодня не позволяет увеличить производительность труда и делает проблемным выход на экономический рост даже 2% ВВП.

Анализ российской статистики свидетельствует, что в 2016 г. в стране использовалось 232388 передовых производственных техноло-

гий, из них более 50% – это технологии, которые применяются более 6 лет, 30% технологий приобретаются за рубежом (в большинстве случаев это технологии, не являющиеся принципиально новыми).

Динамика создания собственных передовых производственных технологий (табл. 2) является положительной, но явно недостаточной для технологического рывка. При этом уровень создаваемых технологий также невысок – чуть более 10% соответствуют мировым стандартам. Таким образом, Россия сегодня явно уступает западным странам в разработке и освоении новых производственных технологий. Это ведет к нарастанию зависимости от импорта технологий, что в условиях сложной геополитической обстановки влияет на снижение конкурентоспособности российской экономики, деградацию собственных компетенций и сокращает возможность занять достойные позиции на новых формирующихся рынках. К сожалению, комплексных решений по осуществлению технологической модернизации на базе передовых производственных технологий пока нет. И хотя в 2016 г. была принята Стратегия научно-технологического развития РФ до 2030 г., в ней нет ни слова о технологиях. Слабо ориентирована на решение этой задачи и национальная технологическая инициатива (НТИ).

Слабая готовность России к освоению технологий формирующегося нового технологического уклада подтверждается оценками ВЭФ. В докладе «Readiness for the Future of Production Assessment 2018 edition» эксперты ВЭФ оценили готовность 100 стран к освоению производств четвертой промышленной революции. Оценка проводилась по двум параметрам: структура производства и основные драйверы его развития. Были выделены четыре группы стран: страны-лидеры; страны с предыдущим технологическим укладом, но с недостаточным потенциалом развития; страны с высоким потенциалом развития, но со слабой базой; страны, не имеющие ни базы, ни потенциала. Первая десятка стран-лидеров выглядит по этим показателям следующим образом (табл. 3). Россия не вошла в группу лидеров, а была отнесена к сильным позициям России, которые могут выступить в качестве драйверов развития современных производств, относятся человеческий капитал и масштабы рынка (25-е и 20-е места соответственно). Наибольшей преградой для развития передовых производств выступает слабая институциональная среда (87-е место) [3].

Что же следует предпринять России, чтобы не остаться на технологической периферии и активизировать драйверы развития производства? Прежде всего, новая индустриализация должна стать одной из приоритетных задач Стратегии социально-экономического развития РФ на долгосрочный период, разработка которой затянулась, и мы по-прежнему не знаем, какую экономику мы строим.

*Таблица 2. Разработка
передовых производственных технологий в России*

	2012	2013	2014	2015	2016
Передовые производственные технологии	1323	1429	1409	1398	1534
Проектирование и инжиниринг	305	426	445	359	402
Производство, обработка сборка	548	517	506	548	509
Автоматизированные погрузочно-разгрузочные операции, транспортировка материалов и деталей	23	22	22	12	34
Аппаратура автоматизированного наблюдения	121	137	110	117	160
Связь и управление	204	206	202	232	285
Производственные информационные системы	60	68	65	84	83
Интегрированное управление	62	53	59	46	61
Принципиально новые технологии	135	153	164	175	192

Источник: Росстат РФ

*Таблица 3. Ранжирование стран
по степени готовности к развитию будущих производств*

Структура производства	Драйверы развития производства
1. Япония	1. США
2. Южная Корея	2. Сингапур
3. Германия	3. Швейцария
4. Швейцария	4. Великобритания
5. Китай	5. Нидерланды
6. Чехия	6. Германия
7. США	7. Канада
8. Швеция	8. Швеция
9. Австрия	9. Дания
10. Ирландия	10. Финляндия
35. Россия	43. Россия

Нужна грамотная промышленная политика, определяющая структурные приоритеты, драйверы развития новых производств и точек роста. При этом в условиях динамичной научно-технологической революции научно-технологическая и инновационная политика выступают неотъемлемыми частями промышленной политики.

Выстраивание нового индустриального ландшафта возможно лишь в рамках ФЗ №172 «О стратегическом планировании в РФ», реализация которого предполагает комплексную последовательную увязку прогнозов, стратегий, планов, программ, конкретных проектов в рамках системы документов стратегического планирования.

Должна быть активизирована работа по формированию институциональных условий для достижения поставленных целей и задач в рамках принятых программ и проектов. Частично эту задачу решает Закон о промышленной политике, принятый в 2014 г., но совершенствование институтов и разработка новых организационно-экономических институтов должны быть продолжены.

Чрезвычайно важны задачи сохранения и развития собственной фундаментальной и прикладной науки, а также формирования национальной инновационной системы, которая остается фрагментарной.

Широкомасштабная технологическая модернизация и освоение новых производственных технологий требуют серьезных инвестиций. Чтобы наладить переток инвестиционных ресурсов в реальный сектор экономики, требуются изменение денежно-кредитной политики, активизация деятельности финансовых институтов развития, использование механизмов государственно-частного партнерства.

И конечно, требуется соответствующий человеческий потенциал, креативные кадры, способные создавать и внедрять в производство новые передовые технологии, мотивированные на развитие и инновационную деятельность. Нужны также новые подходы в образовании.

Список литературы

1. Послание Президента Федеральному Собранию Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
2. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России: экспертно-аналитический доклад / под рук. В. Н. Княгинина.

М.; ЦСР, 2017. Режим доступа: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf>

3. Readiness for the Future of Production Assessment 2018 edition // World Economic Forum. Режим доступа: <https://www.weforum.org/reports/readiness-for-the-future-of-production-report-2018>.

Пороховский Анатолий Александрович,
д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ,
заведующий кафедрой политической экономии
экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

**Обрабатывающая промышленность:
вызовы и перспективы в современном мире¹**

Аннотация. Рассматривается роль обрабатывающей промышленности в экономике развитых стран, включая эпоху цифровой экономики, и возрастание роли сферы услуг. Показано, что обрабатывающая промышленность остается основой экономической независимости любой страны и определяет уровень ее конкурентоспособности в мире. Цифровизация не меняет рыночные принципы, но создает новые вызовы и угрозы рыночной модели.

Ключевые слова: обрабатывающая промышленность, производительность, национальная экономическая независимость, конкурентоспособность, цифровая экономика

Porokhovsky Anatoly,
*Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist
of the Russian Federation, Head of the Department
of Political Economy of the Faculty of Economics
in Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov*
**Manufacturing: challenges and perspectives
in the contemporary world²**

¹ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№2, 2018, с. 91–102).

² The article was published in the journal «The Economic Renaissance of Russia» (No. 2, 2018, pp. 91–102).

Abstract. The article considers the fortune of manufacturing in the developed countries' economy including digital economy epoch and growing role of service sphere. Last and today manufacturing remains the foundation of any countries economic independence and defines its competitiveness level in the world. Digitalization does not change market model.

Keywords: manufacturing, productivity, national economic independence, competitiveness, digital economy

В современном мире идет поиск адекватных времени социальных форм экономического развития. Такие формы отличаются друг от друга в зависимости от уровня развития национальных экономик, их региональных союзов или объединений, а также от соотношения экономических и неэкономических факторов развития. В мировом хозяйстве в XXI в. священный принцип рыночной экономики – конкуренция – все больше попадает в зависимость от неэкономического воздействия (политического, военного, блокового и т.п.). Так как неравномерность развития национальных экономик усиливается, на глобальном уровне продолжается перераспределение ролей основных игроков.

В последнем обзоре мировой экономики, выпущенном МВФ в апреле 2018 г. [14], авторы обращают внимание на растущую неопределенность будущего, обусловленную глубокими общемировыми противоречиями, когда в межстрановых отношениях на первый план выдвигаются проблемы обеспечения работой своих граждан и вопросы повышения производительности труда как ключевого фактора национальной конкурентоспособности.

Специалисты МВФ провели расчеты структуры мирового ВВП на основе паритета покупательной способности национальных валют. За год до мирового экономического кризиса 2007–2009 гг. ВВП мира в 2006 г. составил 66,2 трлн долларов. При этом доля США равнялась 19,7%, Японии – 6,3%, КНР – 15,1%, Индии – 6,3%. К развитым экономикам было отнесено 30 стран и территорий, доля которых равнялась 52%.

Что же произошло за 10 лет и как сложилась расстановка экономических потенциалов стран в мире в 2017 г. Во-первых, мировой ВВП вырос больше, чем в два раза, достигнув 127 трлн долларов. Во-

вторых, количество развитых экономик и территорий достигло 39, но их доля в мировом ВВП упала до 41,3%. Такая же участь постигла и ведущую экономику мира: доля США снизилась до 15,3%, т.е. на 4,3%. В-третьих, на азиатском континенте сформировалась иная тенденция. Доля ВВП КНР в мировом ВВП достигла 18,2%, т.е. выросла на 3,1%. Доля Индии увеличилась до 7,4% [14, р. 219, 240]. При этом в КНР оказалась львиная доля обрабатывающей промышленности мира. Ни одна из стран мира (и прежде всего развитые) не обходится без продукции с маркировкой «Сделано в Китае».

Уступая мировое лидерство по общеэкономическим показателям и обрабатывающей промышленности, США сохранили передовые позиции по другим параметрам – финансовая сфера и цифровизация экономики. Однако для обеспечения национальной экономической и военной безопасности США именно обрабатывающая промышленность в третьем тысячелетии вновь стала ведущим фактором.

Фундамент независимости – обрабатывающая промышленность
История становления американской экономики после обретения независимости США напрямую связана с государственной поддержкой обрабатывающей промышленности. В конце XVIII в. в стране 90% населения проживало в сельской местности.

Молодое государство по промышленным товарам практически целиком зависело от Великобритании, экономика которой в три раза превосходила американскую. Если в США в то время производились товары для потребления домохозяйств, то в Великобритании уже разворачивалась промышленная революция, которая позволила Англии стать «мастерской мира». В США понимали, что политическая независимость страны может стать прочной, если она будет опираться на мощный промышленный фундамент. Александр Гамильтон, генерал революционной армии в войне за независимость, вошел в администрацию первого президента США Дж. Вашингтона, заняв должность министра финансов; он направил в палату представителей Конгресса три доклада: О государственном кредите (январь 1790 г.), О национальном банке (декабрь 1790 г.) и О промышленности (5 декабря 1791 г.) Эти доклады заложили основу роли федеральных властей и содержание экономической политики по системному формированию американской рыночной модели [10, р. 173–276]. Тематика докладов четко показывает, что *государство может и должно*

создать все условия не только для старта экономического развития, но и для перманентного движения вперед при адекватных времени, кредитах и налогах. Дальнейший ход истории подтвердил, насколько глубоко понимал А. Гамильтон закономерности экономики, чтобы не идти против них, а использовать их в практической деятельности [8, р. 26–29].

Обрабатывающая промышленность получила поддержку не только внутри страны, но и вне ее. Таможенные пошлины оградили от относительно дешевых изделий английской промышленности. Политика протекционизма при одновременном стимулировании со стороны федерального и штатных правительств позволила обрабатывающей промышленности, целиком представленной частным бизнесом, довольно быстро стать конкурентоспособной на мировом уровне. Однако уже в тот период стало ясно, что даже в условиях открытой экономики без взаимодействия бизнеса и государства компаниям трудно отвечать на мирохозяйственные вызовы. *Защита «национального мундира» своих фирм и сегодня является мировым трендом.* И здесь США не упускают лидерство.

5 декабря 2016 г. США отметили 225-летие доклада А. Гамильтона о промышленности. Подчеркивалось, что, хотя американская экономика повсеместно овладевает цифровыми технологиями, по-прежнему актуальны заявления А. Гамильтона об особой важности для страны обрабатывающей промышленности, которая генерирует разнообразную занятость с растущей производительностью, используя машины и высоко-квалифицированных работников, что обеспечит стране независимость от других государств в военной и других сферах. Он также отмечал, что обрабатывающая промышленность совместно с сильным аграрным сектором сделает США величайшей экономической державой в мире. Так и произошло. Понятно, что в этом процессе сыграли свою роль многие факторы, но стержнем развития всегда оставалась обрабатывающая промышленность.

С октября 2011 г. в США стали ежегодно отмечать день обрабатывающей промышленности. А в 2016 г. президентом США был официально провозглашен общенациональный День обрабатывающей промышленности (первая пятница октября), когда празднуются и отмечаются достижения и мотивируются новые поколения промышленников. Обычно под эгидой федерального правительства органи-

зуется серия мероприятий по всей стране для популяризации промышленности среди населения, особенно подрастающего поколения. В этот день проводится День открытых дверей во всех компаниях обрабатывающей промышленности.

В стране создана национальная сеть «Государственно-частное партнерство развития обрабатывающей промышленности», которая имеет отделения во всех 50 штатах и Пуэрто-Рико. Эти отделения через более чем 400 сервисных центров оказывают консультационную поддержку компаниям малого и среднего бизнеса. Партнерство объединило 26313 промышленных компаний, объем продаж которых в 2017 г. составил 12,6 млрд долларов и 3,5 млрд долларов новых инвестиций. Это позволило создать за год более 100 тысяч новых рабочих мест.

Для подготовки граждан к работе в обрабатывающей промышленности в современных условиях возникла общеамериканская сеть «Обработывающая промышленность США», которая объединяет различные институты, нацеленные на активную совместную работу по преодолению технических барьеров, подключению государственных и штатных возможностей и оборудования для подготовки будущей рабочей силы. Девиз сети – *мы конкурируем за каждого из вас, а не против каждого из вас.*

При анализе размещения обрабатывающей промышленности по штатам и городам США американцы часто вспоминают слова профессора У. Р. Томпсона: «Назови мне свою отрасль, и я скажу о твоём будущем» [12]. Действительно, промышленный ландшафт Америки с тех пор сильно изменился. Обработывающая промышленность не только относительно сократила свою долю в ВВП страны, но и существенным образом повлияла на судьбу отдельных территорий и городов. Если в 1965 г. Детройт по праву считался автомобильной столицей страны, то к концу XX в. от его величия мало что осталось. Американцы стали чаще покупать зарубежные автомобили. Подобная участь постигла и многие другие города, тесно связанные с металлургией, металлообработкой и другими видами производств. Недалеко ушли и такие традиционно высокотехнологичные компании, как ИБМ. С 1980-х гг. ее персонал сократился почти на 75%, были закрыты заводы, составляющие экономическую опору небольших городов. Резко обострилась проблема занятости. Безработица до-

стигла пика во время экономического кризиса 2007–2009 гг. И только к 2018 г. она опустилась до естественного уровня – около 4%. В условиях цифровизации компании стали под разными предлогами увольнять работников, принуждая их досрочно выходить на пенсию. Растет число людей с неполной занятостью – работающих меньше 35 часов в неделю (в 2016 г. – 27,7 млн человек). При этом 4,7 млн человек (3,1% от всех занятых в стране) имели такой статус по экономическим причинам, а не добровольно [5, р. 1–25].

Экономические причины влияют и на численность профсоюзов. Традиционно крупные компании промышленности имели большие профсоюзные объединения, но поскольку именно такие компании сокращали свой персонал, уменьшалась и основа для профсоюзов. А новые компании старались обходиться без профсоюзов. Если в 1983 г. 20,1% всех занятых (17,7 млн человек) входили в профсоюзы, то в 2017 г. доля членов профсоюзов упала почти вдвое – до 10,7% (14,8 млн человек). При этом в обрабатывающей промышленности членами профсоюза считали себя 1461 тыс. работников (13,6% от всех членов профсоюзов страны) [13]. Фактически только каждый десятый работник компаний обрабатывающей промышленности является членом профсоюза. Как известно, в своих правах члены профсоюза больше защищены перед компаниями, чем остальные работники.

Из табл. 1 видно, что за один год число занятых в обрабатывающей промышленности сократилось на 0,5%, но выросло в компаниях, производящих транспортные средства (особенно в автомобилестроении), на 5,3%. Немного отличается динамика производственных рабочих. В целом, по обрабатывающей промышленности в 2016 г. (по сравнению с 2015 г.) их численность уменьшилась на 1,1%. И хотя в машиностроении число производственных рабочих сократилось на 6,4%, в автомобилестроении их количество выросло на 5,8%. Нельзя не заметить, что в 2016 г. в американском автомобилестроении было 82360 занятых, среди которых 71122 производственных рабочих. В общем числе занятых в обрабатывающей промышленности производственные рабочие составляют почти 70%. При расчете производительности труда, как правило, прежде всего принимается во внимание выработка именно производственных рабочих, хотя при общих подходах определяется выпуск на одного занятого вообще.

Рассмотрим показатели, которые характеризуют промышленность в воспроизводственном ракурсе за период 2015–2016 гг.

С формальной точки зрения почти все показатели демонстрируют отрицательную динамику. Однако смысл снижения или роста показателей качественно различен. К примеру, нетрудно видеть, что в отрасли повышается эффективность использования топлива и электроэнергии, тем самым уменьшилась энергоемкость выпускаемой продукции. Компании отрасли смогли на 6,6% увеличить продажи электроэнергии в другие отрасли, сокращая при этом ее выработку в своей отрасли. За счет увеличения экономии на закупленных материалах уменьшилась стоимость потребленных, что означает сокращение материалоемкости выпускаемой продукции. Хотя число отработанных производственными рабочими часов сократилось на 2%, их годовая зарплата выросла на 0,9%, что косвенно свидетельствует о росте производительности труда. При этом сокращается кооперация со сферой услуг, за исключением собственных работ по поддержанию оборудования и зданий в необходимом для качественной работы состоянии. Особенно заметно выросли затраты (16%) на транспортные средства для собственных перевозок отрасли. В обрабатывающей промышленности сокращаются запасы готовой продукции на начало и конец года, что свидетельствует о развитии производства по заказам потребителей на определенные сроки. Тем самым ускоряется оборот капитала, что способствует росту доходов и сокращению капитальных затрат [1].

Однако нельзя не обратить внимание на то, что компании обрабатывающей промышленности наращивают расходы на содержание и закупку компьютерного оборудования и соответствующего программного обеспечения. Цифровые технологии сильно изменяют структуру и управление компаний, но одновременно им приходится решать задачи по обеспечению кибербезопасности своих локальных сетей.

Как раз в период, когда США достигли пика своего лидерства в мире (конец XX – начало XXI в.), темпы роста производительности труда стали снижаться. Тогда стали проводиться многочисленные исследования по выявлению причин снижения темпов. Как выяснилось, одна из главных причин – перемещение эффективных обрабатывающих производств в развивающиеся страны, прежде всего в КНР. Причем именно высокотехнологичные компании информаци-

онного сектора разместили изготовление своей продукции вне США. Это тоже повлияло на общие показатели производительности. Известный американский ученый, много лет возглавлявший Национальное бюро экономических исследований, профессор Гарвардского университета Мартин Фельдстейн посвятил несколько работ изучению проблем экономического роста и влиянию на него производительности в последние десятилетия [7].

Таблица 1. Число занятых в отдельных отраслях обрабатывающей промышленности США

Отрасли	2015 г. (человек)	2016 г. (человек)	Уменьшение/ увеличение (%)
Вся промышленность	11168264	11112764	-0,5
Металлургическое производство	379426	364199	-4,1
Машиностроение	1042664	988688	-5,2
Полупроводники и другие электронные компоненты	255263	250257	-2,0
Транспорт и транспортные изделия:	1470862	1478941	0,5
в том числе:	190464	197666	3,8
• колесные изделия:			
в том числе	78185	82360	5,3
• автомобилестроение			
	Производственные рабочие		
Вся промышленность	7813966	7733162	-1,1
Металлургическое производство	297279	283625	-4,6
Машиностроение	657473	615740	-6,4
Полупроводники и другие электронные компоненты	154345	148921	-3,6
Транспорт и транспортные изделия:	1056818	1050089	-0,6
в том числе	165081	170775	3,4
• колесные изделия:			
в том числе	67210	71122	5,8
• автомобилестроение			

Источник: Составлено и подсчитано автором по: 2016 Annual Survey of Manufactures. – U.S. Census Bureau, 2017, pp. 3–76, 180–256.

Другие исследователи показали, что отрицательное влияние на уровень производительности и состояние обрабатывающей промышленности оказывает практика офшоризации бизнеса крупными американскими транснациональными компаниями. Даже если компания сохраняет предприятия в США, но регистрируется в офшорах, она не показывает свои реальные результаты, занижая, в том числе, полученную прибыль. Из-за такой практики ежегодно в 2008–2014 гг. объем добавленной стоимости в стране в среднем недополучал 2%, или 280 млрд долларов [9, р. 27]. В других странах офшоризация еще больше сокращала добавленную стоимость и весь ВВП.

Не случайно федеральное правительство США не просто развернулось в сторону обновления обрабатывающей промышленности и возвращения предприятий американских компаний в страну, но и стало строго регулировать взаимодействие транснациональных фирм с офшорными зонами.

Обработывающая промышленность в сервисном окружении Ключевую роль в оценке роли отдельной отрасли занимает ее доля в ВВП страны. Другим существенным индикатором выступает занятость – распределение работников по отдельным отраслям и видам деятельности. Либеральная экономическая модель подтверждается тем фактом, что в последние годы доля частных отраслей колеблется вокруг 88%, а в 2016 г. приблизилась к 89%. Это значит, что общественный сектор занимает чуть больше 10%. Но все остальные товары и услуги обеспечиваются частным сектором. Налицо тенденция сокращения доли обрабатывающей промышленности: 20,3% – в 2008 г., 17,8% – в 2016 г. [3]. Известно, что в 2008 г. страна находилась в состоянии рецессии, но циклический кризис не отменил указанную тенденцию, имеющую глубокие технологические корни. В рамках обрабатывающей промышленности динамика выпуска товаров как *длительного*, так и *текущего пользования* с небольшими отклонениями отражает изменение параметров всей обрабатывающей промышленности.

Обратим внимание на отрасли, которые определяют суть экономики США в условиях утверждающегося господства информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в их сетевом исполнении. Если в 2008 г. доля отраслей информации равнялась 4,6%, то через 8 лет она повысилась до 5%. Доли финансовой сферы выросли почти

на 1%, еще выше рост показателей сфер образования, здравоохранения, профессиональных и деловых услуг. Несмотря на повышение значимости государственных институтов для защиты прав собственности, прав личности и потребителя, обеспечения кибербезопасности в современном сетевом обществе доля государства в ВВП постепенно уменьшается, но одновременно растут дефицит федерального бюджета и государственный долг США.

С точки зрения рыночной экономики товары и услуги на рынке являются равноправными. Они продаются и покупаются, не делятся на материальные и нематериальные. Однако их функции и функции отраслей, их производящих, значительно различаются. Именно из-за функциональных особенностей товаров и услуг статистически экономика делится на две сферы: отрасли, выпускающие товары, и отрасли, предлагающие услуги.

Согласно данным табл. 2, абсолютное преимущество за сферой услуг: если в 2008 г. их доля составляла 59,6%, то в 2016 г. она достигла 64%. Интересно, что отрасли, производящие ИКТ, также делятся на две части: товары и услуги. Однако связь между ними настолько тесная, что они входят в один сектор экономики. По доле в ВВП динамика этого сектора по траектории напоминает изменение роли отрасли информации. За этим статистическим пересечением скрывается глубинная природа современной экономики США и других стран. Она заключается в том, что информационно-коммуникационные технологии на основе цифровизации, с одной стороны, связывают все отрасли и все аспекты общества в единое онлайн-пространство, а, с другой – унифицируют внутриотраслевые модели управления, а также сбора, хранения и использования различных баз данных. Не только финансовый сектор, но и многие другие части экономики получили возможность работать в режиме реального времени, что особенно важно в условиях глобальных связей большинства стран и компаний.

1. Сельское, лесное, рыболовное, охотничье хозяйство, добывающая промышленность, строительство и обрабатывающая промышленность.

2. Коммунальное хозяйство, оптовая и розничная торговля, транспорт и складское хозяйство, информация, финансы, страхование, недвижимость, аренда, лизинг, профессиональные и деловые услуги,

образовательные услуги, здравоохранение, социальная помощь, искусство, развлечения, общественное питание, другие услуги, кроме государственных.

3. Производство компьютеров и электронных изделий (исключая навигационное, измерительное, электронно-медицинское и контрольно-измерительное производство), программное обеспечение, радио- и телевидение, информационное обеспечение, базовое и взаимосвязанное обслуживание, интернет-издания и вещание, поисковые порталы, дизайн компьютерных систем и соответствующего сервиса.

Таблица 2. Функциональная структура экономики США
(в текущих ценах)

Группы отраслей	2008 г.		2009 г.		2010 г.		2016 г.	
	Выпуск (млрд долл.)	Доля (%)	Выпуск (млрд долл.)	Доля (%)	Выпуск (млрд долл.)	Доля (%)	Выпуск (млрд долл.)	Доля (%)
Отрасли, производящие частные товары ¹	7696,8	28,9	6282,0	25,5	6836,9	26,2	7941,3	24,7
Отрасли, производящие частные услуги ²	15993,0	59,6	15143,9	61,4	15917,1	61,0	20538,3	64,0
Отрасли, производящие ИКТ ³	1493,9	5,6	1422,4	5,8	1497,8	5,7	1942,1	6,0

Источник: Составлено и подсчитано автором по: Bureau of Economic Analysis Composition of Gross Output by Industry. www.bea.gov

Примечания:

¹ Состоит из: сельского, лесного, рыболовного, охотничьего хозяйства, добывающей промышленности, строительства и обрабатывающей промышленности.

² Состоит из: коммунального хозяйства, оптовой и розничной торговли, транспорта и складского хозяйства, информации, финансов, страхования, недвижимости, аренды, лизинга, профессиональных и деловых услуг, образовательных услуг, здравоохранения, социальной помощи, искусства, развлечений, общественного питания, других услуг кроме государственных.

³ Состоит из: производства компьютеров и электронных изделий (исключая навигационное, измерительное, электронно-медицинское и контрольно-измерительное производство), программного обеспечения, радио и телевидения, информационного обеспечения, базового и взаимосвязанного обслуживания, интернет изданий и вещания, поисковых порталов, дизайна компьютерных систем и соответствующего сервиса.

Сервисное доминирование в американской экономике становится еще более очевидным, если рассмотреть, как распределяется занятость по отраслям и сферам. Вообще, распределение рабочих мест по отраслям наиболее точно характеризует структуру национальной экономики. Доля занятых в отраслях, производящих услуги, в 2016 г. достигла почти 86% (с учетом неаграрных самозанятых) от общего числа рабочих мест в стране. Доля сферы услуг по параметру занятости намного превышает долю по выпуску в ВВП – около 70%. Что же касается отраслей, производящих товары, то здесь ситуация иная. Работники этих отраслей вместе с аграрным сектором составляют 14,1% от всех занятых в 2016 г. Между тем в этом же году ими выпущено товаров в количестве почти 25 % ВВП. [3]. Получается, что производительность работников, выпускающих товары, значительно выше средней производительности занятых в сфере услуг.

Конечно, сфера услуг неоднородна. В структурах государственного управления всех уровней в 2016 г. – 22,3 млн человек, или 14,2% от всех занятых в стране. Примерно столько же работников (14,1%) трудятся в отраслях, производящих товары. Известно, что характер занятости в бизнесе и на государственной службе сильно различается. У чиновников зарплаты ниже, но зато трудоустройство у госслужащих носит почти гарантированный характер, что и предопределяет относительную стабильность спроса на рынке со стороны потребителей указанной категории.

Рабочие места среди отраслей сферы услуг распределены неравномерно: более 10% работников занято в таких отраслях, как розничная торговля, профессиональные и деловые услуги, здравоохранение и отдых. Это свидетельствует о том, что распространение роботизации и цифровизации экономики происходит по-разному. Так, в информационной отрасли, несмотря на рост ее вклада в ВВП, число занятых сократилось как в абсолютном, так и в относительном выражении.

Значит, здесь важную роль сыграло повышение производительности труда [4].

Если рассматривать десятилетний период (2006–2016 гг.), то за это время отраслевая структура американской экономики изменялась в пользу сферы услуг, разнообразие которых возрастает. С одной стороны, распространение цифровизации экономики унифицирует многие процессы, а с другой – происходит усиление индивидуализации спроса, что требует индивидуального подхода к каждому потребителю даже на основе массового, конвейерного производства и сетевой организации розничной торговли. В здравоохранении современные технологии произвели поистине глубинную революцию, что не снижает занятость в данной отрасли, наоборот, число работников разных профессий растет в абсолютном и относительном выражении. А дебаты в разных странах, включая США, о назревших реформах здравоохранения в значительной мере нацелены на решение вопросов доступности медицинских услуг для большинства населения. Парадокс цифровизации и растущей технологической оснащенности здравоохранения состоит в том, что при этом происходит, как правило, не удешевление, а удорожание медицинского обеспечения (включая профилактику заболеваний) [6, р. 219–278]. Не случайно как в научной, так и в научно-популярной литературе все чаще ставится вопрос о цене прогресса на базе цифровых и других высоких технологий, роботов и искусственного интеллекта [6, р. 48–62]. Такая цена имеет не только денежное выражение, но и нравственно-социальное, и ментально-психологическое.

При сравнении отраслевой структуры национальной экономики со структурой ее экспорта нетрудно видеть, что в развитых странах в экспорте преобладают товары обрабатывающей промышленности. Получается, что конкурентоспособность национальной экономики зависит преимущественно от состояния обрабатывающей промышленности. У американского бизнеса вызывает тревогу тенденция относительного затухания темпов роста производительности труда. Если за период 1953–2017 гг. производительность ежегодно росла в среднем на 2,2%, то за последние девять лет 2007–2016 гг. темп роста едва достигал 0,5% в год [6, р. 420]. Определенное влияние на снижение темпов роста производительности труда оказал мощный экономический кризис 2007–2009 гг. Не совсем оправдались также на-

дежды на информационные технологии, которые в этот период повсеместно активно внедрялись, но слабо изменили производительность труда в экономике в целом. Поэтому США озабочены не только обеспечением занятости в традиционных отраслях, но и стимулированием роста производительности труда как главного фактора конкурентоспособности страны в мировом хозяйстве. Это обстоятельство подтверждает особую значимость обрабатывающей промышленности в любой национальной экономике.

О роли и месте цифровизации

Поскольку в основе ИКТ находится Интернет, построенный на цифровых технологиях, поэтому все большее распространение получает выражение «цифровая экономика». Так как большинство населения и все отрасли экономики, бизнес, общественные и государственные структуры не видят современной деятельности без ИКТ, термин «цифровая экономика» стал синонимом современной, новой экономики вообще.

Однако такое широкое толкование цифровой экономики размывает конкретный вклад ИКТ как в развитие отдельных отраслей и сфер экономики, так и в формирование ВВП страны. С практической и теоретической точек зрения возникла острая потребность выявить, какие именно товары и услуги производит цифровая экономика и как это можно фиксировать статистически. Без налаженного учета невозможно оценить параметры влияния цифровой экономики на динамику ВВП и качество жизни населения, перспективы занятости и цикличности экономического роста.

Бюро экономического анализа (БЭА) Министерства торговли США, главного экономического ведомства федерального правительства, выпустило исследования об определении и измерении цифровой экономики [2]. Специалисты БЭА предложили начать с узкого определения цифровой экономики, которое включает те виды деятельности, которые уже учитываются статистически и выступают как производство реально используемых товаров и услуг. Изначально производство товаров специфического назначения для создания и распространения цифровых технологий составляет материальную,

физическую базу цифровой экономики. И в этой части цифровая экономика становится новым составным элементом обрабатывающей промышленности. Одновременно цифровизация видоизменяет и традиционные отрасли обрабатывающей промышленности, без которых невозможно экономическое развитие и в эпоху четвертой промышленной революции.

В состав цифровой экономики предложено включить:

- цифровую инфраструктуру для обеспечения компьютерной сети и ее деятельности;
- цифровые транзакции, прежде всего в виде электронной торговли;
- цифровой контент, который пользователи создают и расширяют.

При этом цифровая инфраструктура, состоящая из физических изделий и организационных форм, составляет основу цифровой экономики. Она включает:

- компьютерные изделия и обеспечивающие их функционирование высокотехнологичные товары – мониторы, драйверы, полупроводники и др.;
- программное обеспечение для компьютеров, персональных и коллективного пользования;
- телекоммуникационное оборудование и сервисы;
- структуру из зданий и сооружений для размещения всех элементов цифровой экономики;
- интернет вещей, позволяющий соединить соответствующие изделия для взаимодействия:
- поддерживающие услуги, обеспечивающие консультации и ремонтные работы [2, р. 3–8].

Даже краткое описание содержания цифровой экономики показывает, что она открывает новые горизонты для деятельности людей, меняет их образ жизни и создает новые вызовы. По подсчетам БЭА, с 2006 по 2016 г. реальная добавленная стоимость в цифровой экономике США ежегодно росла на 5,6%, в то время как ВВП страны увеличивался на 1,5%. В 2016 г. в отраслях цифровой экономики было занято 5,9 млн человек (3,9% от всех занятых в стране – 150,3 млн человек). Среднегодовая зарплата работников цифровой экономики составила 114275 долларов при средней по стране годовой зарплате в 66498 долларов [2, р. 4]. Подчеркнем, что вклад цифровой эконо-

мики в национальный экономический рост превышает ее долю в ВВП. В 2016 г. американский ВВП вырос на 1,5%, из них 0,41 процентных пункта – вклад цифровой экономики. Характерно, что все сектора цифровой экономики росли быстрее других отраслей. Так, производство товаров цифровой экономики увеличилось на 9,1%, а услуг – на 5,0% [2, р. 12].

Авторы доклада «Определение и измерение цифровой экономики» предлагают всем заинтересованным лицам подключиться к решению терминологических, статистических и практических вопросов цифровой экономики. От точной и правильной оценки этого феномена очень многое зависит как в развитых, так и в развивающихся странах.

Цифровизация меняет не только экономический ландшафт, она по-разному видоизменяет каждое рабочее место. Вместе с тем и в этих условиях обрабатывающая промышленность сохраняет свою роль фундаментальной основы экономического развития. Модификация обрабатывающей промышленности под воздействием цифровизации не умаляет, а увеличивает ее значение.

Выводы

1. Для сохранения и развития современного мира требуется все больше различных ресурсов и не все они являются возобновляемыми. Среди стран растет конкуренция как за ресурсы, так и за рынки сбыта. Наступившая эра цифровизации не меняет сути экономической деятельности, но сильно изменяет экономическую среду. В этих условиях развитые страны возлагают надежды на обрабатывающую промышленность. Товары высокого уровня обработки определяют конкурентоспособность национальной экономики в мировой торговле, где по-прежнему более 70% оборота – это продукция обрабатывающей промышленности [15, р. 10–15].

2. Обрабатывающая промышленность любой страны сталкивается с внутристрановыми и общемировыми вызовами. Внутри страны многое зависит от национальной экономической модели. Наглядный пример – судьба обрабатывающей промышленности в США и КНР в последние 25 лет. Если широкая гамма товаров с лейблом «Сделано

в Китае» пользуется всемирным спросом, то США любыми методами хотят восстановить свое лидерство. Россия при переходе к рыночной модели рассчитывала все купить на мировом рынке и забросила собственное производство. И только внешние экономические санкции заставили возрождать свою промышленность и экономику в целом. Особое значение приобретает защита окружающей среды, которая стала общемировой проблемой. Здесь не обходится без национального эгоизма, когда отдельные страны игнорируют международные договоренности.

3. Особые вызовы и перспективы обрабатывающей промышленности связаны цифровизацией. С одной стороны, цифровизация способствует повышению производительности труда; позволяет заменить рутинный труд использованием роботов и других изделий с искусственным интеллектом; за счет использования безотходных технологий обеспечивается щадящее отношение к окружающей среде. С другой стороны, сокращение доли обрабатывающей промышленности в ВВП развитых стран приводит к снижению занятости, которое не компенсируется ростом числа рабочих мест в сфере услуг [11]. Решение этой проблемы – общенациональная задача каждой страны. Только системный подход к образованию, науке, здравоохранению позволяет подготовить граждан к глубоким переменам в экономике и, в частности, обрабатывающей промышленности.

Список литературы

1. 2016 Annual Survey of Manufactures. U.S. Census Bureau, 2017. P. 270–1983.
2. *Barefoot K.* Defining and Measuring the Digital Economy / K. Barefoot, D. Curtis, W. Jolliff, J.R. Nicholson, R. Omohundro // BEA Working Paper. Washington D.C. 2018. March 15. – 24 p.
3. Bureau of Economic Analysis Composition of Gross Output by Industry. www.bea.gov
4. Bureau of Labor Statistics. 12.03.2018. www.bls.gov
5. *Dunn M.* Who choose part-time work and why / M. Dunn // Monthly Labor Revier. 2018. March. P. 1–25.

6. Economic Report of the President. Together with the Annual Report of the Council of Economic Advisers. Washington., D.C. 2018. February. – 563 p.
7. *Feldstein M.S.* Underestimating the real growth of GDP, Personal Income and Productivity / M. S. Feldstein // NBER Working Paper 23306. Cambridge, MA. 2017. March. – 27 p.
8. *Gaspar V.* Fiscal Politics / V. Gaspar, D. Amaglobili // Finance & Development. 2018. March. P. 26–29.
9. *Guveren F.* Offshore profit shifting and domestic productivity measurement / F. Guveren, Jr. Mataloni, D. J. Rassier, K. J. Ruhl // NBER Working Paper 23324. Cambridge, MA. 2017. April. –38 p.
10. *Hamilton A.*, 1934. Report on Manufactures, Communicated to House of Representatives December 5, 1791. In Alexander Hamilton. Papers on Public Credit, Commerce and Finance. Ed. By S. McKee, Jr. New York: Columbia University Press. P. 173–276.
11. Productivity and Jobs in a Globalized World (How) can all regions benefit? Paris: OECD Publishing Press, 2018. – 188 p.
12. *Thompson W.R.* A Preface to Urban Economics / W. R. Thompson // Baltimore, the Johns Hopkins Press. 1965.
13. Union Members – 2017 // News Release Bureau of Labor Statistics. 2018. January 19.
14. World Economic Outlook «Cyclical Upswing, Structural Change», April 2018. Washington, IMF 2018. – 302 p.
15. World Trade Statistical Review. 2017. P. 10–15.

раздел 3

Россия и мир:
драйверы социально-
экономического
развития

Сорокин Дмитрий Евгеньевич,

д.э.н., профессор,

научный руководитель

Финансового университета

при Правительстве Российской Федерации,

член-корреспондент РАН

**Цифровая экономика: благо или угроза
национальной безопасности России?¹**

Аннотация. Переход к цифровой экономике трактуется с точки зрения качественного изменения способа функционирования общественных производительных сил, порождающих цивилизационный сдвиг. Обосновывается необходимость адекватного требованиям цифровой экономики изменения системы организационно-экономического управления, сопряжения программ цифровизации с переходом к новому технологическому укладу и создания системы экономической заинтересованности субъектов хозяйствования и работников в осуществлении соответствующих мероприятий.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, цивилизационный сдвиг, организационно-управленческая система, технологическое перевооружение, экономический интерес

Sorokin Dmitry,

Doctor of Economics, Professor,

Head of the Financial University under the Government

of the Russian Federation,

¹ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№2, 2018, с. 36–40).

*Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences*
**Digital economy: good or threat
national security of Russia?**¹

Abstract. In the article the transition to a digital economy is interpreted in terms of a qualitative change in the method of functioning of the public produced force that produces a civilizational shift. In this regard, the justifies the need to meet the adequate requirements of the digital economy changes the system of organizational-economic management, the integration of two programs of digitalization with the transition to new technological structure and the establishment of a system of economic interests of economic entities and employees in the implementation of relevant activities.

Keywords: digital economy, digitalization, civilizational shift, organizational and managerial system, technological rearmament, economic interest

Сформулированное в середине 1990-х гг. американским информатиком Николасом Негропonte понятие цифровой экономики как особой отрасли, производящей разнообразные информационные продукты в электронном виде, ныне трактуется гораздо шире. Многие указывают на то, что информационные технологии, проникая во все сферы создания, распределения, обмена и потребления реальных и виртуальных благ, влекут за собой качественное изменение способа функционирования производительных сил.

Суть этого процесса в том, что логика взаимодействия вещественных элементов производительных сил (как в технологическом, так и в организационном плане) все чаще определяется не людьми, а все более интеллектуализирующимися, способными к самообучению информационными системами (интернет вещей). Более того, это взаимодействие начинает выходить за пределы отдельного хозяйствующего субъекта, постепенно включая в единое информационное пространство весь процесс общественного воспроизводства.

¹ The article was published in the journal «The Economic Renaissance of Russia» (No. 2, 2018, pp. 36–40).

Одновременно информационные технологии выходят за пределы собственно экономики и проникают во все сферы общественной и частной жизни, придавая им некое новое бытие. Именно такое понимание цифровой экономики как цивилизационного явления нашло отражение в выступлении В. Путина на экономическом форуме в Санкт-Петербурге (2017 г.): «Цифровая экономика – это не отдельная отрасль, по сути, это основа, которая позволяет создавать качественно новые модели бизнеса, торговли, логистики, производства, изменяет формат образования, здравоохранения, госуправления, коммуникаций между людьми, а, следовательно, *задаёт новую парадигму развития государства, экономики и всего общества*» (курсив мой – Д.С.).

Понятно, что такого рода процессы не могли остаться вне сферы внимания обществоведческих наук, в рамках которых развернулась дискуссия о содержании и социально-экономических последствиях этого явления. В принципе, ясно, что новая реальность, формируемая цифровой экономикой, с одной стороны, создает потенциал для общественного прогресса, с другой – порождает определенные риски (угрозы). В этой связи для обществоведческих наук возникает двоякая задача: выявление возможностей, механизмов использования новой реальности в интересах общественного прогресса, а также рисков (угроз), которые несет эта новая реальность для социума, и предложений по их нейтрализации.

С большой долей вероятности можно предположить, что социумы, которые смогут «освоить» порождаемый цифровыми технологиями цивилизационный сдвиг, использовать его в собственных интересах, получат статус субъектов, определяющих конструкцию нового мира. В свою очередь, социумы, «выпавшие» из процесса, неизбежно превратятся в ресурсный потенциал для будущих полюсов развития. В этой связи у России нет альтернативы: в силу геополитических реалий, исторически сложившихся с момента ее образования как единого государства, она может сохранять свою целостность, лишь оставаясь одним из мировых центров силы. Представляется, что освоение возможностей, порождаемых цифровой экономикой, позволит России войти в группу стран-лидеров, уйдя с траектории догоняющего развития. Для реализации такого сценария необходимо обеспечить выполнение ряда условий.

Первое связано с пониманием того, что цифровизация экономики предполагает изменение организационно-экономических связей и процессов в каждом ее звене, каждом хозяйствующем субъекте и экономике в целом. Речь идет не просто о передаче тех или иных организационно-управленческих функций от человека к информационным системам, а об изменении самого содержания этих функций. Определенным аналогом (и уроком) здесь может служить история внедрения автоматизированных систем управления (АСУ), начавшаяся с середины 1960-х гг. По сути, отсюда можно отмерять время начала перехода к цифровой экономике. Однако, как известно, надежды на более эффективное экономическое развитие при переходе к АСУ не оправдались. Фундаментальная причина заключалась в том, что автоматизировались сложившиеся организационно-управленческие функции, в то время как АСУ требовали реформирования самой организационно-управленческой системы. При цифровизации экономики как в масштабах конкретного хозяйствующего субъекта, так и экономики в целом необходимо до начала «оцифровки» ясно представлять себе, как должна измениться логика организационно-управленческой системы, процесса принятия управленческих решений и т.п. при переходе к интернету вещей, где логику действий будут во все большей степени определять интеллектуальные и самообучающиеся информационные системы. Процессы оцифрования и организационно-управленческие изменения должны сопрягаться во времени и пространстве. В противном случае может возникнуть ситуация, когда сохранение традиционной организационно-управленческой системы, пусть и в оцифрованном виде, не только не принесет ожидаемых социально-экономических эффектов, но и создаст угрозу «выпадения» страны из формирующегося глобального информационного пространства.

Второе, на что следует обратить внимание, это производственно-экономический аспект перехода к цифровой экономике. Утвержденная в 2017 г. Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. определяет, что «цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяет существенно повысить эффективность различных форм произ-

водства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг». Вместе с тем необходимо понимать, что само по себе оцифрование производственных процессов не ведет к автоматическому росту эффективности производства. Последняя определяется прежде всего состоянием материально-технологической базы экономики¹. Так, оцифровка скоростного поезда «Сапсан» и соответствующего участка пути может способствовать предоставлению новых «виртуальных» услуг его пассажирам и повышению безопасности, но не сократит время движения, если рельсовый путь останется рассчитанным на обычные железнодорожные составы. Прорыв здесь может произойти лишь при переходе к принципиально новым технологическим решениям задачи перемещения грузовых и пассажирских потоков (например, к магнитно-левитационным технологиям).

С учетом состояния материально-технологической базы российской экономики этот аспект проблемы сегодня особенно важен. В конце прошлого десятилетия на основе проведенного в Российской академии наук исследования был сделан вывод, что страны – технологические лидеры находятся в пятом технологическом укладе с элементами шестого, в то время как российская экономика характеризуется четвертым технологическим укладом с элементами пятого². Напомним, что этот вывод был сделан, не смотря на то что еще в 2000 г. в проекте Основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу было заявлено, что к 2007–2010 гг. «будут созданы научно-технические и производственные предпосылки для кардинального технологического перевооружения основных экономически значимых секторов производства». Однако, несмотря на целый ряд организационно-экономических мер в этой области, доля предприятий промышленности, осуществляющих технологические инновации, за прошедший

¹ Еще К. Маркс отмечал, что «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» (Маркс К. Капитал. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 191).

² См.: Научная сессия Общего собрания РАН «Научно-технологический прогноз – важнейший элемент стратегии развития России» // Вестник РАН. Т. 79, № 3. 2009. Март.

период осталась на недопустимо низком уровне¹. Принятая в 2008 г. Концепция долгосрочного социально-экономического развития до 2020 г. поставила задачу доведения этого показателя до 40...50%, что соответствовало ситуации в странах – технологических лидерах. В принятой в 2011 г. Стратегии инновационного развития России цель определена по «нижней планке» Концепции – 40% (видимо, исходя из складывающихся реалий). Однако те же реалии привели к тому, что в утвержденной двумя годами позже Государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика» показатель был уменьшен до 25%. Тем не менее, ныне и он представляется недостижимым: по итогам 2016 г. доля предприятий промышленности, осуществляющих технологические инновации, осталась на уровне 2000 г. – 9,2%.

Нынешние реалии российской экономики не позволяют обеспечить необходимые темпы ее роста, кроме как за счет повышения производительности труда. Отсюда задача, поставленная в Послании Президента России Федеральному собранию (2018 г.), – обеспечить рост производительности труда «на средних и крупных предприятиях базовых отраслей (это промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство и торговля)... темпами не ниже 5 процентов в год». Между тем, с учетом складывающихся трендов в этой области без технологического перевооружения соответствующих отраслей эта задача представляется невыполнимой (см. таблицу).

Именно поэтому в Послании Президента России Федеральному собранию отмечено, что «инвестиции должны пойти прежде всего на модернизацию и технологическое перевооружение производств, обновление промышленности. Нам нужно... выйти на уровень, когда в среднем каждое второе предприятие в течение года осуществляет технологические изменения».

Таким образом, программы цифровизации как экономики в целом, так и хозяйствующих субъектов должны быть сопряжены с программами технологического перевооружения. При этом важно, чтобы переход к цифровой экономике не сводился к оцифровыванию имеющейся технологической базы, по существу, консервируя техноло-

¹ В 2000 г. – 10,6%, в 2010 г. – 9,3% (здесь и далее, если не указано иное, использованы данные Росстата).

гическое отставание. Чтобы избежать этой угрозы, целевыми должны быть показатели не оцифровки, а производственно-экономической эффективности производства. Сами же цифровые технологии должны рассматриваться как инструменты для роста такой эффективности.

Таблица 1. Среднегодовые темпы
прироста производительности труда в 2010–2016 гг., %

Экономика в целом	1,6
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,0
Промышленность	
Добыча полезных ископаемых	1,6
Обрабатывающие производства	2,4
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,2
Строительство	-0,1
Транспорт и связь	1,2
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	-0,2

Наконец, третьим важным фактором успеха является создание системы заинтересованности в осуществлении программ цифровизации и субъектов хозяйствования, и работников. Об этом, в частности, говорит опыт перехода предприятий к инновационным факторам роста. В Стратегии инновационного развития России прямо отмечалось, что ключевой проблемой отсутствия должного уровня инновационной активности «является в целом низкий спрос на инновации в российской экономике... Ни частный, ни государственный сектор не проявляют достаточной заинтересованности во внедрении инноваций», тормозя тем самым технологическое перевооружение экономики. Отсутствие экономического интереса хозяйствующего субъекта к использованию цифровых технологий вкупе с технологическим перевооружением исключает реальные подвижки в этом направлении. В свою очередь, незаинтересованность работников, осуществляющих трудовые функции в рамках хозяйствующего субъекта, перед которым поставлена задача перехода к цифровым технологиям, неизбежно приведет к скрытому сопротивлению, с которым сталкивается всякое новшество, особенно когда призывы к переходу

к цифровой экономике сопровождаются прогнозами о появлении в результате сотен тысяч «лишних» людей.

Таковы исходные предпосылки для предотвращения угрозы «выпадения» России из цивилизационного процесса, порождаемого переходом к цифровой экономике.

Миркин Яков Моисеевич,

д.э.н., профессор,

член Правления ВЭО России,

зав. отделом международных рынков капитала

ИМЭМО РАН

**Российская экономика:
рост под санкциями (сценарии будущего)¹**

Аннотация. Показана точка отсчета, в которой находится российская экономика. Предложены четыре сценария на 2018–2025 гг.; оценены вероятности их реализации; дана их краткая характеристика. Особое внимание уделено сценарию экономической либерализации, «внезапного поворота», связанного с переходом российской экономики к сверхбыстрому росту. Дано описание основных идей и приведены целевые индикаторы в рамках этого сценария.

Ключевые слова: налоговый стимул, политика развития, регулятивное бремя, финансовое развитие, экономическая либерализация, экономическое чудо

Mirkin Yakov,

Doctor of Economics, Professor,

Member of the Board of the Free Economic Society of Russia,

Head of the International Capital Markets Department

of the Institute of World Economy

and International Relations

of the Russian Academy of Sciences

¹ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№2, 2018, с. 63–67).

The Russian economy: growth under sanctions (scenarios for the future)¹

Abstract. The article shows the starting point in which the Russian economy is located. Four scenarios of the future are proposed in 2018–2025, the probabilities of their realization are estimated, and their brief characteristic is given. Particular attention is paid to the scenario of economic liberalization, the «sudden turn» associated with the transition of the Russian economy to ultra-fast growth. A description of the main ideas is given and target indicators are given in the framework of this scenario.

Keywords: developmental policy, tax incentive, regulatory burden, financial development, economic liberalization, economic miracle

Первое, в России в 2017 г. продолжительность жизни составляла 72,7 лет – это 96-е место в мире. Малайзия обогнала нас по продолжительности жизни и объему ВВП на душу населения по паритету покупательной способности. *Второе*, Россия – страна функциональной зависимости от сырья и двух основных клиентов: Евросоюза – 43% от внешнего товарооборота и Китая – 15%. Один из этих клиентов (Евросоюз) хотел бы как можно большей независимости от России. Такое видение энергетического будущего включено во все официальные политики Евросоюза. *Третье* – очень высокие технологические риски. И не только из-за санкций, но и потому, что мы во многом утратили экономику сложных вещей. В России за месяц производится 320–350 металлорежущих станков, что в два больше, чем три года назад, но это по-прежнему несколько процентов от потребности в их замещении. Как свидетельствует статистика (без учета теневой экономики), утрачена и экономика простых вещей: у нас производится один пиджак на 75 человек, одна кофемолка на 1500 семей. То же самое по ключевым товарам народного потребления, кроме продовольствия, холодильников, стиральных машин, автомобилей. Мы так и не создали экономику инноваций. В 2016 г. объем вычислительной техники на душу населения составлял 4,6 доллара, чтократно ниже, чем, например, в Малайзии.

¹ The article was published in the journal «The Economic Renaissance of Russia» (No. 2, 2018, pp. 63–67).

Хозяйственный и финансовый механизмы настроены на торможение. Представьте себе экономику как автомобиль, в котором нажаты тормоза, не включен двигатель, и он к тому же завяз в грязи. Масса людей пытаются его растолкать, вытащить, но тянут в разные стороны. При этом еще и бензина нет.

Но есть и хорошие новости. Первое – после 2014 г. сохранены объемы добычи и экспорта сырья. Второе – созданы маленькие островки экономического чуда, где государство искусственно нормализовало рыночные условия. В зерновом хозяйстве, по заявлению председателя правительства, ссудный процент – 4–5%. Там доступней кредиты, проще получить бюджетное финансирование, сильнее налоговые стимулы, ниже административные издержки. А что в ответ? Быстрый рост. В каких еще отраслях? Фармацевтика, производство продовольствия для импортозамещения, военно-промышленный комплекс, некоторые отрасли машиностроения. Так же и в отдельных регионах с особыми режимами хозяйствования. Там, где мы создаем нормальные условия, предпринимательство отвечает быстрым ростом.

Рассмотрим сценарии на будущее, основываясь на точке отсчета.

Первый – шоковый сценарий с вероятностью 10...15%. Сегодня доля государства в экономике и банковском секторе достигла 70%. Понятно, что, если этот тренд будет продолжаться и доля государства достигнет 80...85%, то это уже будет иная экономика, очень приближенная к административной.

Второй сценарий, его шансы, по оценке, равны 45...50%. Это то, что мы имеем сегодня: замороженная, стагнационная, полузакрытая сырьевая экономика с устаревающими технологиями и отдельными островками сверхбыстрого, искусственно созданного роста.

Третий сценарий – «управляемый холод», его шансы – 30–35%. Аналог – Испания периода Франко конца 1950-х – начала 1960-х гг., когда все в государстве было подчинено развитию, создано правительство молодых технократов, возникли островки экономической либерализации (экспорт рабочей силы), много средств было вложено в инфраструктуру, развивался туризм, курорты и т.д.

Четвертый сценарий (вероятность – 5–10%) «внезапного поворота», «экономики роста» – альтернативная финансовая и экономическая политика, противостоящая политике торможения. Цели очень просты: прежде всего увеличение продолжительности и улучшение

качества жизни (на всей территории России). Для этого требуются быстрый рост, модернизация, строительство открытой социальной рыночной экономики.

Все технические инструменты известны, в том числе популярные реформы, стимулирующие рост деловой и потребительской активности и не связанные с понятием «болезненные». Существует обширная международная практика реализации «экономического чуда». Она относится не только к азиатским «тиграм», но и к европейским экономикам (Германия, Италия, Испания, Португалия, Франция), к Израилю – феномену роста и качества жизни в условиях высоких геополитических рисков.

Это государство развития, министерство финансов развития, центральный банк развития – экономика развития. Экономика прежде всего стимулов, а не наказаний и надзора, как сегодня. Пошаговая экономическая либерализация, в которой каждый инструмент (кредит, налоги, процент, валютный курс, бюджет, цены и тарифы, регулируемые государством, таможенная политика, инвестиции, административная нагрузка) подчинен очень простой задаче: рост, модернизация, продолжительность жизни. Это бизнес-среда, создающая меньшие риски, множество стимулов, подталкивающая к высокой динамике экономики, когда инструменты применяются все вместе, системно. Иначе (в случае разового, отдельного применения) могут последовать разбалансирование, шок, вывод капитала, вспышка инфляции.

Это системное лечение. Такой подход потребует очень серьезного операционного вмешательства государства, потому что амбулаторное лечение уже не спасет экономический организм.

Фактов успешной модернизации и сверхбыстрого роста в рамках рыночных экономик много. После Второй мировой войны не менее 15 экономик прошли периоды догоняющей модернизации и стали (или почти стали) развитыми. Чтобы такие «чудеса» произошли, требуется выполнение ряда условий.

Первое – руководитель проекта. Кто же станет автором российского «чуда» – вопрос по-прежнему открыт.

Второе – наличие администрации развития с особыми полномочиями. Мы живем в «экономике по поручениям» – деятельность министерств и ведомств во многом ограничена операционной, ис-

полнительской (выполнение поручений высших эшелонов власти). Они не успевают работать на дальних горизонтах.

Третье – макроэкономическое программирование, ясное обозначение целей, в системе которых рост и модернизация должны быть подчинены повышению продолжительности и улучшению качества жизни. На практике – полное переустройство политики, сложившейся в последнюю четверть XX в.

Четвертое – поэтапная нормализация рыночной среды. В частности, осторожное снижение ссудного процента (но не за счет процентных субсидий из нашего кармана), в том числе с использованием временного внерыночного вмешательства (потолки по процентам, ограничение процентной маржи).

Прежде всего речь идет о регионах. Сегодня на Москву приходится больше денежной массы и кредитов, чем на регионы, в которых постепенно складывается денежная пустыня, к тому же все меньше банков с местными корнями. Еще в начале 2010-х гг. ситуация была иной. Можно предложить механизмы рефинансирования Центральным банком портфелей кредитов среднему и малому бизнесу в регионах – это так называемая целевая кредитная эмиссия. Существуют специальные механизмы рефинансирования Центрального банка, низкопроцентные кредиты через отраслевые фонды и другие финансовые институты развития, лимиты на проектное финансирование и т.п. Напомним, что доля среднего и малого бизнеса в экономике у нас очень низка – 20–25%.

При этом возможно подавление немонетарной инфляции, прежде всего за счет цен и тарифов, регулируемых государством. В 2017–2018 гг. эта идея уже сработала. Очень важен умеренно ослабленный курс рубля – как инструмент, стимулирующий рост. У Центрального банка есть масса вполне рыночных инструментов, позволяющих в рамках мягких ограничений «устроить» такой курс в рублевом пространстве. В международной практике во всех случаях «экономического чуда», при всех ситуационных особенностях использовался именно этот подход (а Китай даже неоднократно обвинялся в валютном манипулировании).

Вместо постоянного увеличения налогового и квазиналогового бремени (в последнее время мы слишком часто слышим о возможном росте налогов, сборов, платежей) следует применять сильные и про-

стые налоговые стимулы за рост и модернизацию. При налоговой нагрузке в России на уровне развитых европейских стран (37–39% ВВП) быстрый рост невозможен, доля налогов и квазиналогов в ВВП должна быть хотя бы на уровне 30–33%. Необходим максимум налоговых стимулов для прямых иностранных инвестиций, прежде всего в несырьевую сферу (сегодня число компаний и банков с участием нерезидентов сокращается).

Следует расширить практику ускоренной амортизации. Надо использовать протекционистскую таможенную политику, которая содействует локализации производства, делает ее более выгодной в сравнении с импортом. Необходимо резко и жестко сократить регулятивные издержки (объемы Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях выросли почти в три раза с момента их принятия).

Максимум льгот для среднего класса, среднего и малого бизнеса позволит нарастить внутренний спрос. Максимум возможного – в регионы. Примерно 10 регионов у нас – это зоны национального бедствия, где продолжительность жизни и доходы населения на уровне беднейших стран.

Как следствие, неизбежен рост нормы накопления, превращение России из страны, на протяжении четверти века импортирующей капитал, в страну, его привлекающую даже в условиях санкций. Перед темпами роста выше 4–5% инвестору устоять невозможно.

Когда экономика придет в движение, упростится решение структурных вопросов – приватизации, разгосударствления, демонополизации, защиты прав собственности, независимости суда.

Одним из позитивных следствий станет перезагрузка отношений с развитыми странами. Можно быть уверенным, что, когда темпы роста экономики составят 4–6%, локальные конфликты будут заморожены. Это хорошо видно на примере Китая.

Каковы целевые ориентиры? Выход на устойчивую, долгосрочную траекторию роста в 5–8%; норма накопления – 30–34% ВВП; рост – все менее сырьевой; новая индустриализация; «замораживание» внешних конфликтов; активный трансфер технологий и мозгов в Россию.

Налоговая нагрузка – 28–32% ВВП, конечное потребление государства – 14–15% ВВП. Осторожный рост монетизации ($M2/VBVP$) с

40–45% до 80–100%. Насыщенность кредитами – до 70–80%. Инфляция (не только розничная, но и в оптовых ценах), проценты снижаются до 2–4%. Валютный курс – стабилизация: сначала в районе 68–70 р./долл., затем все медленней, в меру ослабления инфляции; годами ползет к 75–90 р./долл. и т.д. Рубль «умеренно ослаблен» к доллару и евро. Капитализация рынка акций – до 100–120% ВВП. Огосударствление экономики падает с 50–60% до 20–30%. Взрывной рост прямых иностранных инвестиций. Сокращение доли инвестиций через офшоры с 70–80% до 20–30%. Уверенный рост доли среднего и малого бизнеса в ВВП, производительности труда, реальных доходов населения.

И последнее. Доля российской экономики в глобальном ВВП очень незначительна – всего 1,8%. Доля финансовой системы в глобальных финансовых активах никогда не превышала 0,5–0,6% ВВП. Сверхбыстрый экономический рост – это всегда «финансовый форсаж», пусть и очень осторожный. Только так создается внутренний инвестиционный потенциал.

В 2001 г. денежная масса Китая в долларовом выражении составляла 25% от уровня США, а в 2016 г. – уже 133% (МВФ). Как финансовый гигант Китай догоняет США еще быстрее, чем в реальной экономике (при инфляции в среднем в 1,5–2,5% и ссудном проценте, значительно более низком, чем в России). В 2000 г. в Китае внутренний кредит государству, бизнесу и населению равнялся 8% от уровня США, в 2016 г. – около 60%. В деньгах – это 27,3 трлн долларов (255% ВВП), и рост продолжается.

Это пример того, как макроэкономические инженеры смогли найти финансовые инструменты для взрывного роста при сохранении устойчивости всей системы. Именно такие решения должны быть в центре нашего внимания.

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России / С.Д. Бодрунов. СПб.: ИНИР, 2015. – 551 с.
2. Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора / Р.С. Гринберг. М.: Магистр; Инфра-М, 2012. – 416 с.

3. Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика / Я.М. Миркин [и др.]. М., 2015. – 494 с.

4. *Caldentey E.P.* The Concept and Evolution of the Developmental State / E. P. Caldentey // *International Journal of Political Economy*. Vol. 37, № 3. Fall 2008. P. 27–53.

Лаумулин Чокан Турарович,

*исследователь Центра наук о развитии
и Кембриджского Центрально-Азиатского форума
Кембриджского университета (Великобритания)*

**Роль науки и культуры
в реиндустриализации ЕАЭС¹**

Аннотация. Рассматриваются особенности и взаимосвязь новой индустриальной революции и развития стран ЕАЭС, подчеркивается значимость эндогенных научных изысканий и академических институций для глобальной технологической парадигмы. Отмечается необходимость укрепления тройной инновационной спирали взаимодействия государства, индустрии и науки для развития страны и увеличения ассигнований на НИОКР.

Ключевые слова: новая индустриальная революция, наука и инновации, тройная инновационная спираль, развитие Евразии, социальная политика

Laumulin Chokan,

*The researcher of the Center of sciences about development
and of the Cambridge Central Asian forum
of the Cambridge university (Great Britain)*

**The role of science and culture in re-industrialization
of the EEU countries²**

¹ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№2, 2018, с. 74–78).

² The article was published in the journal «The Economic Renaissance of Russia» (No. 2, 2018, pp. 74–78).

Abstract. The connection between a new industrial revolution and the development of the EEU countries is considered in the article highlighting the importance of endogenous research and academia for global technological paradigm. The establishment of the triple innovation helix of the interaction between the state, industry and science for the development of a country within the demand for increasing the R&D allocations is emphasised.

Keywords: new industrial revolution, science and innovation, the triple innovation helix, development of Eurasia, social policy

Жизнь человечества за последние 200 лет изменилась, в первую очередь, благодаря научно-техническому прогрессу, а не под влиянием политики, идеологий и пр. Сейчас мир вступил в эру новой индустриальной революции. Ее первой фазой называют взрывной рост цифровой информатизации и коммуникации, который ведет к скачкообразному ускорению и изменению научно-технологических, культурных, экономических, социально-политических и других отношений. Цифровизация, совершенствуя коммуникации между людьми и способствуя обмену информацией, актуализирует вопрос о знании и содержательности передаваемой информации.

Вопрос о месте Евразии в глобальных технологических цепях имеет первостепенную важность, для его решения необходимо развитие научно-исследовательской базы. В фундаменте такой базы должны лежать исследования в области геологии, физики, химии, математики и других дисциплин. Говоря о ядре нового центра экономического роста в Евразии, важно понимать, что во всех сильных экономиках мира подобным ядром является развитие естественных наук, а отсюда – технологий, формирующих львиную долю ВВП (включая постиндустриальный рынок услуг), созданных и получивших развитие в результате научных открытий. Фундаментальная наука (в особенности физика и химия) – это резервуар знаний, на которых базируются прикладные научные решения, появляются технологии, стимулирующие развитие инновационной экономики. Забвение данного фундаментального постулата в индустриальной политике при одновременном недофинансировании культуры, гуманитарных наук, образования и здравоохранения (важнейших составляющих инновационной среды экосистемы в осуществлении социальной по-

литики) грозит современным обществам упадком и деградацией. И напротив, инвестиции в данном направлении – залог общего развития системы и экономики, наращивания международного веса и влияния конкретной страны и региона. Именно социальное развитие предопределяет развитие общественной экосистемы, в которой формируются наука и культура – идущие рука об руку феномены высшей интеллектуальной деятельности человека.

Следующие фазы новой индустриальной революции будут предопределены новейшими открытиями и разработками в областях: материаловедения, сохранения и транспортировки энергии (к примеру, сверхпроводимость), криогеники, квантовой материи, астрофизики, оптической физики, физики высоких энергий, опто- и микроэлектроники (в частности, некремниевой электроники), теории сжатой материи, биологии, химии, биотехнологий, медицины, наук о земле и множестве других направлений. Уже подготовленный и почти созревший научно-технологический рывок сформирует новый характер политико-экономических, финансовых, международных и прочих отношений, определит необычные среду, уклад обитания и развитие человека в XXI в.

Новейшие открытия, подавляющее большинство которых еще даже не осуществлено, лягут в основу событий, связей и вида грядущей истории. Человеческое воображение не способно представить последствия этого процесса. Несомненно, одно – он будет движим институциональным развитием человеческого интеллекта. Именно человеческий фактор, образование и развитие человеческого капитала, создание благоприятной культурной и социальной экосистемы становятся залогом успеха развития в условиях этих изменений.

С другой стороны, немаловажной предпосылкой данной революции является наличие (или доступ) к материальным и природным ресурсам как фундаменту для преобразований и исследований. Для пространства ЕАЭС, самого крупного территориального образования в мире, вероятно, нет более важной области познания, чем развитие наук о Земле, за которыми должны идти научные исследования в мульти- и межотраслевых дисциплинах. Центральная Евразия – уникальный регион Земли, в недрах которого сосредоточены все элементы периодической таблицы, и дальнейшее исследование их свойств важно не только для стран ЕАЭС, но и для глобального технологиче-

ского развития, особенно в условиях уже разворачивающейся очередной промышленной революции. Одной из наиболее заметных особенностей этой революции является открытие новых свойств новых материалов. Эти свойства могут быть открыты при изучении свойств старых материалов в процессе экспериментирования и проведения исследований с известными базовыми материалами, имеющимися или производимыми на территории ЕАЭС. Более того, многие элементы, в частности редкоземельные металлы, являются чрезвычайно важными частями глобальных технологических цепочек настоящего и будущего. Сегодня, по признанию профессора квантовой физики Кавендишской лаборатории Кембриджского университета Сиддхарта Саксены, в большинстве проводниковых устройств в любом помещении в мире есть элемент, добытый из недр России или Казахстана. Минерально-ресурсное богатство недр, развитая горно-металлургическая база и высокий человеческий потенциал, включая многообразные и древние культуры, делают Центральную Евразию одним из самых важных регионов развития мировой цивилизации.

Примат и основополагание научно-исследовательской деятельности и открытий в новой индустриальной экономической реальности есть базис экономики знаний, создание которой является одной из целей всех развитых стран. Многие развивающиеся страны могут осуществлять трансферт технологий. Однако для этого также требуется развитие собственной научно-исследовательской базы, поскольку при адаптации технологии покупатель должен быть так же технологически подготовлен, как экспортер.

И это невозможно без развития эндогенной фундаментальной науки как источника экспертизы, нового знания и подготовки компетентных специалистов. Кроме того, при трансферте технологий есть опасность попасть в зависимое и подчиненное положение, что может представлять стратегическую угрозу для суверенитета страны. Географическое расположение, климат, исторические и социальные особенности большей части Центральной Евразии делают неэффективным или неконкурентоспособным в глобальном масштабе большинство технологических трансфертов, тогда как эндогенные научные исследования могли бы стать основой для развития уникальных технологий и инноваций. Любое собственное высокотехноло-

гичное производство имеет значительный запас прибыли и незначительную (относительно конечной цены) стоимость транспортировки. Развитие исследований в областях естествознания помогает сформировать фундаментальное ядро новых современных отраслей для промышленного и сельскохозяйственного развития, обогатить, углубить и расширить национальную моральную, социальную, культурную и политическую парадигму в постсоветских обществах. Одновременно институт академической мысли и исследований выступает внутренним процессором всей системы и поставщиком по-настоящему компетентных кадров для управления государственной и частной экономикой и обществом.

Инновация, через которую приходят меняющие нашу жизнь технологические достижения, имеет в своей основе собственно технологию как следствие усилий в прикладной науке, т.е. инжиниринга. Последнее является результатом развития фундаментальной науки, которое невозможно без определенного уровня культуры и подвижимо любознательностью и чисто духовным стремлением к познанию сущего. Кроме того, наука и культура представляют собой самый важный источник глобального влияния и «мягкой силы». Данный довод призван придать дополнительный импульс к концентрации усилий постсоветских научных кругов, общества и государства на организации и осуществлении исследований в указанных выше областях познания как безальтернативного в исторической перспективе успешного пути национального развития. Это может привести к возникновению высокотехнологичной и уникальной экономики, основанной на «индустрии открытий», и обеспечить региону устойчивое развитие и международное влияние в эпоху неизбежно наступающих бурных и непредсказуемых глобальных перемен.

Согласно современной концепции инновационной тройной спирали¹, поступательное развитие общества осуществляется за счет ротационного взаимодействия трех (накладывающихся друг на друга краями) центров (условно круглых) внутри спирали: государства,

¹ Ranga M., Etzkowitz H. Triple Helix Systems // An Analytical Framework for Innovation Policy and Practice in the Knowledge Societ., Stanford University. retrieved from the Web, https://triplehelix.stanford.edu/images/Triple_Helix_Systems.pdf.

академии (институционализированных науки и культуры) и индустрии, создающих инновационную сердцевину развития. Она заставляет центры вращаться, обеспечивая поступательное развитие всей модели, подстраховывая при недоработках и дублируя функции других центров. Это, однако, идеальная модель. Во многих развитых странах, включая США, автономное функционирование этих центров развития вызывает проблемы их сближения, и на решение этих проблем направлена соответствующая индустриальная политика. Формирование этих центров происходило столетиями, и они представляют собой сложную эволюционную общественную модель той самой «индустрии открытий». Развивающимся странам очень трудно скопировать данную эффективную модель из-за неразвитости самих центров и отсутствия времени. В ЕАЭС государство может взять на себя роль локомотива развития остальных центров индустрии и исследований, чтобы привести в движение всю систему, мирясь с неизбежными потенциальными рисками потери снижения эффективности взаимодействия отдельных элементов при довлеющей ключевой роли государства.

К примеру, страны ЕАЭС могут направить свои национальные усилия на исследования в области производства, передачи, хранения и применения энергии с использованием сверхпроводимости. Еще одна область прорывов – разработка новых структур, способных «революционизировать» производительность солнечных элементов, батарей, топливных элементов, легких конструкционных материалов, холодильного оборудования, очистки воды и т.д. (во избежание провала от участия в нынешней промышленной гонке за небольшими транзисторами). В глобальном масштабе подобные новые «волшебные» технологии не получают развития из-за отсутствия соответствующих элементов, которых в избытке в наших недрах. Тем временем мировая индустрия продолжает чрезмерно инвестировать в классические технологии. Это открывает перед ЕАЭС огромные глобальные возможности. Заметим, что большинство из 9 полученных СССР премий по физике напрямую связаны с физикой низких температур.

Задача запуска научно-исследовательских изысканий на новом витке исторического развития подразумевает не только вовлечение ведущих мировых ученых в сфере естественных наук и инженеров,

но и развитие отечественной культуры во всем ее многообразии, равно как и развитие социальных и экономических наук для укрепления собственной философской базы, академической культуры и знания. Однако для достижения не декларативного, а реального успеха странам ЕАЭС потребуются реформа и эволюция подходов как к организации столь чувствительной отрасли, так и к поиску ценных профессионалов – организаторов взаимодействия науки и индустрии. Разработка и осуществление успешной общеевразийской и отсюда – глобальной индустриальной политики – задача сама по себе инновационная. Но ведь именно наличие институционально укоренившихся науки и культуры напрямую свидетельствует о степени развитости и цивилизованности общества, его готовности совершить прыжок в развитии.

Развитие науки и исследований – необходимое условие глобального развития. По размеру отчислений на фундаментальную науку и НИОКР можно достоверно судить о степени развитости страны. Согласно средним данным по странам ОЭСР, сегодня в развитой стране расходы на НИОКР составляют около 2,4% от ВВП в год (около трети средств идет на прямое финансирование государством фундаментальной науки). Для трех стран – основательниц ЕАЭС – существующего ныне уровня (~ 1,1% ВВП в России; 0,67 – в Беларуси и 0,17 – в Казахстане) явно недостаточно. Для примера: СССР в 1980 г. преодолел планку в 5% от ВНП. Нет более выгодных инвестиций для любой нации, чем вложения в развитие науки и культуры. Объединение возможностей ресурсной базы Центральной Евразии с мировыми исследованиями, развитие собственной научно-исследовательской парадигмы вкупе с развитием научного потенциала СССР способны внести значимый вклад в глобальное развитие и упрочить положение нового Союза на мировой арене. И начинать следует с оживления и воссоздания научно-исследовательской и экспериментальной инфраструктуры и привлечения соответствующих кадров. Ежегодные ассигнования в размере до 2% от общего ВВП стали бы стратегическими инвестициями в будущее, позволив Евразийскому экономическому союзу занять новое место в будущем мировом укладе.

Цаголов Георгий Николаевич,

*д.э.н., профессор Международного университета
в Москве, академик РАН*

Почему в Китае получается

Аннотация. В статье рассматриваются трактовки экономических успехов Китая и обосновывается подлинные причины его процветания. Главный вывод состоит в том, что Китай, не разрушив социалистическое плановое хозяйство, сумел дополнить его рыночно-капиталистическими регуляторами. Интегральная модель экономики Китая может и должна служить ориентиром для выхода России на траекторию устойчивого и гармоничного развития.

Ключевые слова: социализм, капитализм, планирование, рынок, реформы, «двухколейная» система, интегральное общество

Tsagolov Georgy,

*professor of the International University in Moscow,
PhD in Economics, academician of RANS*

Why in China it turns out

Abstract: The article describe the different interpretations of the successful development in China and explains the real reasons of the prosperity of the country. The main conclusion is that China are not destroyed socialist planned economy but added to it market-capitalist regulators. Integral model of chines' economy can and must serve the orienteer for issue of Russia on the trajectory of stable and harmonic development.

Keywords: socialism, capitalism, planning, market, reforms, double track system, integral society

В одной древней индийской притче слепые, чтобы составить представление о слоне, решили потрогать его. Обхвативший ногу счел, что он напоминает ствол дерева. Нащупавший бивни, пришел к выводу, что животное больше похоже на курительную трубку. Взявшийся за хобот нашел сходство со змеей, а за хвост – подобие веревке.

В трактовках экономических успехов Китая наблюдается не меньшая многоголосица. Одни объясняют их приверженностью страны социализму, другие – переходом к капитализму, третьи – цивилизационными особенностями, будь то трудолюбивой натурой его народа или древней культурой.

Чем же на самом деле вызваны китайские достижения?

Народ тот же, но...

Прежде всего заметим, что ссылки на цивилизационные особенности в не вполне корректны, так как тот же самый народ с его культурой в разные периоды своей истории показывал совершенно разные результаты.

Долгое время Китай в области научных открытий, технического новаторства, повышения производительности труда и накопления богатства занимал ведущее место и обладал самой мощной и развитой экономикой в мире. Еще 300 лет назад в сравнении с Китаем европейские страны в основном представляли собой аграрные территории. Но последовавшая промышленная революция изменила картину: Запад, воспользовавшись плодами научных открытий, осуществил экономический взлет, а восточное государство, родина пороха, сменило процветание на упадок и намного отстало от Европы и Америки.

Да и после победы коммунистов в 1949 году периоды бурного развития сменялись полосами деградации. Насажение военно-бюрократических методов организации труда и жизни населения в конце 1950-х годов не привело Китай к намеченным целям. Провозглашенный лозунг «Три года упорного труда – десять тысяч лет счастья» потерпел сокрушительный провал. Промышленное производство к 1962 году сократилось почти вдвое по сравнению с 1960 годом, а сбор зерна стал ниже 1952 года. Голод стал распространенным явлением

в КНР. Вкупе с природными катаклизмами он свел в могилу около 30 млн человек. Затем последовала «культурная революция», окончательно дезорганизовавшая социально-экономическую жизнь.

Стало быть, ссылки на огромное население или природное трудолюбие не выдерживают критики. Где были китайцы с этими особенностями 50 лет назад? Почему позже отсталая аграрная страна с прежним народом совершила восхождение на мировой Олимп?

Корни экономических, как, впрочем, и всех других успехов стран надо искать в выборе и нахождении ими оптимальных систем и форм общественного устройства. Именно к этой стороне следует присмотреться самым внимательным образом. И, конечно же, нельзя забывать, что одним из слагаемых китайского феномена является Коммунистическая партия КНР.

Декабрь 1978-го и последовавшие перемены

В конце этого года в Китае на самом высоком уровне пройдут торжественные мероприятия по случаю 40-летия начала проведения экономических реформ. Тогда – 18 декабря 1978 года – открылся 3-й пленум ЦК КПК 11 созыва в ходе которого было выдвинуто предложение о смещении центра работы партии и государства с вопросов политики и классово-борьбы на проблемы преобразования хозяйственной сферы. Принятые решения стали историческим шагом, сыгравшим огромную роль в становления нового Китая и в первую очередь связаны с именем великого китайского революционера и реформатора Дэн Сяопина.

За истекшее с тех пор время страна превратилась в могущественную индустриальную державу – «мастерскую мира», производящую с каждым годом все более сложную и качественную продукцию. Реальный производственный сектор Китая больше американского, а его ВВП второй в мире по номиналу и первый (с 2014 года) по паритету покупательной способности. Китай является крупнейшим кредитором США, чей долг ему превышает триллион долларов. Китайский суперкомпьютер Sunway TaihuLight – самый мощный в мире. Территорию Китая избороздили ультрасовременные автобаны и высокоскоростные железные дороги по которым поезда движутся в полтора

раза быстрые чем в России. Китай давно уже стал крупнейшим потребителем автомобилей. По данным Государственного статистического управления КНР общие инвестиции Китая в НИОКР с 2016 по 2017 год увеличились на 11,6% и составляют \$280 млрд – 2,12% от общего ВВП страны. В сфере научных разработок в Китае занято свыше 5,5 млн человек. Сейчас особые усилия предпринимаются для того чтобы занять лидирующие позиции в области создания технологий искусственного интеллекта.

Средняя продолжительность жизни превысила 76 лет, а в Пекине и Шанхае она и того больше. Бурный рост китайской экономики основан на высокой доле инвестиций в ВВП – свыше 40%. А они опираются на высокую норму сбережений, достигающих почти половины ВВП. Китай стал главным двигателем мировой экономики, единственным в мире государством не испытывающим кризисов, а темпы его экономического роста наиболее высокие и в последние десятилетия составляли как правило от 8 до 10%. За указанные годы Китай вывел из бедности сотни миллионов человек и за ближайшие три года намерен полностью закрыть эту проблему, касающуюся пока еще 40 млн. Нищета исчезнет, а новое общество станет по выражению китайских руководителей «среднезажиточным», или «умеренно богатым». И хотя по душевому ВВП Китай все еще значительно отстает от развитых стран Европы и Америки, постоянное улучшение ситуации не вызывает сомнений.

Эпоха Мао Цзэдуна не однозначна

Предшествующая тому эпоха Мао Цзэдуна не была однозначной: не случайно утвердилась характеристика соотношения его достоинств и ошибок как 70 к 30. После прихода к власти в 1949 г. и образования КНР Мао Цзэдун исходил из невозможности «одним махом перескочить в социализм с развалин полуфеодального и полукOLONиального общества». Еще в 1940 году в сочинении «О новой демократии» он ратовал за объединение социализма и капитализма в едином историческом периоде, который и имел место в Китае, начиная с 1949 года. В условиях «новой демократии» предполагалось широкое и длительное использование рынка и капитализма.

Однако после смерти Сталина в марте 1953 года у Мао появилось желание встать во главе международного коммунистического движения и им был взят курс на ускоренные социалистические преобразования, означающие свертывание частной собственности. Они развернулись в годы первого пятилетнего плана (1953–1958). Началось то, что позже и получило наименование «маоизм».

Нельзя сказать, что при этом не было достигнуто каких-либо положительных результатов. Например, выпуск стали в стране с 1952 по 1957 год возрос с 1 млн тонн до 5,2 млн тонн, в то время как в соседней Индии он увеличился всего с 1,6 до 1,7 млн тонн. В период с 1954-го по 1957 гг. экономический рост составлял в среднем 12% в год. Но этого показалось мало. И в 1958 году стартовал так называемый «большой скачок». Были заданы сверхвысокие темпы роста и взят курс на создание «народных коммун». Скоропалительность привела к расстройству экономики. Дело усугубилось тем, что после разоблачения Хрущевым в 1956 г. «культы личности» и преступлений Сталина отношения между нашими странами резко ухудшились, и Москва прекратила экономическую помощь КНР и отозвала своих специалистов. Последовавшие стихийные бедствия еще больше ухудшили ситуацию и привели к голоду, унесшему десятки миллионов людей.

Недовольство вызвало обострение борьбы в высшем эшелоне КПК. Стремясь расправиться со своими политическими противниками Мао в 1966 году объявил «Великую пролетарскую культурную революцию». В Китае наступил период, напоминавший 1937 год в Советском Союзе.

Еще в разгар маоизма несколько представителей высшего эшелона лидеров КПК высказывались за необходимость «сохранения некоторых хвостов капитализма». В 1957 году второй человек в государстве Лю Шаоци, например, говорил: «Что лучше: автомобиль или рикша? Несомненно, автомобиль. Однако в Пекине имеется ещё много маленьких переулков, в которые не может проехать автомобиль, но может проехать рикша. Уровень развития нашей страны невысок, социалистическая экономика не всегда может удовлетворить требования масс, поэтому необходимо дополнить ее свободным рынком, частным хозяйством».

В 1961 году, будучи тогда генеральным секретарем ЦК КПК, Дэн Сяопин, пытаясь внедрить материальную заинтересованность в де-

ревне, где проживало и трудилось подавляющее большинство китайского населения, но, не желая вступать в открытую полемику с председателем Мао Цзэдуном и поступаться идеологическими принципами, изрек ставшие крылатыми слова: «Не важно, какого цвета кошка, белая или черная, лишь бы она хорошо ловила мышей. Не важно, социализм или капитализм, главное, чтобы производство развивалось, а люди жили хорошо».

Позже, во времена «культурной революции», оба «ренегата» сурово поплатились за эти и прочие вольности. Мао Цзэдун бросил клич: «Огонь по штабам!». Лю Шаоци обвинили в «контрреволюционной деятельности», исключили из партии и сместили со всех государственных постов. В печати говорилось, что он заслуживает смертного приговора. По подстрекательству жены Мао – Цзянь Цин – собственная дочь Лю Шаоци была вынуждена возглавить кампанию по низложению отца. Впоследствии Лю Шаоци бесследно исчез, а его жену буквально растерзали и выбросили из окна.

Во время проходивших по всей стране митингов раздавались призывы расправиться и с «автором буржуазной теории о белых и черных кошках». А один из боевых девизов тех дней гласил: «Нужно покончить с Дэн Сяопином, с этой змеей, плюющей капиталистическим ядом». Хунвейбины схватили его сына Дэн Пуфана, пытали, а затем скинули из окна третьего этажа, в результате чего он переломал позвоночник и стал инвалидом. Сам же Дэн Сяопин провел под арестом два года, а потом был отправлен на «перевоспитание физическим трудом» в глухомань, где слесарничал на тракторном заводе.

Характер реформ Дэн Сяопина

Дэн Сяопин вновь приходит к власти после смерти Мао Цзэдуна (9 сентября 1976) и разгрома «банды четырех», куда входила и вдова вождя Цзянь Цин. Теперь он вводит в оборот формулу «социализм с китайской спецификой», предполагающую возможность использовать не только социалистические принципы, но также частную собственность и капиталистические элементы хозяйствования. В результате проводимой под его руководством реформ, намеченных указанным выше пленумом в декабре 1978 года, в стране развился

весьма успешный и эффективный симбиоз различных экономических укладов при политическом руководстве КПК.

В Китае говорят: «Суждения выносятся лишь после того, как закрылась крышка гроба». Дэн Сяопин умер в 1997 г. в возрасте 93 лет. Хорошо знавший и многократно общавшийся с ним бывший госсекретарь США Генри Киссинджер так охарактеризовал его жизненный путь: «Редко встречается такой политический деятель, как Дэн Сяопин, которому удается достигнуть всех целей, поставленных на годы вперед. Это один из самых великих людей XX века». На XV съезде КПК (1997) Дэн Сяопин был назван «Марксом современного Китая». Характеристика, надо сказать, завышенная, так как Дэн был лишь великим практиком, но не теоретиком.

В реформах Дэн Сяопина заметна их неторопливость. Он всегда следовал принципу: переходить реку, нащупывая камни. Методом выгодной Западу «шоковой терапии» (как это происходило у нас) была противопоставлена «китайская гомеопатия». Он начинал не с ломки политической системы, а с повышения эффективности экономики. И знал, что для верного курса корабля нужны не только паруса частного предпринимательства, но и штурвал государственного регулирования.

Плановое хозяйство не рушилось, а становилось более эффективным. Им понималось и то, что начинать надо не с города, а села, чтобы как можно скорее накормить и одеть народ, потеснить бедность, минимизировать социальную цену реформ, дать миллионам людей на себе ощутить конкретную пользу от них. Осознавалось, что не следует форсировать приватизацию госпредприятий, особенно естественных монополий, что нельзя допустить расхищения национального достояния, созданного коллективным трудом народа, а также природных богатств страны.

Таким образом, экономические реформы в Китае начались с твердой, но не поспешной приватизации сельского хозяйства, что заняло 6–8 лет. Если Ленин в России столкнулся с необходимостью перейти от продрозверстки к продналогу, то перед Дэном встала другая задача – приватизация загнанного в «народные коммуны» крестьянства, составлявшего 80% населения страны.

Какое-то время пресловутые коммуны продолжали формально существовать. Но вся земля была разделена между крестьянскими

дворами, которые сдавали государству по фиксированным ценам определенное количество тех или иных продуктов. Что же выращивать на своей земле сверх того и как распорядиться полученной продукцией, становилось уже их делом. И вдобавок, по своему усмотрению они могли заказывать и оплачивать (или не заказывать и не оплачивать) работу на своих участках тракторов, комбайнов и другой техники коммуны. При этом в разных провинциях огромной страны применялись свои формы организации отношений между крестьянами и коммунами – главное, чтобы они были эффективными. В результате реформ в Китае производство сельскохозяйственной продукции резко увеличилось, что позволило решить продовольственную проблему, накормить, одеть, обуть огромное население страны (1,3 млрд человек). Располагая всего 7% мировой пашни, Китай кормит без малого 22% человечества (население Китая) и занимает лидирующие позиции по производству риса, пшеницы, мяса, молока, яиц, чая.

Затем решились «потрогать тигра за хвост» – взялись за реформу промышленности (1982–1990 гг.). Реформирование госсектора шло по принципу: «Держать крупное – отпускать мелкое». Государственная собственность не раздавалась налево и направо, а реорганизовалась на здоровых началах. Закрывались или продавались лишь убыточные предприятия, а рост национального капитала происходил в основном за счет образования новых предприятий и учреждений. Банковская сфера оставалась в руках государства и служила инструментом, направляющим модернизацию и инновационное развитие. Сегодня доля государства в ЖКХ, легкой промышленности, сельском хозяйстве и сфере торговли снизилась до 30%. Но в традиционных «естественных монополиях» и финансовом секторе государственное участие составляет минимум 80%. Еще выше его уровень – почти 100% – в телекоммуникациях и СМИ.

Осторожно привлекались и инвестиции из-за рубежа: вначале зарубежных китайцев – хуацяо, затем Запада, с сохранением рычагов контроля за их использованием в руках КНР. Для этого вдоль морского побережья создавались специальные экономические зоны с льготным режимом для инвесторов. Иностранные предприятия создавали не только дополнительные рабочие места, но и повышали общий технологический уровень производства в стране. В целом же

Китай проводил реформы, руководствуясь принципом «опоры на собственные силы», избегая в своей макроэкономической политике диктата МВФ и Мирового банка, не возлагая все надежды на «невидимую руку» рынка.

Происходили и заметные идеологические сдвиги. Дэн говорил: «Бедность – не социализм. Мы бедны, поэтому социализма у нас нет. Экономическое развитие выше классовой борьбы». При этом до конца жизни Дэн не допускал мысли о капиталистическом перерождении страны. Его главной идеей являлась «социалистическая модернизация Китая». Он верил, что только социализм может спасти Китай и сделать его великой державой. И когда судьба намеченных им преобразований ставилась под угрозу, он проявлял твердость и негибкую волю. Трагедия, разыгравшаяся на площади Тяньаньмэнь (июнь 1989), свидетельствует, что его уступки капитализму всегда знали разумный предел.

Тогда казалось, что рыночная экономика и монополия коммунистов на власть в дальнейшем существовать не смогут: или сворачивание реформ, или демократизация общественной жизни. Но это оказалось не так. С тех пор прошло уже больше трех десятилетий. А Китай и дальше развивается, широко используя рыночные механизмы под руководством КПК, создающей «гармоничное общество». «Преобразования Дэна – это попытка объединить прямо противоположное: государственную и частную собственность, Госплан и рыночную экономику, политическую диктатуру и культурную свободу. В целом это попытка объединить западный мир с марксистским, капитализм и социализм», – замечал американский исследователь Эван Солсбери.

И еще: Дэн Сяопин не стал чернить своего предшественника, а подчеркивал тот факт, что под его руководством Китай превратился из отсталой, полуфеодальной, полукOLONиальной страны в одну из ведущих мировых держав, хотя методы «культурной революции» признавал ошибочными: «Бремя ошибок Мао Цзэдуна меньше, чем его положительный вклад».

Дэн Сяопин пользовался таким авторитетом, что руководил китайской «перестройкой», не занимая высших должностей, и видимо передал своим преемникам дух преданности коренным интересам своего народа.

Стал ли Китай капиталистическим?

В книге «Как Китай стал капиталистическим» нобелевской лауреат по экономике Рональд Коуз детально описывает произошедшие там рыночные преобразования и заявляет о перерождении социализма в капитализм. Так ли это?

Факт наличия в Китае несоциалистических отношений и укладов не вызывает сомнений. Но подвергся ли социализм ликвидации? Коуз об этом умалчивает и лишь замечает, что в Китае сформировался «капитализм с китайской спецификой». Под эту «специфику», например, подпадает то, что значительная часть предприятий, прежде всего банки, естественные монополии и предприятия, добывающие сырье, находится в общественной собственности. В Китае с самого начала реформ постановили, что основные средства производства и государственный сектор должны сохранять свою доминирующую роль в экономике, являясь опорой политического строя. Коуз совсем не говорит и о такой «специфике» как сохранение в китайской экономике централизованного планирования (ныне идет 13-я пятилетка), хотя это есть важнейший конститутивный признак социализма, что он сам и признает: «Главное различие между капитализмом и социализмом состоит в том, что при капитализме существует рыночный механизм ценообразования, а при социализме его заменяет централизованное планирование».

Включив рыночное регулирование Китай не отказался от централизованного планирования и не утратил контроль над производством, а тем самым сохранил социализм. Китайцы называют сложившуюся у них систему «двухколейной», предполагающей комбинацию плана и рынка, социализма и капитализма. То, что все преобразования проходили под руководством КПК, говорит в пользу того, что это реализовывалось вполне сознательно и диктовалось нахождением оптимальной формы экономических отношений, обеспечивающих не только экономический рост, развитие производительных сил, но и решение социальных вопросов.

Суждения Коуза о перерождении китайского социализма в капитализм разделяют не только идеологи Запада, но и многие коммунисты, правда, они, в отличие от американца, этот тренд не приветствуют, а критикуют. Так, орган марксистско-ленинской партии Эква-

дора газета «En Marcha» в феврале текущего года писала: «К «рыночным силам» китайская экономика начала поворачиваться в 1980-е годы, а в 90-е, с приватизацией госкомпаний, процесс скатывания страны в откровенный капитализм ещё более усилился. В Китае установился государственно-монополистический капитализм... Дэн Сяопин возглавил процесс реформ. Известный своим прагматизмом (реакционная буржуазная идеология), он придумал тезис: «Одна страна – две системы», из которого прямо вытекала политика развития в стране отдельных капиталистических анклавов. Со временем эти капиталистические формы производства и эксплуатации расширились на всю территорию страны.

Дэн Сяопин также выдвинул идею «социализма с китайской спецификой», которой прикрывалось проведение реставрационной политико-экономической программы, далекой от марксистско-ленинских принципов научного коммунизма. Ревизионисты и правые в КПК, работая над укреплением в стране капитализма, внешне придерживались коммунистической риторики, оправдывая все свои действия «китайской спецификой». Факт благотворности сочетания социализма и капитализма в Китае такими критиками с левого фланга, как видно, не принимается. Для них самым важным является соблюдение «чистоты» марксизма-ленинизма.

Некоторые аналитики приравнивают китайские реформы к ленинскому НЭП. На наш взгляд, в них с ним немало общего, но есть и различия. В Китае симбиоз не считается краткосрочным и вынужденным отступлением к капитализму, а длительным рассчитанным на многие десятилетия, а может и столетия состоянием. В Китае реформы мыслились как использование капитализма для строительства социализма, никогда и не забывают. Частные и капиталистические формы собственности представляются органическими атрибутами «китайского социализма», что расходится с традиционным пониманием социализма. Вместе с тем, Китай подобно НЭПу, в отличие от нынешней России, провел рыночные преобразования при доминировании государственных интересов. Банки контролируются государством, внешняя торговля – под контролем государства, аналогично обстоит дело с энергетикой и связью. Государство регулирует и земельные отношения. Если из России ежегодно уходят миллиарды долларов, то в Китай они, напротив, идут.

Не наталкивают ли успехи Китая на мысль о необходимости поменять представление о социализме или внести коррективы в формационную концепцию? Так вопрос почему-то не ставится и получается, что если дело не укладывается в привычную схему, то тем хуже для дела. Но наука в таком случае не развивается, как, впрочем, и марксистское учение.

Миллиардеры и коммунисты

Политэкономическая картина китайского общества представляет собой пеструю мозаику, состоящую в первую очередь из уживающихся между собой производственных отношений социализма и капитализма. Здесь действует и закон планомерного, пропорционального развития, реализуемый в форме макроэкономического регулирования – долгосрочной стратегии развития, пятилеток и краткосрочных планов. Но в Китае одновременно с этим функционируют и многие закономерности капитализма, в том числе законы распределения по капиталу, накопления капитала, его концентрации и централизации.

Одним из выражений последних является социальное расслоение китайского общества, наличие пропасти между его бедными и богатыми слоями. Децильный коэффициент (разница между доходами 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан страны) в Китае составляет 21,6%. Число миллионеров и миллиардеров систематически растет. Первых насчитывается более 3,5 миллионов, вторых около 400. Это вызывает недовольство народа прежде привыкшего к системе уравнительного распределения и не утратившего мнение, что «неравенство хуже бедности».

Китайских миллиардеров в стране называют «да куань» (большие деньги). Они не похожи на наших олигархов, получивших общенародную собственность практически задарма и по распределению. Большинство китайских миллиардеров – изобретатели и новаторы в тех или иных отраслях. Большинство из них так или иначе участвовало в модернизации бывшего аграрного континента.

Наиболее известным из них стал Джек Ма (настоящее имя Ма Юнь) – основатель и председатель совета директоров корпорации

«Алибаба». Его состояние \$38,6 млрд. Рынок интернет-торговли в Китае постоянно растет, что приносит ему все новые дивиденды.

Джек Ма родился в 1964 году в бедной семье в городе Ханчжоу на юго-востоке страны. Желая освоить английский он каждое утро подъезжал на велосипеде к отелю, где жили американцы, и предлагал себя в качестве бесплатного гида на экскурсиях по своему родному городу. За несколько месяцев Ма Юнь, прозванный Джеком, напрактиковался в английском и поступил в местный университет, после окончания которого работал преподавателем английского языка, получая в юанях зарплату, эквивалентную \$15 в месяц.

Торговый и экспортный бум в КНР начала 1990-х позволил ему открыть собственное бюро переводов. В 1995 году он впервые попал в США и узнал о существовании интернета. Вернувшись в Китай Джек Ма основал китайский аналог «Жёлтых страниц». Но первая китайская интернет-компания оказалась никому не нужна. Ма устроился на работу в министерство зарубежной торговли.

В 1999 году он как-то собрал друзей и убедил их вложить деньги в проект онлайн-торговой площадки. Согласно корпоративной легенде название Ма придумал сидя в кофейне. В известной арабской сказке «Алибаба и сорок разбойников» волшебное слово «Сим-Сим» открывало вход в пещеру с сокровищами. Свою фирму Ма позиционирует как средство для малого и среднего бизнеса найти своих покупателей и заказчиков. В 2000-м было привлечено \$25 млн, а через год компания вышла на точку безубыточности.

Через некоторое время «Алибаба» бросила вызов китайскому филиалу eBay («иБэй»), в который американцы вложили \$150 млн. Джек Ма торпедировал своих конкурентов, используя новый интернет-аукцион «Таобао». В 2006 году американцы были вынуждены уйти с китайского рынка. Развитие сети онлайн-магазинов «Таобао» в сельской местности вовлек безработных граждан в экономическую жизнь и увеличил их доходы. Сейчас в 21 тысяче деревень работают производства «Алибаба», в результате чего создано 1,3 миллиона рабочих мест. «Деревни Таобао» производят товары карнавальные костюмы, велосипеды и другие товары для онлайн-торговли «Алибаба». Сама корпорация предлагает собственные программы развития для сельских районов, а также занимается микрофинансированием малого бизнеса. Государство помогает «деревням Таобао»,

проводя сотни километров ЛЭП, качественных дорог и интернет-кабелей.

В сфере Интернета сколотил состояние в \$39,5 млрд и Ма Хуатон. За 2017 года его состояние выросло на \$15 млрд. Корпорация «Тенсент холдинг» вобрала в себя большинство лучших интернет-проектов Запада – «Фейсбук», «Твиттер», «Скайп», «Гугл».

Ма Хуатон родился в октябре 1971 года в южной провинции Гуандун, окончил Шэньчженский университет по специальности «компьютерная техника» и через пять лет вместе с приятелями открыл собственную компанию. В 2010 году «Тенсент» была уже самой дорогой китайской интернет-компанией, её капитализация превышала \$30 млрд и она занимала третье место в мире после «Гугл» и «Амазон». В 2012 году количество активных пользователей программ фирмы достигло 784 млн.

Ма Хуатэн активно инвестирует капитал и в зарубежные активы. Мультимиллиардер несколько лет исполняет обязанности депутата ВСНП (Всеитайский совет народных представителей) и внес немало предложений по развитию «цифрового Китая».

Но самым богатым человеком Китая теперь является Хуэй Ка Янь (\$42,1 млрд). Он родился в 1958 году в расположенной в центре страны провинции Хэнань. Свои капиталы заработал удачными инвестициями в недвижимость. Является председателем и крупнейшим акционером «Чайна Эверград Групп», занимающейся управлением отелями, недвижимостью, спортивными аренами. Компания уже реализовала более 800 проектов в 280 городах Китая. Хуэй Ка Янь занимает пост советника ряда правительственных комитетов и выполняет немало госзаказов. Он внес более миллиарда долларов на благотворительность и борьбу с нищетой.

В китайском политическом лексиконе нет понятия «олигарх». Власти устанавливают правила игры и следят за их исполнением. И если нормы не соблюдаются, следует строгое наказание. К ним (в том числе и высшей мере) привлекаются и чиновники высокого ранга. За годы реформ к уголовной ответственности было привлечено свыше миллиона сотрудников партийно-государственного аппарата. А в последнее время все чаще стали привлекаться и бизнесмены, замешанные во взяточничестве и коррупции. Желание части китайских миллиардеров заставит коммунистические верхи плясать под их дудку

видимо возникают, но они обречены на неудачу, так как пресекаются самыми решительными методами.

Бедность отступает, средний класс растет

По данным ООН 2,2 миллиарда людей на Земле живут в условиях нищеты, а 12% человечества регулярно голодает. Из всех стран мира успешнее всего с проблемой нищеты справляется Китай. В 1978 году в соответствии с европейскими критериями за чертой бедности там находилось почти половина жителей страны, т.е., около полу-миллиарда, в 2005 году это число упало до 207 млн человек, а в настоящее время сократилось до 50 млн. Ежегодно на борьбу с бедностью выделяется от \$7 до \$10 млрд и каждый год из-за черты бедности выводится более 10 миллионов жителей страны. С 1978 года базовый оклад китайских рабочих в среднем удваивался за каждые пять лет. Государство увеличивает и объемы инвестиций в сферы социального страхования и здравоохранения. Правда, значительная часть населения, особенно сельского, еще не охвачена пенсионной системой и молодым приходится помогать старикам. Но в городе ею пользуется свыше 250 млн человек, системой страхования по безработице – свыше 140 млн человек (при увольнении с работы можно до двух лет получать деньги – небольшие, но жить на них можно). В деревнях также имеются те или иные «социальные обеспечения»: бедным семьям доплачивают из местных бюджетов. В ближайшее время число обладателей карточек социального обеспечения должно достичь 800 млн человек. В итоге бедность непрестанно отступает.

По мнению большинства китайских специалистов к категории среднего класса следует относить примерно 20–25% всего населения, т.е., 270–335 млн человек – тех, чей годовой доход составляет от 12 до 100 тыс. долл. Между тем еще в 2004 году к среднему классу принадлежало лишь 12% населения страны. А с начала 2000-х годов доля среднего класса в КНР выросла более чем вдвое. Следует учитывать, что в Китае покупательная способность доллара в несколько раз выше, чем в Европе и США. В состав среднего класса Китая входят чиновники, владельцы малого и среднего бизнеса, высококвалифицированные специалисты – инженеры и программисты.

Одновременно сокращается разрыв в доходах между городскими и сельскими жителями. Причем доходы на селе растут заметно быстрее, чем в городах. Несмотря на это деревенские жители Китая продолжают переселяться в города. По многим оценкам к 2020 году уровень урбанизации превысит 60%.

В основе роста среднего класса Китая – быстрое развитие экономики страны, ускорившее накопление общественного богатства, в результате чего и появилась группа с доходами высокого уровня. Другими факторами служат рост числа образованных людей и увеличение городского населения. Многие западные и китайские эксперты прогнозируют, что через 20–30 лет доля среднего класса в Китае достигнет 60%, а его численность – 800–900 млн человек. По абсолютному показателю средний класс Китай и сегодня уже стоит на первом месте в мире.

В последние годы в Китае заметно улучшаются и экологические условия. Во время прошлогоднего пребывания в стране доводилось видеть как в Пекине и многих других городах люди ходили с защитными от грязного воздуха повязками на лице. Теперь их почти не видно. С 1 января 2018 года вступил в силу «Проект реформирования системы возмещения экологического ущерба» и компании обложили солидными налогами, что помогло делу.

Интегральная модель

Китайская конвергентная, или интегральная модель признается рядом авторитетных российских исследователей. Как подмечает известный китаевед, доктор экономических наук, профессор Э.П. Пивоварова: «Фактически за годы реформ Китай создал конвергентную по своей сути «смешанную экономику», которую и называют «социализмом с китайской спецификой», ибо ни в классический, ни в «нэповский социализм» эта экономика не вписывается». Академик РАН С.Ю. Глазьев писал: «Пока наши реформаторы ломали народнохозяйственный комплекс, оправдывая свой авантюризм тем, что «нельзя быть немножко беременной», китайские реформаторы постепенно строили мост между социализмом и капитализмом, преодолевая пропасть даже не за «два прыжка», а за тысячу шагов».

Непреложные факты наводят на мысль о необходимости коррекции формационной теории Маркса. Вслед за капитализмом в современном утверждается не социализм (сохраняющий свои позиции ныне лишь в Северной Корее и на Кубе), а новое интегральное общество, впитывающее в себя достоинства социализма и капитализма. «Чистый» социализм показал и продолжает показывать свою неустойчивость и проблематичность ибо плановая система доведенная до своего логического конца приводит к отставанию от капитализма. Требуется сочетание общественной и частной собственности, плана и рынка, что предполагает наличие двух систем, причем пропорции между двумя регуляторами могут и должны меняться во времени, но ни один из них не должен целиком вытеснять другой. Об этом говорилось недавно (май 2018) и в докладе «Логика выбора экономического строя» профессора Юй Хунцзюня – одного из организаторов Второго всемирного конгресса по марксизму в Пекине.

Новое интегральное общество является реальностью в Китае, Вьетнаме и ряде других стран. Умелая комбинация социалистических и капиталистических начал приводит к решению четырех наиболее важных задач развития общества: высоким темпам экономического роста, социальной справедливости, развитию личности, или человеческого потенциала, повышению духовной свободы граждан.

Тезис о «вечности» или «естественности» капитализма, столь же далек от действительности, сколь мнение об «искусственности» или «рукотворности» социализма. Обладая рядом неоспоримых преимуществ, обе системы вполне «объективны» и имеют место в истории не случайно. Однако обе они в изоляции друг от друга внутренне противоречивы, неустойчивы и требуют взаимодействия и поддержки, что на практике и произошло в Китае.

Этот вывод и факт особо важен для нашей страны, оказавшейся в системе координат бюрократическо-олигархического капитализма. Именно он должен служить ориентиром для коренной смены парадигмы общественного развития и оптимальной экономической политики. Такая коррекция формационной теории важна для построения верной экономической стратегии и выработки новой идеологии российского государства. Движение в этом направлении может обеспечить введение прогрессивного налога и внедрение планомерности в виде ее инструмента – планового хозяйства. В экономике

должны работать два регулятора и требуется к тому же находить оптимальный баланс между ними.

В человеческой природе социальные начала сосуществуют с эгоизмом. Адам Смит полагал, что с помощью последнего и «невидимой руки» рынка общество всегда будет двигаться к равновесию и идеальному состоянию. Немецкие классики и их последователи наоборот делали акцент на справедливости и социальных аспектах, ставили их во главу угла. История показывает, что нахождение баланса между двумя противоречивыми, но реальными сторонами природы человека отвечает задачам поиска оптимальной модели общежития.

Некоторое время назад два китайских художника написали громадное полотно с изображением 100 человек, наиболее повлиявших на китайское общество за всю его историю. Среди них лики Конфуция и многих других великих философов и мыслителей прошлого. Но на переднем плане за столом главным персонажем оказался Карл Маркс.

раздел 4

Новая индустриальная
экономика:
общество, государство,
человек

Смолин Олег Николаевич,

д.ф.н., академик РАО,

первый заместитель председателя Комитета

Государственной Думы СФ РФ по образованию и науке

**Экономия на человеке
как механизм торможения:
некоторые социоэкономические аспекты¹**

Аннотация. На примере анализа последствий социально-экономического курса, проводимого в России, показано, что ключом к развитию экономики и модернизации страны в XXI в. становится человеческий потенциал, способный превращаться в человеческий капитал, поэтому экономия на человеке вредна не только с социально-гуманитарной, но и с экономической точки зрения. Анализируется отечественная политика в области заработной платы и пенсионного обеспечения, хроническое недофинансирование социальной сферы, включая здравоохранение, образование и науку. Доказывается, что социальная сфера не может рассматриваться как «бремя государства», тормозящее развитие экономики, напротив, инвестиции в человеческий потенциал во многом определяют темпы и направленность экономического роста. Без таких инвестиций нельзя решить поставленную Президентом РФ задачу обеспечения прорывного развития страны.

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий капитал, доходы населения, пенсии, образование, наука

¹ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№2, 2018, с. 23–35).

Smolin Oleg,

*Doctor of Philosophy, Academician of the Russian Academy
of Education, First Deputy Chairman*

of the State Duma Committee on Education and Science

**Saving (Economy) on man as a brake mechanism:
some socioeconomic aspects¹**

Abstract. The article is devoted to the methodological problems of socioeconomics analyzing the consequences of the socioeconomic course pursued in Russia at the present time. The main feature of the author's approach and the main thesis of the article is that the key to the development of the economy and modernization of the country in the 21st century is human potential, which can be transformed into human capital. And, consequently, skimping on an individual is harmful not only from the socio-humanitarian, but also from the economic point of view. The article considers domestic policy on wages and pensions, including proposals for raising the retirement age, as well as chronic underfunding of the social sphere, including health care, education and science. The influence of these factors economic growth of the country is discussed. The author argues that the social sphere should not be perceived as a «state burden» which hinders the development of economy, but, on the contrary, it should be viewed as a sphere of investment in human potential, which largely determines the pace and direction of economic growth. Without such investments, it is impossible to solve the task set by the President of the Russian Federation to ensure the country's rapid development.

Keywords: human potential, human capital, incomes of the population, pensions, education, science

В России определяется курс обновленного правительства. Хотелось бы предостеречь его от прежних ошибок, имея в виду экономическую философию монетаризма, согласно которой главная задача финансового блока в правительстве – экономить деньги и складывать их в «кубышку», красиво именуемую Фондом национального благосостояния. При этом так называемая социалка рассматривает-

¹ The article was published in the journal «The Economic Renaissance of Russia» (No. 2, 2018, pp. 23–35).

ся как бремя государства, замедляющее темпы экономического развития.

Согласно одной из интерпретаций, в свое время Жорж Помпиду утверждал, что есть три способа разориться: самый быстрый – карты; самый приятный – женщины; самый надежный – высокие технологии. Насчет высоких технологий, разумеется, согласиться нельзя, зато можно добавить четвертый способ, самый вредный – экономия на человеке!

На наш взгляд, такая политика имела некоторые основания в XIX – начале XX в., в период экстенсивной индустриализации. В настоящее время наиболее серьезные экономисты признают: ключом к развитию экономики и модернизации страны становится человеческий потенциал, который способен превращаться в человеческий капитал. А это значит, что экономия на человеке становится вредной не только с социальных и гуманистических позиций, но и с точки зрения развития самой экономики. Попробуем доказать это методом «от противного». Вот лишь некоторые примеры из отечественной действительности.

Экономическая стагнация. На фоне увлечения политической элиты конспирологией, желания списать все на внешние факторы, Президент страны в Послании Федеральному собранию признал: «Именно отставание – вот главная угроза и вот наш враг» [4].

Действительно, по данным научного руководителя Института народнохозяйственного прогнозирования РАН В.В. Ивантера, в 2008–2013 гг. экономический рост в России составил 1,2%, а в последующие четыре года – (– 0,2%)¹. По другим расчетам, в 2008–2016 гг. экономика «росла» в среднем по 0,2% в год, т.е. на 1,7% за девять лет².

И это при среднем темпе роста мировой экономики в 3,8%!

По данным Всемирного банка, по уровню экономического развития Россия переместилась из второй группы в третью (доход от 17

¹ См.: выступление В.В. Ивантера на IV Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе (СПЭК–2018) «Форсайт “Россия”: новое индустриальное общество. Будущее». 2018 г. 2 апреля.

² Ремчуков К.В. // Радио «Эхо Москвы». 2017. 11 декабря.

до 25 тыс. долларов), где мы соседствуем с Румынией, Турцией, Чили, Уругваем и Экваториальной Гвинеей [1]. Напомню: ко второй группе Всемирный банк относит страны с доходом от 25 до 42 тыс. долларов на человека.

Как известно, федеральный бюджет на 2018–2020 гг. предусматривает рост на 2,1; 2,2 и 2,3% соответственно. Этот «рост» гарантирует нам нарастание отставания от мировой экономики. При этом независимые эксперты утверждают, что в реальности он ниже запланированного. В такой ситуации все разговоры о прорыве могут оказаться пропагандой.

Среди главных факторов развития рыночной экономики (к поклонникам которой автор отнести себя не может) – дешевый кредит и платежеспособный спрос. В постсоветской России, за редким исключением, не было первого, а с 2014 г. нет и второго. В такой ситуации призывы к бизнесу инвестировать в экономику оказываются гласом вопиющего в пустыне: зачем инвестировать, если некому покупать? Это доказывает: социальная политика – один из главных факторов экономического роста.

Низкая зарплата. Высокопоставленные экономисты и управленцы в России часто повторяют: мы живем не хуже, чем работаем. Однако это верно лишь отчасти: производительность труда в стране действительно низкая, но большинство россиян живут значительно хуже, чем работают. Зарплата подавляющей части населения России отстает от зарплаты не только в странах «первого мира», но и в странах с аналогичным уровнем производительности труда.

Правительство и Парламент гордятся тем, что с 1 мая 2018 г. приравняли минимальную заработную плату к прожиточному минимуму за второй квартал предыдущего года – 11163 рублей, который рассчитан по нормам ООН для развивающихся стран Азии и Африки. Добавим, что с этой минимальной зарплатой работник уплачивает 13%-й налог и потому прожиточного минимума он не получает. Приведем некоторые данные Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) о соотношении минимального размера оплаты труда в России и некоторых государствах «Большой двадцатки»: Германия – 1400 евро (106 370 р.); Франция – 1100 евро (83 580 р.); Китай – 500 долл. (31 700 р.); Турция – 460 долл. (29 160 р.); ЮАР – 180 долл. (11

400 р.); Россия – 176 долл. (11 163 р.); Бразилия – 170 долл. (10 780 р.); Индия – 64 долл. (4060 р.).

Как видим, после необыкновенного повышения минимальная зарплата в России составляет примерно 176 долларов, что втрое больше, чем в Индии; чуть больше, чем в Бразилии; однако почти в три раза меньше, чем в Китае, и в 2,5 раза меньше, чем в Турции. Причина очевидна: более высокая степень эксплуатации. Доля зарплаты работника в созданном им продукте в России – 25–30%, а в социальных государствах Европы – 55–60%.

Социальные последствия также очевидны: крайне низкий уровень жизни и, как заметила заместитель Председателя Правительства РФ О.Ю. Голодец, уникальная российская бедность, т.е. бедность работающих¹.

Менее очевидны экономические последствия, в частности, низкая и медленно растущая производительность труда. Когда бизнес получает дешевую рабочую силу, у него нет стимулов внедрять новейшие технические достижения.

Низкие пенсии. Пенсии в России также значительно ниже, чем в странах с аналогичным уровнем производительности труда. Приведем данные о размере средней пенсии в некоторых странах мира в 2018 г. (в долларах): Швейцария – 3400; Япония – 2850; Германия – 2650; Норвегия – 2340; США – 2150; Греция – 930; Чехия – 570; Польша – 510; Эстония – 440; Россия – 235; Казахстан – 160; Беларусь – 160; Азербайджан – 120; Украина – 100; Грузия – 90; Кыргызстан – 60; Таджикистан – 50.

Самая очевидная причина низких пенсий в России – низкая зарплата. Пенсионный фонд, как известно, формируется путем начислений на заработную плату.

Кстати, и коэффициент замещения в России (33–34%) явно ниже минимального размера в 40%, установленного Конвенцией Международной организации труда № 102.

¹ Заместитель Председателя Правительства РФ О.Ю. Голодец на конференции «Неделя российского бизнеса». 14 марта 2017 г. URL: <https://ria.ru/society/20170314/1489974515.html> (Дата обращения: 25.03.2018).

Социальный результат – все та же бедность. Экономический результат – все тот же низкий платежеспособный спрос, который тормозит развитие отечественного производства и рост экономики.

Отказ от индексации пенсий работающим. Пенсии работающим не индексируются с 2016 г., в результате работающий пенсионер получает примерно на 22,5% меньше, чем неработающий: ему не доплатили 12,7% в 2016 г., 5,8% – в 2017 г. и 4% – в 2018 г. С учетом сложных процентов пенсия работающего ниже на 24%.

Среднемесячные потери, например инвалида первой группы при среднем размере пенсии данной категории граждан, считая от среднего размера пенсии в предыдущем году, выглядят следующим образом: 2016 г. – 1766 рублей; 2017 г. – 888 рублей; 2018 г. – 835 рублей; итого – 3490 рублей.

Последствия предсказуемы: часть пенсионеров уволилась, а гораздо большая часть ушла «в тень». По данным Росстата, на 1 января 2016 г. в стране было 15 259 000 работающих пенсионеров, а на 1 января 2017 г. – 9 883 000, т.е. на 5 376 000 меньше. Умножив разницу на средний размер пенсии в 2016 г., легко рассчитать потери: около 425 млрд рублей при экономии Пенсионного фонда около 300 млрд рублей. На наш запрос была получена справка из Пенсионного фонда, в которой наши расчеты, основанные на официальных данных Росстата, подвергались критике. По мнению руководства Пенсионного фонда, следует считать количество работающих пенсионеров не на 1 января каждого года, а на 1 октября, когда решается вопрос об индексации пенсий в следующем году. Согласно новым данным Росстата¹, на октябрь 2015 г. в стране насчитывалось 3,417 млн работающих пенсионеров, а на октябрь 2017 г. – 3,281 млн. Сокращение – менее 140 тысяч за два года. При этом данные на 1 января каждого года, на которых основывалось финансово-экономическое обоснование к нашему законопроекту «О внесении изменений в Федеральный закон «О страховых пенсиях», с официального сайта Росстата исчезли.

¹ См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/

В итоге динамика численности работающих пенсионеров выглядит следующим образом: 1.10.2015 – 3 417 000 человек; 1.01.2016 – 15 259 000 человек; 1.10.2016 – данные отсутствуют; 1.01.2017 – 9 883 000 человек; 1.10.2017 – 3 281 000 человек¹.

Процитирую в полном объеме справку Пенсионного фонда: «Численность работающих пенсионеров, осуществлявших работу в течение определенного времени, в 2015 г. составила 15,3 млн человек. В то же время Федеральный закон от 29 декабря 2015 года № 385-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий» сузил круг пенсионеров, признающихся работающими, и установил, что индексации не подлежат страховые пенсии получателей, осуществляющих работу по состоянию на 30 сентября, а не в течение года.

В результате численность работающих пенсионеров, пенсии которым не были проиндексированы, с 1 февраля 2016 г. составила 9,9 млн человек, что позволило сэкономить средства бюджета ПФР в сумме 51,5 млрд рублей.

В течение 2016 г. численность работающих пенсионеров сократилась, из них более 500 тыс. пенсионеров в целях индексации страховой пенсии оставили работу, а затем возобновили ее.

1 млн пенсионеров за 2016 г. уволились, в результате потери бюджета ПФР от непоступления страховых взносов на обязательное пенсионное страхование за 2016 г. составили около 29 млрд рублей.

С 1 февраля 2017 г. пенсии не были проиндексированы 9,8 млн пенсионеров; с учетом того, что большинству из них пенсии не ин-

¹ Интересно, что на сайте Росстата есть и другие данные о численности рабочей силы в возрасте старше трудоспособного (женщины – 55–72 лет, мужчины – 60–72 лет) без учета ищущих работу (безработных): 2012 г. – 6 267 800; 2013 г. – 6 360 300; 2014 г. – 6 500 400; 2015 г. – 6 891 800; 2016 г. – 7 018 100; 2017 г. – 7 071 200. См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/ru/statistics/population/generation/#>

дексировались в 2016–2017 гг., экономия средств бюджета ПФР оценивается в сумме 124,9 млрд рублей, а сокращение поступления страховых взносов на обязательное пенсионное страхование – в сумме около 27 млрд рублей.

В 2018 г. экономия средств бюджета ПФР от неиндексации пенсии работающим пенсионерам, являющимся получателями страховой пенсии, составит 202,8 млрд рублей». Очевидно: пенсионеры увольняются с работы перед 1 октября, чтобы получить индексацию пенсий как неработающие, и вновь трудоустраиваются с 1 января следующего года. Меняя закон, правительство и Государственная Дума пытались обмануть работающих пенсионеров, однако, похоже, вместе с ними обманули и продолжают обманывать и самих себя.

О социальных последствиях такой пенсионной политики на XVI съезде «Единой России» 21 января 2017 г. говорил министр труда и социального развития М.А. Топилин: он прогнозировал снижение жизненного уровня российских пенсионеров в среднесрочной перспективе¹.

Экономические последствия, помимо снижения платежеспособного спроса, образуют потери: пенсионного фонда (24% от фонда оплаты труда); Фонда социального страхования (2,9%); Фонда обязательного медицинского страхования (5,1%); региональных бюджетов в виде поступлений от налога на доходы физических лиц (13% от фонда оплаты труда). Итого: 45% от фонда оплаты труда пенсионеров, которые после отказа от индексации пенсии либо прекратили трудовые отношения, либо ушли в «тень».

Насколько можно понять из справки Пенсионного фонда, в правительстве никто не считал:

а) в течение какого именно «определенного времени» в среднем за год работают почти 10 млн пенсионеров, которым отказано в индексации пенсии, и каковы были бы доходы Пенсионного фонда, если бы они работали постоянно?

б) каковы суммарные потери консолидированного бюджета страны и внебюджетных фондов в результате подобной политики?

¹ М.А. Топилин: реальный размер пенсий в ближайшие три года будет снижаться. URL: <https://ria.ru/society/20170121/1486201604.html> (Дата обращения: 21.03.2018).

При этом очевидно, что суммарные потери примерно вдвое превышают то, что теряет собственно Пенсионный фонд.

Слабым утешением служит ответ Д. А. Медведева на наш вопрос во время отчета Правительства в Государственной Думе 11 апреля 2018 г.: «Мы действительно платили или начисляли индексацию работающим пенсионерам. В какой-то момент мы вынуждены были от этого отказаться, ... только по экономическим причинам, просто потому, что у нас не хватало на это денег. ... К этому вопросу можно возвращаться, но при этом нужно помнить, что все-таки финансовое положение работающих пенсионеров и неработающих пенсионеров несколько разное. Но, подчеркиваю, этот вопрос не закрыт» [8]. Как видим, Председатель Правительства абсолютно убежден, что отказ от индексации пенсий работающим приводит к экономии, тогда как приведенные выше соображения и расчеты, скорее, показывают обратное.

Повышение пенсионного возраста. Очевидно, действующему составу депутатов Государственной Думы предстоит рассматривать такой законопроект, скорее всего, правительственный. Решение фактически уже принято. Как заявил Д. А. Медведев, «... при принятии решения о пенсионном возрасте... не должно быть резких, непродуманных и непросчитанных решений, но при этом государство, исполнительная власть должны все-таки ориентироваться на существующие реалии. Такого рода решения... уже назрели, значит, их нужно обсуждать и по ним нужно определяться» [8].

Антисоциальные последствия очевидны: по данным Всемирного банка¹, Россия – рекордсмен Европы по количеству мужчин, не доживающих до 65 лет, – 43% (в Исландии, Швейцарии – 10%; в Швеции, Италии, Нидерландах, Мальте, Норвегии – 11%; в Литве – 36%; в Молдове – 37%; на Украине, в Белоруссии – 40%). Очевидно, что с повышением пенсионного возраста мужчин до 65 лет смертность в возрастной группе 60–65 лет увеличится по нескольким причинам: дополнительные физические нагрузки, связанные с принудительным

¹ Исследование показало, сколько мужчин в России доживают до 65 лет. URL: <https://ria.ru/society/20171006/1506300652.html>. (Дата обращения: 28.05.2018).

продолжением работы при ухудшающемся состоянии здоровья; стрессы, связанные с более высоким уровнем безработицы и др.

Согласно ст. 2 Конституции РФ, «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». О том, насколько пенсионная политика, приводящая к снижению продолжительности жизни значительной части граждан, соответствует этой норме, у разных юристов могут быть различные мнения. Однако, как представляется автору, основания для обращения в Конституционный суд по этому поводу существуют.

По данным ректора Финансового университета при Правительстве РФ М. А. Эскиндарова, в настоящее время до официального пенсионного возраста не доживают около 10% женщин и 30% мужчин (55 и 60 лет соответственно) [2].

К экономическим последствиям повышения пенсионного возраста, судя по всему, не просчитанным финансово-экономическим блоком в правительстве, относится увеличение расходов на пособия по безработице – в связи с очевидным ее увеличением; на лечение и выплаты по временной нетрудоспособности (больничным листам) для тех, кто будет продолжать работать – в связи с очевидным ростом заболеваемости с возрастом; на строительство детских яслей и садов, поскольку молодые пенсионерки, как это происходит в настоящее время, ухаживать за детьми не смогут. И т.д., и т.п. Но и это не все. Повышение пенсионного возраста породит массу дешевой рабочей силы. Предпринимателям будет проще нанимать ее «за копейки», чем тратиться на техническое перевооружение. И это очередной механизм торможения модернизации.

Обратимся еще раз к главному аргументу сторонников повышения пенсионного возраста в стране: «... люди в нашей стране меняются, и несмотря на цифры, которые Вы сейчас привели, все-таки невозможно не отметить, что в настоящий момент у нас уже принципиально другая продолжительность жизни.

И если говорить о моменте установления пенсионного возраста, то это произошло в 30–е годы. ... Средняя продолжительность жизни в середине 1930-х гг. была 39–41 год. Ну и можно посчитать, ... как это соотносилось с пенсионным возрастом» [8].

Эта аргументация примечательна в трех отношениях.

Во-первых, введение пенсий Советским Союзом в числе первых государств мира было выдающимся достижением нашей страны.

Однако думать, что спустя 80 лет соотношение между пенсионным возрастом и средней продолжительностью жизни должно быть таким же, как в 1930-х гг., мягко говоря, странно. С тех пор социальные стандарты в передовых странах сильно изменились, в том числе и под влиянием советского опыта.

Во-вторых, несмотря на рост средней продолжительности жизни в России в последние годы, так называемые сроки дожития, т.е. разница между средней продолжительностью жизни и пенсионным возрастом, при сравнении с социальными государствами Европы и Азии все еще не в нашу пользу (табл. 1)¹.

Наконец, в-третьих, экономические последствия повышения пенсионного возраста, о которых речь шла выше, явно остались не просчитанными. Точнее, просчитан только один аспект: соотношение работающих и пенсионеров и дефицит Пенсионного фонда. О системном подходе говорить не приходится. Статистическое понятие демографической нагрузки (соотношение числа граждан трудоспособного и нетрудоспособных возраста) подменяется соотношением количества работающих и пенсионеров. При правильном расчете демографической нагрузки легко убедиться, что в настоящее время она меньше, чем была в 1970 г. Тогда количество неработающих (включая детей и пенсионеров) составляло примерно 790 человек на одну тысячу работающих, а в настоящее время – 710²!

Таблица 1. Средний возраст дожития в некоторых странах

Страна	Возраст выхода на пенсию – женщины	Возраст выхода на пенсию – мужчины	Средний пенсионный возраст	Средняя продолжительность жизни	Средний возраст дожития
Франция	60	60	60	82,2	22,2
Англия	60	65	62,5	80,7	18,2

¹ Журнал «Пенсионный вестник». 2017. 6 июля. <http://pf-magazine.ru/articles/obshhaya-informacziya/vozrast-vykhoda-na-pensiyu-v-raznykh-stranakh-mira.html> и [6].

² Данные депутата Государственной Думы О. В. Шеина (фракция «Справедливая Россия»). См. стенограмму пленарного заседания Государственной Думы от 7 июня 2017 г.

Израиль	62	67	64,5	82,2	17,7
Испания	65	65	65	82,6	17,6
Канада	65	65	65	82	17
Германия	65	67	66	80,9	14,9
Норвегия	67	67	67	81,6	14,6
США	65	65	65	79,1	14,1
Беларусь	55	60	57,5	71,3	13,8
Япония	70	70	70	83,5	13,5
Россия	55	60	57,5	70,1	12,6
Грузия	60	65	62,5	74,9	12,4
Азербайджан	58	63	60,5	70,8	10,3
Казахстан	58	63	60,5	69,4	8,9

Пенсионный возраст и дискуссия о базовом доходе. В наиболее развитых в экономическом отношении странах новый виток технологической революции, связанный с внедрением многофункциональных роботов, породил дискуссию о так называемом базовом доходе, т.е. о возможности каждого гражданина, независимо от трудового вклада в создание ВВП, получать определенный уровень материального благосостояния. Для России с ее технологическим отставанием эта проблема пока не актуальна. И все же повышать пенсионный возраст, учитывая перспективу введения базового дохода для каждого гражданина, мягко говоря, странно. Убежден: прежде чем вводить так называемый базовый доход, следовало бы увеличить численность работников, которые развивают человеческий потенциал на платной основе (педагогов, медицинских работников, работников культуры и социальной защиты), а также оплачивать социальную работу по формированию и развитию человеческого потенциала, которая в традиционном и индустриальном обществах не оплачивалась, это считалось само собой разумеющимся.

Одним из главных направлений последней должна стать работа по уходу и воспитанию детей их родителями, усыновителями и иными законными представителями.

На наш взгляд, преимущества такой системы очевидны:

- при современном уровне сознания базовый доход может стимулировать часть трудоспособного населения к отказу от общественно полезного труда, тогда как оплата части социальной работы в рамках семейных ролей этот труд дополнительно стимулирует;

- уравнивание доходов вообще не работающих (в прежней советской терминологии – тунеядцев) с доходами людей, выполняющих социально полезные функции, будет восприниматься массовым сознанием как несправедливость;

- опыт СССР и других стран «реального социализма» показал, что чрезмерно высокий для данного состояния общественного сознания уровень социального равенства тормозит экономическое развитие, как тормозит его и чрезмерно высокий уровень социального неравенства, например, в современной России. Полагаю, на референдуме 5 июня 2016 г. швейцарцы приняли правильное решение, отказавшись от базового дохода, не связанного с общественно полезным трудом работника;

- если мы признаем, что именно развитие человеческого потенциала, способного превращаться в человеческий капитал, является ключом к экономическому развитию и модернизации современного общества, работа по развитию этого потенциала, в том числе в рамках семейных ролей, должна оплачиваться никак не ниже, чем труд в сфере материального производства. А саму социальную сферу следует рассматривать не как сферу услуг, но как важнейшую составляющую производства – воспроизводство самого человека.

Возвращаясь к проблеме пенсионного возраста, замечу: довольно странно заставлять людей работать дольше, чтобы в обозримой перспективе выплачивать базовый доход тем, кто не работает вообще!

Экономия на здравоохранении. Напомню: в рейтинге Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) 1978 г. советская медицина занимала 22-е место¹; в рейтингах ВОЗ 2000 и 2010 гг. – 130-е². Надеюсь, в рейтинге ВОЗ 2020 г. наша страна улучшит показатели, но в первую тридцатку не вернется наверняка.

¹ Информация общероссийской общественной организации «Лига защитников пациентов»: http://ligap.ru/news/news_5350.html

² «Ведомости». 2000. 22.06. (<http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2000/06/22/diagnoz-mirovomu-zdravoohraneniyu>), <http://www.brimz.ru/rejting-sistem-zdravoohraneniya-ot-voz.html> и других записях в [lovejournal](http://lovejournal.ru).

Добавлю: согласно опросу ФОМ, состоянием отечественной медицины озабочены 70% граждан [11]. Одна из причин – хроническое недофинансирование. В настоящее время на нужды здравоохранения в стране выделяется 4,1% от ВВП при норме ВОЗ, в 6%. Большинство развитых стран эту норму превышают¹: Швеция – 10,0%; Германия – 8,7%; Чехия – 6,3%; Молдова – 5,5%; Эстония – 5,0%; Судан – 3,6%; Сирия – 3,5%; Бангладеш – 3,4%.

И хотя, по данным академика В.А. Черешнева, медицина определяет здоровье нации лишь на 10...15%, экономия за ее счет оказывается не только антигуманной, но и разорительной. По экспертным оценкам, увеличение расходов на здравоохранение до положенного минимума в 6% от ВВП позволило бы значительно уменьшить потери от временной нетрудоспособности, включая выплаты по больничным листам, а также от ранней смертности, особенно среди мужчин. В итоге вырастет фонд оплаты труда, а вместе с ним и отчисления в Пенсионный фонд, причем настолько, что этого может оказаться достаточно для покрытия его триллионного дефицита без повышения пенсионного возраста²!

Экономия за счет экологии. Как известно, 2017 г. был объявлен в России годом экологии. Окончание этого года ознаменовалось не только практически полным отсутствием результатов, но и массовыми акциями протеста в Подмоскowie из-за отравления людей свалочным газом.

Напомню: первые попытки массового раздельного сбора мусора в СССР относятся ко второй половине 1980 гг. Однако уже на рубеже 1990-х гг. они были прекращены. В настоящее время власть вынуждена будет либо их возобновить, либо согласиться с превращением страны в свалку. Это еще один пример того, как так называемая вторая русская революция 1990-х гг. двинула страну не вперед, но назад. Между тем, опыт Швеции показывает, что на переработке мусора

¹ Данные депутата Государственной Думы А.В. Куриного (фракция КПРФ). См. стенограмму пленарного заседания Государственной Думы от 6 февраля 2018 г.

² Данные депутата Государственной Думы О.В. Шеина (фракция «Справедливая Россия»). См. стенограмму пленарного заседания Государственной Думы от 7 июня 2017 г.

можно сделать большой бизнес. Швеция не только перерабатывает практически весь свой мусор, но и закупает его у соседей. Закупала бы и у России, если бы мусор собирался отдельно. Впрочем, за 30 лет, прошедшие со времени окончания советского периода, российские компании при стимулировании со стороны государства могли бы делать это сами. Помимо вреда здоровью граждан и подрыва престижа власти, в данном случае мы также имеем механизм торможения: при отсутствии необходимых инвестиций приходится многократно увеличивать расходы на ликвидацию последствий.

Экономия на науке. В 1990-х гг. наука была едва ли не самой пострадавшей областью народного хозяйства. Расходы на нее сократились примерно в 20 раз. Затем некоторое время росли, однако в ближайшей перспективе планируется новое сокращение.

Согласно федеральным законам на соответствующие годы, в 2017 г. из федерального бюджета на гражданскую науку выделялось 439,4 млрд рублей, а на 2019 г. запланировано 324,4 млрд рублей, т.е. на 115 млрд рублей меньше [9]. При этом общеизвестно: наука – основа новых технологий, без которых невозможны ни промышленность, ни медицина, ни оборона.

Один из парадоксов современной России состоит в следующем: Президент требует обеспечить новый прорыв в экономике, а правительство вместе с большинством Государственной Думы и тем же Президентом, который подписывает федеральные законы о бюджете, планируют деградацию! В XXI в. в стране, остро нуждающейся в модернизации и обложенной международными санкциями, иначе оценивать сокращение расходов на науку нельзя.

Остановимся лишь на одной составляющей потерь от экономии на науке – на кадровых потерях. По данным экспертов РАН¹, количество высококвалифицированных работников науки за послесоветское время сократилось в 2,7 раза. При этом в 2013 г. за рубеж уехали 20 тысяч таких специалистов, а в 2016 г. – 44 тысячи! Напомню в этой связи известное высказывание Г.О. Грефа на Гайдаровском форуме

¹ В РАН заявили о возросшей в два раза за три года «утечке мозгов». URL: <https://www.rbc.ru/society/29/03/2018/5abcc9f59a7947e576977387>. (Дата обращения: 28.05.2018).

15 января 2016 г.: «Самый страшный наш экспорт и самый большой наш экспорт, который надо остановить, – это экспорт мозгов. Мы не считаем, сколько мы экспортируем в год, но это, я боюсь, по объему потерь самое большое количество того, чего мы экспортируем. Экспортируем безвозвратно, к сожалению»¹.

При этом вывоз капитала из России, по данным Global Financial Integrity (GFI), за 1994–2012 гг. составлял в среднем 70 млрд долларов в год². А с учетом предшествующих и последующих лет за весь послесоветский период вывезено не менее двух трлн долларов. Соответственно, по мнению Г.О. Грефа, потери от вывоза человеческого капитала этот показатель превышают. И это лишь часть цены, которую страна платит за стремление правительства сэкономить на человеке, включая науку.

Образование. Начнем со статистики. По данным Высшей школы экономики, если принять за 100% расходы на образование в 2006 г., то в 2012 г. они составили в реальном исчислении 180%, а в 2015 г. – 149%, т.е. на 30% меньше (табл. 2) [5, с. 72].

В 2016–2017 гг. сокращение реальных расходов на образование продолжалось, поскольку их номинальный рост был ниже официальной инфляции. В 2018 г. ситуация несколько улучшилась. Например, расходы на образование в федеральном бюджете увеличены с 595 до 663,63 млрд рублей, т.е. примерно на 11%. Однако при этом, по заявлению министра финансов А.Г. Силуанова, Минфин предполагает, что в 2019–2020 гг. дополнительные трансферты бюджетам регионов на исполнение майских указов Президента производиться не будут и субъектам РФ придется самостоятельно решать соответствующие проблемы.

¹ Греф: России нужно быстро бежать, чтобы не остаться в дауншифтерах. URL: <https://ria.ru/economy/20160115/1360222849.html>. (Дата обращения: 28.05.2018).

² Из России за 19 лет незаконно вывели более 1,3 трлн долларов. URL: <https://www.rbc.ru/finances/23/09/2015/560264189a7947501326fc58>. (Дата обращения: 13.04.2018).

Таблица 2. Расходы на образование в Российской Федерации
в постоянных ценах

год	Всего, Государственные		Расходы за счет внебюджетных источников,
	%	расходы, %	%
2010	144	161	94
2011	142	160	88
2012	159	180	95
2013	155	178	85
2014	141	162	78
2015	132	149	78

Несмотря на публичные призывы министров образования и науки Д.В. Ливанова и О.Ю. Васильевой остановить ликвидацию сельских школ, процесс продолжается. Статистические данные доказывают: количество школ в послесоветское время сократилось почти на 28 тысяч, причем в последние три года – почти на 2,5 тысячи. И это результат не отсутствия денег, а «оптимизации», т.е. все той же экономии на человеке.

Количество общеобразовательных школ в России составляло: 1990/1991 гг. – 69,7 тыс.; 1995/1996 гг. – 70,2 тыс.; 2000/2001 гг. – 68,1 тыс.; 2005/2006 гг. – 62,5; 2006/2007 гг. – 60,3 тыс.; 2007/2008 – 57,3 тыс.; 2008/2009 гг. – 55,1 тыс.; 2009/2010 гг. – 52,4 тыс.; 2010/2011 гг. – 50,1 тыс.; 2011/2012 гг. – 47,7 тыс.; 2012/2013 гг. – 46,2 тыс.; 2013/2014 гг. – 44,7 тыс.; 2014/2015 гг. – 44,1 тыс.; 2015/2016 гг. – 43,2 тыс.; 2016/2017 гг. – 41,8 тыс. В том числе количество сельских школ: 2005/2006 г. – 40,6 тыс.; 2015/2016 г. – 26,1 тыс.

Растет недовольство педагогов. Так, по данным опроса учителей средних школ, проведенного Высшей школой экономики (ВШЭ) и «Левада-центром», доля учителей, которым все нравится в их работе в 2016/17 учебном году упала до 22% (годом ранее было 42%), хотя в предыдущие три года росла. Доля недовольных зарплатой в тот же период увеличилась с 28 до 34% [3]. Однако, по данным аналитического обзора «Мониторинг эффективности школы. Чем привлекательна работа в школе – взгляд учителей», подготовленного Российской академией народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), ситуация еще хуже: по итогам 2017 г. почти 60% учителей в России не устраивает их заработная плата.

Согласно Распоряжению Правительства РФ от 23 октября 2015 г. № 2145-р «О программе «Содействие созданию в субъектах Российской Федерации (исходя из прогнозируемой потребности) новых мест в общеобразовательных организациях» на 2016–2025 гг., на создание новых учебных мест в 2018 г. должно быть выделено 250 млрд рублей. Однако Федеральным законом о федеральном бюджете на 2018 г. и плановый период 2019–2020 гг. предусмотрено в 10 раз меньше – 25 млрд рублей. При этом Распоряжение Правительства не отменено и не исправлено.

В экономической теории стало едва ли не общим местом утверждение, что именно образование является ключом к развитию человеческого потенциала в целом и его последующему превращению в человеческий капитал.

Российские политические лидеры регулярно цитируют высказывание нобелевского лауреата В. В. Леонтьева о том, что расходы на образование в долгосрочной перспективе являются самыми выгодными для государства инвестициями. Однако на реальной экономической политике это не сказывается.

Как известно, Президент страны поставил задачу обеспечить прорывное развитие России, в частности, выйти на среднемировые темпы экономического роста. Убежден: без изменения курса экономической и социальной политики, без прекращения экономии на человеке решение этой задачи будет провалено, а нарастающее отставание поставит под сомнение целостность и будущее государства.

Как минимум, необходимо концептуально поддержать предложения о так называемом бюджетном маневре, который предполагает некоторое увеличение вложений в человеческий потенциал, хотя многие конкретные направления этих вложений являются дискуссионными.

Вспоминая и перефразируя Д.И. Менделеева, берусь утверждать: в XXI в. экономить на человеке – хуже, чем топить ассигнациями!

Список литературы

1. Башкатова А. Россию поставили рядом с Экваториальной Гвинеей и Румынией / А. Башкатова // Независимая газета. 2018. 4 апреля.

2. Возраст несогласия. «Деловой завтрак» с Михаилом Эскиндаровым // Российская газета. 2015. № 6808 (237). 20 октября.

3. Ломская Т. Учителя разочаровались в указах Путина / Т. Ломская // Ведомости. 8 августа 2017 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/08/08/728387-uchitelya-razocharovalis-putina>. (Дата обращения: 28.05.2018)

4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ. 1 марта 2018 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>. (Дата обращения: 9.04.2018)

5. Расходы на образование в Российской Федерации в постоянных ценах. Индикаторы образования: 2017: стат. сб. / Высшая школа экономики. – М., 2017.

6. Рейтинг стран мира по уровню продолжительности жизни // Гуманитарная энциклопедия / Центр гуманитарных технологий, 2006–2018 (последняя ред. 16.03.2018). URL: <http://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info>

7. Средняя пенсия в 2018 году в России и других странах мира. URL: <http://bs-life.ru/rabota/pensiya/srednuya2018.html> (Дата обращения: 21.03.2018)

8. Стенограмма выступления Д.А. Медведева в Государственной Думе с отчетом деятельности Правительства Российской Федерации за 2017 год. 2018. 11 апреля URL: <http://government.ru/news/32246/> (Дата обращения: 13.04.2018).

9. Тодосийчук А. О бюджетном финансировании науки и инноваций в среднесрочной перспективе / А. Тодосийчук // Экономист. 2017. № 2. С. 45.

10. Федеральный закон от 5 декабря 2017 года № 362-ФЗ «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов».

11. Яковлева Е. Прав? Да! / Е. Яковлева // Российская газета. 2014. № 6511. 10 октября. URL: <http://www.rg.ru/2014/10/20/pamfilova-dz.html> (Дата обращения: 17.02.2015)

Воейков Михаил Илларионович,

*д.э.н., профессор, заведующий сектором
политической экономики Института экономики РАН*

Государство и рынок:

новая политико-экономическая парадигма¹²

Аннотация. Показано, что государство в современных условиях выполняет ключевую роль в экономике. Государство постепенно заменяет рынок. Это видоизменяет саму экономику. В современной экономике рыночный процесс максимизации прибыли заменяется процессом максимизации общественной полезности. Соизмерение полезного эффекта человеческой деятельности и затрат сохраняется, но главным становится не прибыль, а общественная полезность. Экономика и экономическая деятельность приобретают новые свойства и качество. Все это ведет к трансформации политической экономики.

Ключевые слова: государство, рынок, экономические функции государства, политическая экономия, новое качество экономики

Voeykov Michail,

*Doctor of Economics, Professor, Head of Sector
of Political Economy of the Institute of Economics
of the Russian Academy of Sciences*

State and market: new paradigm of political economy

¹ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№2, 2018, с. 79–90).

² The article was published in the journal «Economic Revival of Russia» (No. 2, 2018, pp. 79–90).

Abstract. A new role of the state is considered, which in modern conditions plays a key role in the economy. The state is gradually replacing the market. This is changing the economy itself. The commensuration of the useful effect of human activity and costs is preserved, but the main thing is not profit, but public utility. Such branches as education, science, and culture begin to enter the sphere of economic activity, but do not become branches of the market economy. The economy and economic activity acquire new properties and quality. Reindustrialization requires a new quality of the economy.

Keywords: state, market, economic functions of the state, reindustrialization, new quality of the political economy

Введение

Для индустриального периода было верно утверждение, что рынок является наиболее эффективным механизмом экономического развития. Действительно, смысл рыночного механизма состоит в соизмерении индивидуальных издержек на производство какого-либо товара со средней (или предельной) величиной, которая складывается на рынке. На этой основе происходит разделение всех участников экономического процесса на лучших и худших. Лучшие производители товаров и услуг достигают максимальных преимуществ, а худшие, в конце концов, выводятся за пределы экономического процесса. Остаются только наиболее эффективные. Каждый четко понимает, что возможности существенного роста материального благосостояния или резкого его снижения прямо зависят от его деятельности и результатов производства. Это элементарный рыночный механизм, а конкуренция – его главный стержень. Вместе с тем не следует переоценивать возможности рыночного механизма. В долгосрочной перспективе его воздействие весьма незначительно, слабое влияние он оказывает и на развитие современных сложнейших отраслей и промышленных комплексов (атомная промышленность, ракетостроение, космос и т.п.). Таким образом, говоря о проблемах реиндустриализации в России, когда высокотехнологичные отрасли производства, а также наука и образование приобретают ключевое значение, надо выбирать иную экономическую парадигму

– не либерально-рыночную. Тем более, как отмечается в современной научной литературе, «опора на идеологию «рыночного фундаментализма» привела к стагнации в экономике со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для страны» [1, с. 7].

России для перехода на инновационный путь развития нужна специальная государственная политика. Необходимо ограничивать монополизацию рынка, развивать науку, технический прогресс, образование. Нужно государство с его антимонопольным регулированием, большими финансовыми и материальными ресурсами для развития. Сами по себе люди в условиях рыночного общества умней и образованней не становятся. И тут возникает парадокс: чтобы страна могла достойно конкурировать на мировом рынке, государство у себя дома должно ограничить свободное рыночное саморегулирование. И это делают многие современные государства.

К теории современного государства

Политическая экономия практически никогда не изучала государство как таковое. Меркантилизм, который государству отводил решающую роль, еще не был политэкономией в полном смысле слова. Политическая экономия начинается с Адама Смита, который в центре исследования поставил не государство, а индивида и рыночный процесс производства и обмена между индивидами. А. Смит в своем знаменитом «Исследовании и природе и причинах богатства народов» специальный раздел назвал «О доходах государя или государства» (книга V), т.е. он еще не отличал феодальное государство («государь») от буржуазного, хотя весь текст исследования посвящен буржуазному способу производства. А, как известно, политическая экономия изучает отношения между людьми, которые складываются в процессе рыночного производства и обмена.

Для классического капитализма государство – это лишь политическая форма существования мира. Государство не вмешивается в рыночный процесс производства и обмена, а лишь сохраняет его. Таким образом, государство не является предметом изучения классической политической экономии – примерно так считалось довольно продолжительное время. К сегодняшнему дню накопилось много

фактов радикальной трансформации современного капиталистического общества: государство начинает выполнять ключевую роль в экономической системе, что существенно меняет само понимание этой системы. Экономика – это уже не только рыночный обмен между индивидами, это процедура сложного согласования индивидуальных и общественных экономических интересов и поиска наиболее эффективных путей приращения общественной полезности. Современное государство, вторгшись в экономическое регулирование, глубоко погрузилось в экономику, и само превращается в экономическую категорию. Это ведет к трансформации нашего понимания и политической экономии.

В научной литературе государство обычно рассматривается как политическая форма организации (точнее, самоорганизации) общества. Например, Э. Гидденс пишет: «Государство – политический аппарат (правительственные институты плюс чиновники государственной службы), управляющий на определенной территории, власть которого закреплена законом и возможностью использовать силу» [2, с. 604]. Это было общим местом для любой социальной науки, в том числе и экономической. Современные отечественные исследователи отмечают, что «тенденция отождествления государства с органами политической власти закладывается в западной философии уже с конца XVII века» [3, с. 26]. Действительно, экономистов до недавнего времени не интересовал вопрос – что такое государство. Правда, в среде советских экономистов велась дискуссия об экономической роли государства при социализме и сегодня полезно изучить эту дискуссию с новых позиций.

После того, как государство погрузилось в экономику, с политэкономической точки зрения его следовало бы определять не только как политическую форму самоорганизации общества, но и как экономический механизм этой самоорганизации. Теперь дело дошло и до политической экономии. Если «экономикс» стремится усовершенствовать функциональные связи в экономике, то политическая экономия призвана объяснить этот процесс и ключевую роль в нем государства. Стало быть, государство становится предметом политэкономического исследования.

По логике старых либеральных экономистов, политическая форма мешает нормальному протеканию экономического процесса. «Основ-

ная идея классического либерализма, – пишет Ноам Хомский, – заключается в оппозиции ко всем формам государственного вмешательства в личную и социальную жизнь, кроме предельно ограниченных и минимальных» [4, с. 11]. Либералы упорно обходят вопрос – откуда эта форма взялась и почему она сейчас мешает? Во времена Адама Смита государство как политическая форма самоорганизации общества не мешала экономическому процессу, а сегодня мешает. Можно привести высказывание Карла Поппера середины 1940-х гг.: «Принцип государственного невмешательства в экономику – принцип, на котором основывается не ограниченная законодательно экономическая система капитализма, должен быть отброшен. Если мы хотим защитить свободу, то должны потребовать, чтобы политика неограниченной экономической свободы была заменена плановым вмешательством государства в экономику» [5, т. 2, с. 146]. Устарелость концепции невмешательства заключается в том, что современное государство перестает быть только политической формой, она наполняется экономическим содержанием.

Государство сегодня становится активным экономическим субъектом. Экономика все больше попадает под влияние государства (огосударствление экономики), а государство все глубже погружается в экономику. «Экономическая система, – замечает Хабермас, – лишилась своей функциональной автономии по отношению к государству» [6, с. 155]. Это понимание все чаще проникает в массовые учебники. Так, П. Самуэльсон и В. Нордхаус указывают: «Государство решает три основные экономические задачи: способствует повышению эффективности, обеспечению справедливости и макроэкономической стабильности и осуществлению экономического роста» [7, с. 54]. Иными словами, рынок без государства не в состоянии ни обеспечить экономический рост и макроэкономическую стабильность, ни повысить эффективность. Что-то меняется в самой экономике, и это ставит новые задачи перед политической экономией.

Итак, почти все (даже американские консерваторы) признают факт роста объема, значения и влияния государства в современной экономике. Так, современный либерал-консерватор Р. Хиггс пишет: «Конец XIX и весь XX век были периодом беспрецедентного роста полномочий государства, находящихся в его распоряжении ресурсов и масштабов его вмешательства в экономическую и частную жизнь

граждан» [8, с. 9]. Ему вторит другой американский экономист, Ч. Уилэн: «Министерство сельского хозяйства США в настоящее время требует, чтобы каждая замороженная мясная пицца содержала по меньшей мере 10% мяса» [9, с. 309]. Если Министерство сельского хозяйства США устанавливает нормативы на производство пиццы, значит с рыночной экономикой в США что-то не так.

На наш взгляд, основная объективная причина современного роста государства состоит в развитии более сложного производства и усложнении технологий, в переходе к новому технологическому укладу, что отражается в трансформации экономической организации общества. Именно экономическая организация наполняет содержанием все остальные формы человеческого общежития, в том числе и государство. Современное производство ставит на место индивидуального производителя сложную кооперацию многих производителей и их объединений. Новая технология кладет конец экономическому индивидуализму и либеральному капитализму. Обобществление производства, о чем много писали советские экономисты, стало сегодня очевидным и бесспорным фактом. Более того, информационные технологии, которые приобретают все большее значение, превращают государство в почти единственного экономического актора. Ведь информация только посредством государства приобретает экономическое значение. Информация как таковая не может быть частной, «для себя», она всегда носит общественный характер.

С XX в. мы наблюдаем все большее распространение расширительного понимания государства, где субъектом власти выступает не только правительство, но весь народ и его самостоятельные организации. Более того, государство все чаще выполняет разнообразные общественные и экономические функции, что позволяет говорить о государстве как экономическом институте современности. Меняется и понимание самой экономики. Государство рассматривается как противовес рынку, как механизм, ограничивающий и корректирующий рыночное «самодействие». «Правительства, – пишет известный американский экономист Л. Туроу, – всегда активно использовались для изменения результатов рыночного хозяйства с целью более равномерного распределения доходов по сравнению с тем, какое рынок произвел бы сам по себе» [10, с. 288].

Сильное государство нужно для обеспечения целесообразного, разумного и сбалансированного общественного развития. Но целесообразная и сознательная деятельность государства может выражаться только в различных формах народнохозяйственного и социального планирования, т.е. осознанной и одобренной большинством населения политики, направленной на развитие высоких технологий, на глубокую реиндустриализацию народного хозяйства.

Возможности и пределы рынка

Рынок действительно наиболее эффективный механизм экономического развития. Рыночный механизм есть великолепный калькулятор экономической эффективности, и в этом, пожалуй, его единственная ценность. Проблема заключается в том, чтобы этот калькулятор работал исправно, не искажался. То есть, другие социальные ценности не должны вводиться внутрь этого калькулятора, рынок не должен давать ничего, кроме экономической эффективности. Другие ценности привносятся в социально-экономическую сферу через сознательно вырабатываемую и проводимую государством политику. Государственная политика заменяет рынок, вытесняет его. Для функционирования рыночного механизма не нужно никакой политики, даже экономической.

Отсюда стремление либеральных экономистов ограничить или максимально снизить экономическую роль государства – «минимизировать государство». Государственная экономическая политика в любом вопросе ограничивает рыночное самодействие, сужает рынок, особенно социальная политика, которая в пределе стремится к уничтожению рынка или к сильному его ограничению.

Рынок всегда и везде ограничен и регулируем, господство только экономической эффективности может привести к нелепым и антигуманным последствиям. В научной литературе об этом написано очень много. Сегодня, когда развитые западные страны переходят к «обществу знаний», широкие сферы человеческой деятельности выводятся из-под рыночного регулирования (например, образование). Положение, согласно которому в сферах человеческой деятельности с преобладанием творческого труда (наука, образование, культура)

рыночные механизмы перестают работать, уже давно и успешно разрабатывается в новой социально-экономической науке. Здесь экономика не сводится к рынку, а охватывает широкое поле человеческой деятельности, где принцип соизмерения затрат и результатов по-прежнему важен. Затраты и результаты деятельности могут выражаться не только в деньгах, но и в экономии времени, усилий, в достижении благополучия, т.е. в приращении общественной полезности.

Государство и политическая экономия

Экономические функции государства состоят не столько в извлечении выгод из менового процесса, сколько в стабильном и благополучном развитии общества, в достижении общественной полезности. «Интервенционистское государство, в отличие от либерального, вовлечено в процесс воспроизводства; поэтому оно не только обеспечивает общие условия производства, но и само становится своеобразным исполнительным органом закона стоимости» [6, с. 88]. При этом меняется и само содержание стоимости. Современное государство не отменяет отношения стоимости, но трансформирует их самым существенным образом. Трансформируются также отношения собственности и социальная структура общества.

Трансформация денег и стоимости. По мнению специалистов, за последние 30–50 лет в мире накопились колоссальные финансовые ресурсы. Существует перенакопление капитала, тем самым капитализм, по-видимому, переходит в какую-то иную стадию. Одним из важнейших факторов является финансиализация капитализма. Финансовый сектор приобрел самостоятельное значение, оторвался от реального сектора экономики и, по существу, концентрируется на финансовых спекуляциях. Основой этого процесса, на наш взгляд, являются фидуциарные деньги. Итак, что же такое современные деньги?

В старом капитализме деньгами выступали драгоценные металлы (золото и серебро) или бумажные деньги, свободно конвертируемые в золото. В современном мире никакие бумажные деньги на золото не обмениваются. Человеческий труд, заложенный в производство бумажной купюры, ничтожен по сравнению с ее номиналом. Сегодняшние деньги вообще ничем не обеспечены. Даже в тех странах, где

было в ходу золотое обращение – обмен банкнот на золото, полного или 100%-ного золотого обращения не было. Так, в США, где до Первой мировой войны действовал золотой стандарт, выпускались бумажные деньги, банковские депозиты. При этом количество золота в виде монет или золотых сертификатов составляло в разные годы от 10 до 20% денежной массы. Остальные 80–90% состояли из «серебра, фидуциарных денег и банковских депозитов, не обеспеченных золотым резервом». Сегодня про золото или серебро как основу денежной системы почти никто не вспоминает. Об этом прямо пишут П. Самуэльсон и В. Нордхауз: «Много лет назад эту роль [обеспечения ценности банкнот – М. В.] выполняли золото или серебро. Сегодня это уже не так, и все монеты и банкноты в США являются фидуциарными деньгами. Этот термин означает, что нечто может называться государственной валютой, даже если это нечто не имеет ценности» [7, с. 425].

Недавний мировой финансовый кризис вообще выводит деньги и в целом финансовую систему развитых стран из-под рыночного саморегулирования. Поразительно, как это деньги, по природе своей самый рыночный инструмент регулирования экономики, сегодня становятся государственным рычагом регулирования рынка. Строго говоря, деньги превратились в особый документ политического соглашения (фидуциарные деньги, от лат. *fiducia* – сделка, основанная на доверии). И как утверждает ряд экономистов, ничего рыночного в таких деньгах почти не осталось.

Современный мир сильно изменился, но рыночные фундаменталисты по-прежнему объясняют финансовые неурядицы и кризисы чрезмерной ролью государства. Экономика, основанная на рыночном процессе и экономическом индивидуализме, что было предметом исследования классической политической экономии, постепенно превращается в огосударвленную экономику, где цель экономической эффективности замещается приращением общественной полезности. При этом важно, что в приращение общественной полезности входит и достижение экономической эффективности. Понимание экономики расширяется, изменяется и предмет политической экономии, которая приобретает новое качество.

Итак, деньги есть показатель, знак или символ отношений стоимости, т.е. особого социального отношения между людьми в рыночной экономике. Однако в современном товарно-капиталистиче-

ском хозяйстве деньги, перестав размениваться на золото (оторвавшись от своей объективной основы), перестали быть символом абстрактного труда. Теперь они лишь символ политического соглашения в обществе между гражданами и правительством, которое просто печатает бумажки (деньги) по своему усмотрению. Тем самым подрубается объективный механизм существования и развития товарно-капиталистического хозяйства.

Трансформация собственности. Вокруг категории собственности идут нескончаемые споры. Обычное понимание собственности сводится, как правило, к юридической формуле, зафиксированной во французском гражданском кодексе: «Право собственности – это абсолютная власть над вещью в рамках, установленных законом». Посмотрим, как эта формула воспроизводится в зарубежной литературе праволиберального толка. Так, у Л. Мизеса читаем: «Собственность означает полный контроль над услугами, которые можно извлечь из некоего блага» [11, с. 640]. Это определение довольно корявое и мало что определяет, в отличие от французского кодекса. Дело в том, что совсем не всегда понятие собственности связано с услугами, которые часто не имеют вещной формы, и не всякое благо может генерировать услуги. Так, услугу парикмахера трудно совместить с формулой Мизеса: где тут благо и где собственность? И не случайно в современной экономической литературе собственность обычно рассматривается с юридической точки зрения. Может быть, поэтому в учебниках «Экономикс» эта категория не рассматривается вовсе. Но есть и экономическое понимание собственности как особых, исторически определенных отношений между людьми по поводу использования того или иного блага. Исторические условия меняются, эволюционируют и отношения собственности.

Государство всегда, в любое время и в любом месте поддерживало, поощряло наиболее близкую ему форму собственности. Например, феодальное государство стремилось всеми силами поддерживать и сохранять феодальную собственность и феодальный тип хозяйства. Так, в феодальном государстве был, по существу, один собственник-феодал, который владел собственностью не в результате экономических процессов, а силой. Сила была первопричиной, а собственность – следствием и не всегда юридически (политически) оформленным. «Государство сливается с государем» [12, с. 5].

Следующий этап эволюции государства был связан с процессом модернизации средневекового общества, когда частная собственность заняла господствующее положение. В буржуазном обществе собственность уже есть следствие экономического процесса. Здесь государство становится объективно необходимой формой осуществления экономического процесса, базирующегося на частной собственности. То есть, имеется продукт или материальное благо, на которое оформляется право собственности, и поддержание этого права – основная функция государства.

При этом все собственники (вне зависимости от размера собственности) в правовом отношении равны. В этом и состоит суть либерального капитализма и господство экономического индивидуализма. «Главным в учении либерализма, – пишет Мизес, – является утверждение о том, что общественное сотрудничество и разделение труда возможны только в системе частной собственности на средства производства, то есть только в условиях рыночной экономики, или капитализма. Все остальные принципы либерализма – демократия, личная свобода, свобода слова и печати, религиозная терпимость и мир между народами – вытекают из этого главного постулата. Они возможны только в обществе, базирующемся на частной собственности» [11, с. 69]. В главном Мизес прав: частная собственность на средства производства есть основа либерального капитализма. Государство здесь выступает политическим гарантом частной собственности и, стало быть, гарантом экономического процесса. Господство частной собственности потребовало буржуазной революции – утверждения другой формы или типа государства, буржуазного или либерального государства, основанного на частной форме собственности.

Частная собственность, как известно, экономически более результативна и больше соответствует рыночному критерию. Вместе с тем в современном мире не все определяется рынком и чисто экономическим критерием эффективности. Например, пенсионная система, которая есть в любых развитых странах, выведена из-под критерия рыночной эффективности. В самом деле, выплата пенсий с точки зрения рынка не имеет никакого смысла, однако их выплачивают, считая это большим социальным достижением. И все же наиболее благоприятные условия буржуазное государство создает для частной формы собственности. Государственная форма собственности в запад-

ных странах считается собственностью второго сорта – ее то сокращают, то увеличивают (в зависимости от решений очередного правительства). Государственная политика в том и состоит, чтобы поощрять или придерживать развитие тех или иных форм хозяйствования.

Но собственность не является застывшей категорией, она меняется вслед за изменениями условий жизни и, главное, производства. Частная собственность, рыночная экономика и «минимальное государство» (в основном как политическая форма) – вот постулаты либерального капитализма.

Дальнейшая трансформация собственности ведет к изменению модели государства. Развитие корпоративной собственности снижает значение сугубо частной собственности. В экономическом процессе появляются сложные иерархические структуры, где значение частной собственности становится минимальным. Об этом писали западные экономисты еще лет 50 тому назад, например, Дж. Гэлбрейт: «С конца прошлого столетия гигантская корпорация становится все более характерной чертой делового мира. Ее влияние признавалось везде, кроме экономических учебников» [13, с. 40]. Доля же мелкого и среднего бизнеса заметно сокращается. Создается так называемая планирующая система из крупных корпораций, трансформирующей рыночную экономику, которая, по мысли Дж. Гэлбрейта, является миром мелких фирм. Другим важнейшим элементом трансформации является отделение собственности от контроля или диффузия собственности и, если можно так сказать, угасание частной собственности. Но если в современной экономике господствуют крупные корпорации, которые монополизировали рынки и существенно снизили накал конкурентной борьбы, то частная собственность отходит на второй план. Для крупных корпораций характерна акционерная собственность, рассеянная среди тысяч мелких акционеров. В такой корпорации уже нет реального собственника и, как отмечал Гэлбрейт, «власть собственников капитала, то есть держателей акций, равна нулю» [13, с. 70].

Стратегические решения принимает высший менеджмент, функции которого может выполнять наемный персонал. Таким образом, частная собственность на средства производства в корпоративном секторе развитых западных стран угасает. Исчезает и объективная основа либерального капитализма и минимального государства. На ее

место приходят технократические и бюрократические структуры, основной целью которых является не укрепление мифической для них «частной собственности», а развитие и процветание собственных структур.

Новый этап развития государства начинается с появлением интеллектуальной собственности, которая становится экономически значимой лишь после оформления прав собственности. Материальный продукт был экономически значим и до оформления прав собственности, в феодальном обществе такого оформления часто не было, и в буржуазном оформлении является необходимым моментом существования материального блага. Государство в данном случае выступает оформителем, констататором материального блага и его экономического значения. Иное дело интеллектуальное благо – государство создает его экономическое значение и по необходимости начинает выполнять роль основного экономического агента.

Подчеркнем: экономическое значение интеллектуального блага порождается не экономическим процессом, а государством. Интеллектуальное благо подчиняется иным законам, чем материальное. Рыночная экономика без помощи государства не может превратить интеллектуальное благо в товар. Но роль государства здесь обратная: вместо выведения некоторых материальных благ из рыночного процесса государство, наоборот, некоторые интеллектуальные блага включает в экономический процесс. Это касается гуманитарного сектора экономики: культуры, науки, образования. В этих сферах создается особый рынок, где экономический процесс нацелен на максимизацию не столько прибыли, сколько общественной полезности.

Трансформация социальной структуры и неравенство. Современное общество (и западное, и российское), вопреки утверждению неоклассической экономической теории, состоит не из отдельно бродящих индивидов, а из определенных социальных групп, слоев, страт или классов. Ибо экономическое поведение каждого человека определяется не совершенно уникальными и неповторимыми складками его одежды, а под воздействием объективных факторов его жизни и прежде всего участия в общественном производстве. А в этом производстве люди объединяются даже помимо своей воли и сознания в определенные классы, группы или слои.

Необходимость оперировать в теоретическом анализе категориями социальной группы или общественного класса, а не индивидуума обосновал в начале XX в. П.Б. Струве: «Понятие «класс» есть попытка для сложной системы многообразных текучих общественных отношений указать как бы точку кристаллизации, выделить такое единство, какое могло бы мыслиться как верховный субъект и деятель этих отношений. Это вполне законная операция, но необходимо помнить ее границы и смысл» [14, с. 75]. Социальные слои и группы представляют социальные силы, определявшие динамику либерального капитализма. По существу, речь идет о научном понимании социальной структуры современного общества, т.е. о научном понимании этого общества и его трансформации.

Однако сегодня явно недостаточно оперирования только категориями начала прошлого века. Классы и классовое деление общества в большей мере или в более развернутом виде присущи обществу с развитой рыночной экономикой. Классы – это категория либерального буржуазного общества. Перерастание буржуазного общества, скажем, в постиндустриальное ведет к потере рынком его стратификационных свойств, что вызывает переход от примитивной классовой структуры к более сложной – социальной.

Классовый подход можно рассматривать как часть (или характеристику) социальной стратификации общества, которая всегда была и по мере развития общества имеет свойство усложняться. Классовое деление возникает лишь на этапе либерального капитализма и когда-нибудь перестанет существовать. Если общество «строит» классический (либеральный) капитализм, то оно создает и классы с их противоречивыми интересами и противоборством. Если же общество «уходит» от состояния либерального капитализма, то и классовый подход теряет свою актуальность. Угасание частной собственности на средства производства смягчает классовые противоречия, но это не значит, что проблем становится меньше.

Может ли сегодня собственность выступать главным, исчерпывающим критерием социальной стратификации? Простой факт поможет ответить на этот вопрос совершенно отрицательно. Сегодня в развитых странах Запада и в любой индустриально развитой стране 70–90% занятого населения работает по найму, основной источник их существования – заработная плата. Таким образом, подавля-

ящее большинство занятых лишены собственности на средства производства, но при этом они не составляют одного класса или социального слоя.

Даже работники акционерных компаний, которые имеют в собственности некоторое количество акций своего предприятия и получают по ним дополнительный доход, не могут считаться собственниками, ибо их индивидуальный пакет акций незначителен и не играет решающей роли. Собственность в таких компаниях расплывчата среди тысяч мелких держателей акций, и не она определяет экономическое и социальное положение работников.

Мы находимся в стадии перехода от традиционной классовой структуры к новой структуре, которая будет состоять, если можно так выразиться, из профессионально-функциональных групп. Все это обусловлено капитальными изменениями социальной структуры общества и трансформацией экономических интересов. Наблюдается переход от старой модели, состоящей из 2–3 классов (крестьянство, рабочий класс, владельцы капитала), к профессиональным группам и массовым слоям (элита, креативный класс, средний класс, прекариат, андеграунд и др.).

Классовые отношения теряют политико-конфронтационную форму, политическое заменяется профессиональным. И все это начинается осуществляться благодаря новой роли государства. «Классовые отношения, – пишет Хабермас, – смогли принять неполитическую форму отношений наемного труда и капитала лишь при том условии, что общие предпосылки сохранения капиталистического производства стали обеспечиваться государством. Лишь дополняющие рынок государственные функции, которые не подчиняются механизмам рынка, делают возможным не политически осуществляемое господство через частное присвоение общественно производимой прибавочной стоимости» [6, с. 86]. Главная причина трансформации состоит в существенном усложнении производственного процесса, диверсификации материальной базы, что ведет к изменению социальной структуры общества.

Все это проявилось и в трансформации отношений собственности. Так, креативный класс стал обладателем интеллектуальной собственности, владельцы капитала (капиталисты) теряют свое значение, ибо в крупных корпорациях их роль равна нулю, главенствующую

щие позиции там занимают топ-менеджеры. Таким образом, политэкономический подход в данном случае состоит в концентрации внимания не на развитии рыночных отношений, а на проблемах государственного регулирования рынка, его ограничений и «провалов». Заинтересованность в решении этих проблем проявляют средние слои современного общества. Их экономические интересы состоят не столько в ее поддержании рыночного равновесия и саморегулирования (хотя в какой-то части это тоже их интересы), сколько в укреплении государства и государственной или общественной поддержки культуры, образования, науки, здравоохранения и др.

С появлением среднего класса в последние годы много проблем связывается с элитами общества. В современном обществе, где государство стало доминирующей силой, элиты превращаются в одну элиту, формирование и функционирование которой обеспечивает государство. Массовым слоем остается средний класс и близкие к нему слои. При этом формируются слои населения, находящиеся по социальному статусу и доходам на нижней ступени общества. В современном обществе вместо классового деления и классовой проблемы в распределении социального продукта на первое место выдвигается проблема экономического неравенства, или проблема одного процента. Основная роль в решении этой проблемы принадлежит государству (с его функциями патернализма).

Вместо заключения

Итак, государство растет и уже довольно глубоко погрузилось в экономику – стало демиургом экономики. Нравится это кому-либо или нет, но это объективный и неизбежный процесс. Хорошо это или плохо – вопрос очень сложный. Если рост государства сопровождается рациональными установками (как, например, обязательные для всех правила орфографии или уличного движения), то это, видимо, хорошо. Если же государственные установки переходят рациональные границы (скажем, центральное правительство начинает регулировать куриное поголовье в домашнем хозяйстве или размер цветочных горшков, как это делается в США), тогда это, безусловно, плохо. Жизнь общества должна основываться на мирных занятиях

людей, «не стесняемых ничем, кроме потребностей благоустроенного общежития». Это понятно, но интересен другой вопрос: какая наука должна изучать государство как главного благоустроителя общества?

Если основная экономическая наука, которая изучает и объясняет экономику, это политическая экономия, то, стало быть, государство становится предметом ее изучения. Но классическая политическая экономия изучала и объясняла рыночную экономику, отношения между людьми, прикрытые вещами. Конечно, эти отношения сохраняются и в современной экономике. Но основные отношения между людьми, которые производят и потребляют вещи (и услуги), регулируются уже не «вещами» (рыночным обменом вещей), а государством. Государство же в процессе регулирования руководствуется не столько максимизацией прибыли, сколько максимизацией общественной полезности, т.е. «потребностями благоустроенного общежития». Хотя прибыль и рыночный обмен остаются и продолжают играть важную роль, цель государственного регулирования иная. Можно сказать, что в государственную цель максимизации общественной полезности входит обеспечение максимизации прибыли для индивидуальных производителей. Государство не отвергает экономический индивидуализм, но гармонизирует его с общественными интересами. Поэтому трансформируется предмет изучения политической экономии: на первое место выдвигается изучение и объяснение процессов достижения общественной полезности. Думается, в этом и состоит суть «политической экономии в широком смысле» (А. Пашков), что было сформулировано в Советском Союзе еще в 1930-х гг., но тогда толком ее объяснить не смогли. В этом же состоит смысл и «новой политической экономии» (Дж. Бьюкенен), объяснение чего, на мой взгляд, недостаточно полно и точно.

В последнее время в западной литературе получил некоторую популярность так называемый экономический империализм, под которым можно понимать распространение экономического принципа, экономизма, экономической рациональности на процессы, явления и предметы, которые ранее не относились к экономике; распространение основных понятий современной экономической теории (редкость, издержки, предпочтения и др.) на любые формы человеческой жизни, а ее главных принципов (оптимизации и равно-

весия) – на все социальные явления. Смысл «экономического империализма» не раскрывался в достаточно поверхностных текстах западных авторов и вызывал у читателя недоумение. Например, Гэри Беккер считает, что экономику следует понимать не как привязанную к определенному предмету изучения (в частности, деньгам или богатству), а как метод, применимый ко многим аспектам человеческого поведения [15, с. 697]. Но ни Беккер, ни другие сторонники «экономического империализма» толком не могли объяснить этот феномен. Они (или многие из них) считали, что рыночная экономика с каждым годом все больше захватывает различные сферы человеческой деятельности, которые, не будучи по природе своей экономическими (как, например, культура и образование), становятся предметом изучения экономической теории. Но дело оказывается не в расширении рынка, а в его сужении. Сама экономика из процесса максимизации прибыли превращается в процесс максимизации общественной полезности. И это становится предметом изучения экономической теории.

Таким образом, политическая экономия сегодня получает новое поле исследований. Культура и образование становятся предметом ее изучения, ибо для повышения эффективности этих сфер необходимо соизмерение затрат по производству культурных или образовательных благ с их общественной полезностью, которая далеко не всегда выражается в прибыльности.

Список литературы

1. *Бодрунов С.Д.* К новому индустриальному обществу второго поколения: образование и развитие личности / С.Д. Бодрунов // *Экономическое возрождение России.* 2017. – 4(54).
2. *Гидденс Э.* Социология / Э. Гидденс. М.: Едиториал УРСС, 2005.
3. *Соколова Р.И.* Государство в современном мире / Р.И. Соколова, В.И. Спиридонова. М.: ИФ РАН, 2003. – 253 с.
4. *Хомский Н.* Государство будущего / Н. Хомский. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. – 104 с.
5. *Поппер К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. / К. Поппер. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

6. *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас. М.: Праксис, 2010. – 264 с.
7. *Самуэльсон П.* Экономика / П. Самуэльсон, В. Нордхаус. 16-е изд. М.: Издат. дом «Вильямс», 2005.
8. *Хиггс Р.* Кризис и Левиафан: поворотные моменты роста американского правительства / Р. Хиггс. М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016.
9. *Уилэн Ч.* Голая экономика. Разоблачение унылой науки / Ч. Уилэн. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005. – 368 с.
10. *Туроу Л.* Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир / Л. Туроу. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.
11. *Мизес Л.* Либерализм / Л. Мизес. М., 2001.
12. *Мишель А.* Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени Революции / А. Мишель. М.: Типография Тов-ва И. Д. Сытина, 1909. – 802 с.
13. *Гэлбрейт Дж.* Экономические теории и цели общества / Дж. Гэлбрейт. М.: Прогресс, 1976. – 408 с.
14. *Струве П.Б.* Избранные произведения / П.Б. Струве. М.: РОССПЭН, 1999.
15. *Беккер Г.* Экономический взгляд на жизнь / Г. Беккер // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т.; сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. Т. V: в 2 кн. Всемирное признание: лекции нобелевских лауреатов. Кн. 1. М.: Мысль, 2004.

Тощенко Жан Терентьевич,

член-корреспондент РАН,

*главный научный сотрудник Института социологии РАН,
зав. кафедрой социологического факультета РГГУ,*

Прекаризация смыслов жизненного мира наемных работников¹

Аннотация. В современном мире, в том числе и в России, созрел новый феномен – происходит формирование нового класса – прекариата (от лат. *precarium* – неустойчивый, нестабильный, негарантированный) и слова «пролетариат», который в свое время представляет класс, отчужденный от результатов труда и подвергающийся эксплуатации в интересах господствующего класса – буржуазии. Прекариат – принципиально новое образование, означающее наличие социального слоя, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особые, изощренные формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации, а, в конечном счете, и качества жизни.

Ключевые слова: социология жизни, жизненный мир, смысл жизни, прекариат, наемный труд, прекаризация труда, публичной и личной жизни

¹ Выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-16-00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества». В основе дальнейшего анализа лежат данные всероссийских исследований РГГУ в 2014 г. [см. *Жизненный мир... 2016*] и ИС РАН в 2017 г. [*Российское общество как оно есть... 2018*].

Toshchenko Jean,

Corresponding Member

of the Russian Academy of Sciences,

Chief Researcher of the Institute of Sociology

of the Russian Academy of Sciences,

Head of Department of Sociological Faculty,

Russian State University for the Humanities

**Precarious meaning of the life world
of wage-workers**

Annotation. In the modern world, including in Russia, a new phenomenon has matured – a new class is emerging – the precariat (from the Latin: precarium – unstable, non-guaranteed) and the word «proletariat», which in its time was a class alienated from the results of labor and subjected to exploitation in the interests of the ruling class – the bourgeoisie. Precariat is a fundamentally new entity, meaning the existence of a social stratum that embodies alienation not only from the results of labor, but also from the whole society of significant social groups experiencing special, sophisticated forms of exploitation of their labor, their knowledge, their qualifications, and, ultimately, and quality of life.

Keywords: life sociology, life world, meaning of life, precariat, wage labor, precarious work, public and private life

В большинстве случаев, когда говорят о прекаризации, имеют в виду превращение трудовых отношений из ранее устойчивых, гарантированных в незащищенные, неустойчивые, дерегулированные, характеризующиеся ограничением прав наемного работника, которые работодатель может прервать в удобное для него время или предложить иные, как правило, более ущемленные условия труда [Голенкова, Голуцова, 2015; Дружилов, 2015; Standing, 2011].

Такой подход к прекаризации в сфере труда ограничивает возможности более глубокого анализа процессов формирования и роли прекариата в жизни современного общества. На наш взгляд, более точно утверждение, что прекаризация – это «процесс, затрагивающий все стороны жизни человека, формирующий и особую «культуру и психологическое состояние» [Шкаратан и др., 2015: 102; Neilson, 2015].

Прекаризация охватывает всю жизнь каждого наемного работника, даже если он занят постоянной трудовой деятельностью. Конечно, прекарный труд в первую очередь касается тех, что олицетворяет его в своей повседневной деятельности, от занятых временной работой до занимающихся такими видами неустойчивой, непостоянной работы как сезонная, эпизодическая, случайная. Однако прекаризация распространяется и на занятых работников, тем более что их удельный вес постоянно сокращается даже в развитых странах, долгое время ориентировавшихся на установки общества благоденствия [Тощенко, 2015].

Исходя из данных многих социологических исследований, жизненный мир наемных работников ориентирован на реализацию (достижение) *основного смысла их жизни, на то, что определяет его основную сущность, заключающиеся не только в том, что делать, а кем быть* [Подробнее см.: Тощенко, 2016].

Прекаризация проявляет себя в том, что она деформирует как основной смысл жизни, так и смыслы деятельности людей в основных сферах общества – в экономической, социальной, политической и духовно-культурной.

Главные смыслы современного жизненного мира наемных работников

Характеристика основных смыслов жизни современных российских наемных работников связана с анализом тех ценностных ориентаций, которые являются определяющими их сознания и деятельности, сопоставимы с их социальным опытом, характеризуют главные взаимоотношения с внешним миром и с пониманием своего личностного предназначения.

Таковыми главными смыслами, определяющими в целом весь их жизненный мир, как и всех россиян, всю совокупность основных видов их деятельности являются, на наш взгляд, стремление к *социальной справедливости, к социальной защищенности и гарантиям достойной жизни*.

Для понимания их значимости мы будем сопоставлять со смыслами жизни тех групп наемных работников, которые в полной мере

можно отнести к прекариату. Так как нет специальных исследований по этой социальной группе (общности), мы прибегаем к использованию многолетних исследований бедности и социального неравенства, осуществленных Институтом социологии РАН в 2003 г., 2006 г., 2008 г. и 2013 г. [Подробнее см.: Бедность и бедные...2014], а также данных всероссийского исследования «Жизненный мир-2014», проведенного РГГУ 25–30 октября 2014 г. в 18 регионах страны (опрошено 1750 человек с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, форм собственности и трудовому стажу [Подробнее см.: Жизненный мир ..., 2016]).

Что касается социальной справедливости, то она понимается по-разному, в зависимости от многих условий и факторов. Иначе говоря, в сознании людей существует много представлений – и самых разных – о справедливости. Общим является то, как человек воспринимает и оценивает отношение к нему со стороны государства и общества, *какое мироощущение* формируется у него при взаимодействии с теми организациями, с которыми он взаимодействует (работает, учится или периодически контактирует).

По данным Фонда Общественного мнения, всего 23% россиян считают устройство российского общества справедливым, а несправедливым – 61% (среди бедных, прекарных слоев – 72%). При этом 39% уверены: власти могут, но не хотят создавать более справедливые отношения; 21% считают, что хотят, но не могут добиться большей справедливости и еще 13%, что власти не могут и не хотят ее добиваться [ФОМ, 2017].

Если рассмотреть более подробно составляющие справедливости, то обратим внимание на то, что таким индикатором является, по мнению 63,2% россиян, соблюдение и обеспечение государством равных прав для всех.

Это желание превышает все другие ориентации, даже такие важные как «обеспечение стабильности в обществе, без войн и революций» (55%) и «возвращение России статуса великой державы» (47,2%) [Жизненный мир..., 2016: 364].

Что касается реализации идей о справедливом обществе в России со стороны части прекариев-бедняков, обратим внимание на их представления о нем (см. табл. 1)

Таблица 1. Оценка вероятности реализации в России
справедливого общества (по мнению бедных «по лишениям»¹),
2013 г. (в% от числа опрошенных)

Характеристика общества	Да/весьма вероятно	Маловероятно/нет
Справедливость	27	73
Свобода	45	55
Солидарность	34	66
Социальная защищенность	23	77
Равенство всех перед законом	28	72
Благополучие всех	20	80
Равенство возможностей	22	78

Источник: Мареева, 2014.

Эти данные свидетельствуют, что наиболее высоко оценена такая характеристика как свобода (45%). Это отражает общий настрой общества, почувствовавшего возможность пользоваться различным источниками информации, отсутствием ограничений поездок за границу, свободой высказывания мнения и др. Но этот индикатор можно трактовать и по-другому: Свобода есть, но является ли она такой необходимой для повседневной жизни людей? Насколько она нужна, если социальная защищенность оценивается позитивно только каждым четвертым-пятым (23%). Вызывает размышления и достаточно низкие оценки (20–22%) таких характеристик как равенство возможностей и благополучие всех. Реальная жизнь убеждает, что происходят процессы прямо в противоположном направлении – богатые богатеют, у бедных возможности сохранения достойной жизни сокращаются. Это и подтверждают итоги 7 волны мониторинга

¹ Термин бедные «по лишениям» взят у Н.Е. Тихоновой, которая разделила бедных на две группы – бедные по доходам и бедные по лишениям. В первом случае бедными считались те, чей доход был ниже прожиточного минимума, а во втором – те, кто характеризовался образом жизни, ассоциировавшихся в сознании россиян в силу испытываемых лишений (необеспеченность жильем, плохое питание, отсутствие возможностей оплаты медицинских. Образовательных и рекреационных услуг и др.) [См. Подробнее: Тихонова, 2014: 27–28].

Института социологии РАН (2017 г.) выявлено, что каждый третий (31,4%) считает, что одно из главных противоречий в современном российском обществе состоит в существующем и все увеличивающемся неравенстве между богатыми и бедными. Более того, 54,2% полагают, что за последние 5 лет произошло снижение (ухудшение) уровня жизни населения.

Нужно отметить, что представления о справедливости как важнейшему смыслу жизни фиксируют и другие исследователи (Центр социально-политических исследований ИСПИ РАН, Левада-Центр, ВЦИОМ). На наш взгляд, это субъективная нацеленность людей, которая стала ведущей в структуре их ориентаций, могла бы стать той национальной идеей, частью государственной идеологии, которая понятна, желаемая и убедительна для большинства, и полностью бы совпадала как в официальном, так и в сугубо личном плане. Но именно несоблюдение и слабое обеспечение прав и свобод деформирует («прекаризирует») жизненный мир людей, подталкивая их к различным формам противостояния или игнорирования государства.

Не менее показательна такая характеристика смысла жизни как отсутствие социальной защиты, которая выражена во многих значениях – как соблюдение прав и свобод, гарантия общественной и личной безопасности. По данным Института социологии РАН (7 волна мониторинга, 2017 г.), социальная защищенность была реализована в СССР, при Брежнев (мнение 62,1% опрошенных), тогда как при Ельцине она существовала по мнению только 9,3% людей, а сейчас несколько поднялась – до 27%. То, что здесь дела обстоят не так благополучно, как этого бы хотелось, говорит конкретная оценка одной из составляющих этой социальной защищенности: отсутствие безопасности тревожит, по данным «Жизненного мира-2014», 90,2% людей. А это значит, что человек измеряет ее гарантии там, где он живет и работает, применительно к себе и своей индивидуальной жизни, а не в каком-то глобальном масштабе. Поэтому, хотя основной центр обеспечения повседневной безопасности лежит на уровне регионального и муниципального управления, его гарантии все же призвано дать государственно-правовые органы, обеспечив право на существование без опасения за свою жизнь и устойчивость трудовой и повседневной жизни.

Наконец, в основе определяющих смыслов-ориентаций в жизненном мире прямо или косвенно фигурирует стремление 55% россиян жить в стабильном обществе. Причем, эта нацеленность на стабильность, устойчивость касается всех без исключения уровней образовательной подготовки (минимальное значение у имеющих начальное образование – 46,3% и максимум – 60,9% – у лиц с высшим образованием); типов поселения (от 48,5% у проживающих в поселках городского типа до 57,6% у жителей районных, областных (краевых) и республиканских центров). Что касается возраста, то 51,5% 18–29-летних и 56,3% тех, кто старше 60-лет ратуют за стабильность в развитии государства и общества. Анализ этих данных позволяет обратить внимание на то, что старшее поколение, имея большой опыт проживания в годы войны, в т.ч. и холодной, острее реагируют на угрозы безопасности, чем более молодые поколения [Жизненный мир...2016].

Это желание целесообразно сравнить с тем, а как оценивают ситуацию в России в настоящее время, т.е. реальное, а не проектируемое ее положение. Исследование показало, что существуют две противостоящие друг другу позиции, образуя антиномичную характеристику: По данным исследования «Жизненный мир-2014» 39,8% оценивают эту ситуацию как обычную и 6,6% как благоприятную при 36,6% – как кризисную плюс 5,3% – как катастрофическую. По данным Института социологии в 2017 г. нормальной и спокойной ситуацию считали только 31,4% при оценивающих ситуацию как напряженную, кризисную (52,5%) и 7,2% как катастрофическую. Раскол общественного сознания (на позитивные и негативные оценки) налицо, ибо в нем присутствуют взаимоисключающие смыслы. И каждая группа носителей этих смыслов имеет убедительные аргументы, чтобы доказать свою правоту и свою оценку. Можно только обратить внимание, что негатив в 2017 г. вырос, на наш взгляд, в силу непреодоленного экономического кризиса, продолжающихся санкций со стороны Запада, что существенно сказалось на качестве и уровне жизни россиян.

Анализ главных смыслов жизненного мира россиян показывает, что за последние четверть века произошли кардинальные изменения в политической и экономической сфере общества, а соответственно в социальной и духовной. Это истина общеизвестная, не требующая

доказательств. Совсем другое дело – в каком направлении произошли эти изменения, как они сказались на жизни людей и насколько они кардинально повлияли на их отношения с окружающим миром, на сущностную характеристику смысла жизни [Тощенко, 2017].

Это можно проследить на оценке изменений, происшедших в жизненных целях, имеющих наибольшую ценность для человека и его деятельности в основных сферах российского общества – в политике, в экономике, в социальной и духовной сферах.

Смыслы сознания и поведения в сфере экономики

Основные смыслы социально-экономических ориентаций современных российских наемных работников сводятся к стремлению обеспечить устойчивость в своей нынешней и будущей жизни, что, прежде всего, означает решить основу основ – *трудоустройство*. Имеющиеся данные свидетельствуют, что с занятостью существуют огромные, если не сказать колоссальные, проблемы. Согласно мониторинга Института социологии РАН (2017 г.) 43,1% россиян признали, что за последние три года у них были ситуации, когда они не работали и не учились более трех месяцев подряд. Конечно, не всех заявивших об этом можно отнести к прекариату, то сам факт таких перерывов в производственной жизни знаменателен, так как он подтверждает существующее напряжение с трудоустройством значительного числа людей.

О том, что для многих россиян проблемы занятости продолжают быть актуальными, говорит и тот факт, что за последний год на момент опроса в апреле 2017 г. по данным Института социологии РАН, 18,2% заявили, что они сталкивались с проблемами трудоустройства. Среди тех, кто был отнесен к группе «бедных по лишениям», ситуация значительно хуже: 36% из них утверждали, что «возможность устроиться на хорошую работу» значительно ухудшилась (только 5% придерживались противоположного мнения) [Тюрина, 2014:84]. Все это позволяет утверждать, что ситуация с рабочей силой остается достаточно острой и более того, имеет ситуацию к ухудшению. А если к этому добавить и то, что наличие работы еще не всегда означает удовлетворенность ею, той реальностью, которая их окружает на месте их конкретной работы. Исследование бедности в 2013 г. пока-

зало, что даже те бедные, которые имеют работу, находятся в ограничении их прав: только 58% из них имеют официальное оформление на работу (трудовой контракт, приказ), в то время как 70% других имеют фиксирующее их правовое положение на производстве. Это поражение в правах касается и оплаты труда – только 40% из них получают «белую» зарплату (у других групп – 55%). Отсюда становится вполне понятно, что прекаризация условий и организации труда работников, и особенно к ущемленным в них, ведет к нестабильности рабочих мест, текучести кадров. Для многих из них такая ситуация оборачивается более низкой оплатой труда, практическим отсутствием карьерного роста и возможностей профессионального продвижения, включая перспективы повышения квалификации.

Это исследование выявило интересный факт: представители относительно благополучных (небедных) слоев населения гораздо чаще, нежели те, кто относится к российской бедноте, работают в государственном секторе экономики. В то же время удельный вес бедных, кто заявляет, что трудится на частных и акционерных предприятиях, гораздо выше, по сравнению с другими группами, особенно теми, кто относит себя к работникам преимущественно умственного труда [Тюрина, 2014:90–91].

Трудоустройство тесно связано с такой формой стабильности положения работника как оплата труда, так как с точки зрения жизнесмыслового содержания личной жизни она тесно коррелирует с оценкой уровня материальной обеспеченности. По данным Института социологии РАН в апреле 2017 г. только 15,9% заявили о хорошем материальном обеспечении при 21,5% давших оценку «плохо». В октябре 2014 г. – 54% (ЖМ-2014) утверждали, что живут от зарплаты до зарплаты. А 14% (2017г.) 10% (2014 г.) соответственно заявили, что они «еле сводят концы с концами». Несмотря на некоторую разницу в формулировках вопроса, можно сказать, что смысл – обеспечить себе достойный уровень жизненно-важного потребления – по-прежнему не реализован, хотя и произошли некоторые позитивные перемены. Анализ этих данных в то же время позволяет утверждать, что, несмотря на часто звучащие обвинения людей в «потребительстве», тем не менее, говорить о том, что люди сводят смысл своего существования только к обеспечению своего существования, желаемого уровня и качества жизни (пусть и по их меркам) – вряд ли уместно.

Благосостояние и благополучие было, есть и будет важнейшим смыслом деятельности людей при организации своей жизни. Вместе с тем, люди остро реагируют на изменения в материальном положении, делает их жизнь неустойчивой, т.е. прекаризирует ее.

В этой связи важно заметить оценку труда как средства достижения благосостояния. Россиян волнует, как оплачивается их труд, какое место в жизни занимает трудовая деятельность, их профессия, их вписанность в экономические реалии, в иерархию социальных статусов и социального престижа. По данным ЖМ-2014, только каждый пятый (20,1%) считает, что его труд оценивается справедливо. А остальные или ставят под сомнение (39,6%) или отрицают (24,7%) справедливость его оплаты. Иначе говоря, смысл трудовой жизни, нацеленный на признание человеком достойной оплаты труда, для большинства не достигается, что также становится базой и основой для социальной недовольства и напряженности.

Отметим также, что видения материального положения, то оно значительно критичнее: 47,1% оценили его как удовлетворительное, и практически столько же – 47,3% – отнесли себя к имеющим низкие и ниже среднего доходы. Здесь мы встречаемся с любопытным фактом – если материально положение оценивается по факту, в основе которого лежит степень реального удовлетворения потребностей, а также сравнение и сопоставление с другими социальными группами, в том числе и за рубежом, то при оценке социального статуса играет роль другой фактор – пафос, когда человек не хочет признавать себя проигравшим побежденным или униженным в сложившихся жизненных обстоятельствах. В этих условиях человек как бы оправдывает себя, в своей самооценке возвышает себя в представлениях о своем месте в жизни и стремится к тому, чтобы окружение признавало его как полноценного члена общества. Этот отказ признавать себя проигравшим в сложившихся жизненных обстоятельствах характерен и для прекариев, которым дороже социальный статус, чем реальное социальное положение.

О том, как происходит унижение человеческого достоинства, можно проследить на том до сих пор не изжитом факте – задержке оплаты труда. Не только в период кризиса, но и после него, в том числе и после нынешнего, начавшегося в 2014 г., продолжается практика в основном частных предпринимателей задерживать или не

выплачивать заработную плату работникам. В СМИ постоянно анализируются такие факты. Но в целом они выливаются в значительную сумму. Так в 2017 г. эта задолженность достигла несколько триллионов рублей и практически в каждом случае потребовалось вмешательство политических органов власти, чтобы не довести эти случаи до социального взрыва. Мимикрией и искажением сути и принципов оплаты труда является такие ситуации, когда работников принуждают к согласию получать компенсацию в виде натуральной формы, т.е. той продукцией, которую производит организация. Анализируя эти факты, Ф. Шереги делает вывод об отсутствии ответственности таких работодателей, о слабости правового регулирования трудовых отношений и о продолжающемся функционировании дикого, первобытного капитализма в России [Шереги, 2015].

Говоря о смыслах сознания и поведения в сфере экономики, следует, на наш взгляд, охарактеризовать отношение людей к экономической политике государства. Анализ эмпирических данных показывает, что оценки экономических реформ аморфны, разноречивы, дестабилизированы. Только немногим более одной трети (38,4%) заявили, то она осуществляется в правильном направлении. Неудовлетворенность преобразованиями в экономике зиждется на том, что реальность далека от заявленных целей, хотя людьми признаются отдельные сдвиги – это касается, в основном, того, что произошло насыщение рынка товарами. В этом отношении показательно, что почти 40% затруднились сформулировать свою оценку осуществляемым экономическим реформам, что в совокупности с негативной оценкой более чем каждого пятого (22,7%) говорит о том, что для большинства населения происходящие изменения не совпадают с желаемым смыслом, который бы олицетворял сближение личных целей с официально провозглашенными (Жизненный мир..., 2016: 352).

Все это позволяет сделать вывод, что в сфере экономике для многих россиян как наемных работников характерны основные признаки прекаризации, т.е. неопределенности, неустойчивости, негарантированности в сфере труда, его организации, его условий и оплаты.

О масштабах прекарного состояния многих людей можно судить и реальных взаимоотношениях работодателя и работника. По данным Института социологии РАН (2017 г.) только 51,7% были официально оформлены на работу по письменному трудовому контракту.

А что это значит? Это те миллионы людей, которые, по официальным данным, работают, но неизвестно где, а соответственно, с ними не установлены правовые, социальные и другие формы взаимодействия, которые влияют на гарантии деловых и устойчивых взаимоотношений с государством. Стоит обратить внимание, что только 46,5% получают «белую» зарплату. А это значит, что идет утаивание от государства доходов собственников в силу самых разных причин – от изъятий в правовых гарантиях ведения бизнеса до примитивных форм сокрытия прибыли. При этом, всего 42,6% работникам оплачиваются отпуска и больничные листы согласно требованиям российского законодательства, и только 22,4% оплачивается сверхурочные в случае выполнения дополнительных заданий.

Смыслы жизненного мира precarious в социальной сфере

Для понимания смысла жизненного мира наемных работников в его социальном измерении приобретает оценка человеком своего социального статуса. По данным ЖМ-2014 г. свое место в обществе 55,1% оценили как среднее, 34% – как низшее или ниже среднего при 10,6% убежденных в своем высоком или выше среднего статусе положении. Такое заключение коррелирует с данными Института социологии РАН, которые свидетельствуют, что только 40% людей относят себя к самодостаточным [Горшков, Седова, 2015]. В то же время это говорит о том, практически треть населения скептически рассматривает свой статус – их субъективная оценка не позволяет им надеется на его позитивное изменение. И это имеет свое обоснование. Людям трудно расставаться с сознанием того, что социальное положение, которого они достигли и считали его своим достижением и/или заслугой, становится неопределенным, «плывет». Даже в той ситуации, когда ранее они не были в полной мере удовлетворены своим статусом, они начинают оценивать свое прежнее положение с нынешнего состояния своей жизни и трудовой деятельности. А если к этому они лишились работы по имеющейся профессии, заняли более низкое социальное положение, то на этой основе они начинают говорить о потерях, имеющих не столько экономический, сколько социальный и нравственный характер. И тогда на пер-

вый план выходит не столько доход, оплата труда, сколько неуверенность в нынешнем положении, осознание потери прежней стабильности. Вот почему, по данным мониторинга Института социологии РАН, 39,4% считают, что в современной России существует несправедливость (только 6,8% в то же время сказали, что несправедливость была присуща и СССР).

Говоря о смыслах сознания и поведения в социальной сфере, следует обратить внимание, что они незначительно изменились за последние 25 лет: по-прежнему первые места в ориентациях людей занимает семья и здоровье. Более того, их значимость и вес в структуре жизненных позиций, по данным «Жизненного мира-2014», выросла и составила в 2014 г. для 95% (семья) и для 87,6% (здоровье). Вместе с тем, в объяснении роли и значения семьи имеется огромное противоречие, которое при всех попытках его интерпретации оставляет впечатление его неполноты и односторонности – наряду с высокой оценкой роли и значения семьи продолжается увеличение числа распавшихся брачных союзов. Иначе говоря, и для семьи характерна высокая степень неустойчивости.

Что касается здоровья, то его оценка как смысла жизни сводится к тому, что люди, особенно с увеличением возраста, во все большей мере хотят видеть гарантированную охрану здоровья, иметь веру в эффективное функционирование здравоохранение. Именно желание вести здоровый образ жизни (в этом смысл) подталкивает людей декларировать свои намерения, но, к сожалению, далеко не всегда не претворять их в жизнь. По данным Института социологии РАН (2017 г.) обеспокоенность людей проблемами, связанными со здоровьем заняла второе место (24,4%) после оценки состояния материального положения как плохого (31,8%). И такое состояние в первую очередь касается прекариата, который практически лишен гарантированно медицинской помощи: об этом заявил каждый десятый. Исследование бедности в 2013 г. показало, что только 45% из них подтвердили (по сравнению с 63% других групп), что им оплачиваются отпуска и больничные листы в размерах согласно российского законодательства [Бедность и бедные... 2014:91].

По данным ЖМ-2014, 55,7% россиян волнует *состояние здравоохранения*. И это не удивительно. Чехарда законодательных актов и различных местных инициатив привели к устойчивой убежденности

многих людей, что все эти преобразования нацелены не столько на разумное и рациональное решение насущных и назревших проблем, сколько на реализацию пресловутого лозунга – «рынок решит все». В результате произошло неоправданное и непонятое людям увеличение оплаты за всевозможные и ненужные услуги, попытки переложить все заботы о состоянии жилья на плечи самих жильцов (помимо ранее установленной оплаты за жилье). Что касается здравоохранения, но массовая ликвидация (на селе) или укрупнение и специализация (в городах), уже привели к тому, что уже в 2015 г. повысилась смертность, резко ухудшились условия для поддержания здоровья у людей преклонного возраста, а также для будущих и молодых матерей при официальной провозглашенной заботе о повышении продолжительности жизни и увеличении рождаемости. Иначе говоря, многие аспекты демографической и семейной политики решаются именно на этом уровне социальной организации общества, т.е. там, где человек работает и живет. Однако эти виды политики – и семейная и демографическая – демонстрируют непоследовательность и непостоянство, нередко усугубляя и так сложное состояние по охране материнства и детства, по соблюдению и гарантированности заботы всего населения с особым акцентом на соблюдение прав пенсионеров, инвалидов, людей с ограниченными возможностями (Подробнее см.: Рыбаковский, 2015). А если затронуть такой вопрос как профилактика, то можно сказать, что она полностью провалилась. А ведь это та проблема, которая должна решаться в первую очередь именно там, где человек работает и живет.

Роль смысла в обеспечении и заботе о здоровом образе жизни коррелирует с оценкой роли места и роли ближайшего окружения. Оно олицетворяет взаимоотношения с теми людьми, с которыми человек совместно трудится и общается в повседневной жизни. По месту работы человек оценивает, прежде всего, ту общую ситуацию, в которой он находится в процессе выполнения трудовых функций. Это мироощущение складывается из многих показателей – мнения об условиях и организации труда, оценки оплаты труда, отношений в первичном коллективе, контактах с руководителями. Но основным смыслом, который удерживает человека на этом рабочем месте, все же является обобщающая оценка своей производственной организации, которая выражается в удовлетворенности содержанием труда,

совпадением его с профессиональной подготовкой и их востребованностью.

Значение круга близких и родных тоже значительно выросло и заняло в ориентациях человека одно из ведущих мест. Показательно, что на вопрос анкеты «К кому Вы обратитесь за помощью в трудную минуту жизни?» именно эти две институции – семья и близкие – потеснили все другие адреса. В современной России ушли на задний план те организации, которые в Советском Союзе занимали ведущее место в оказании возможной помощи – руководители предприятий, советских и партийных органов власти, общественных организаций и особенно профсоюза.

Говоря об основных смыслах жизненного мира в социальной сфере, можно сказать, что важной проблемой выступают инфраструктурные показатели, обеспечивающих условия жизни. Как показало исследование ЖМ-2014, жителей, как городов, так и сел, волнуют те проблемы, которые обеспечивают и создают приемлемые для человека условия жизни, среди которых на первый план выступает обеспеченность элементарных базовых потребностей: 54,7% волнуется плохое решение жилищно-коммунальных проблем. Именно эти проблемы в последние годы, по данным других исследовательских центров, фигурируют в опросах населения как наиболее актуальные и значительные для организации повседневной жизни людей наряду с ростом цен, ростом дороговизны товаров повседневного спроса [см., например, Лапин и др., 2009; Левашов, 2013].

Социальные гарантии проявляются также в удовлетворенности жильем, питанием, медицинской помощью. Однако по данным Института социологии РАН только 8% представителей прекарных групп, которые принадлежат к бедным, заявили, что их работодатели обеспечивают поддержку в решении проблем жилья, коммунальных услуг, питания и экологии [Бедность и бедные..., 2014:91].

*Прекаризация смыслов жизненного мира
в сфере политики*

Интересный аспект представляет анализ изменений смыслов жизненного мира россиян в сфере политики. Мы согласны с мнением В.

Петухова, что такой прекарный слой как бедные не являются сегодня самостоятельной политической силой, формирующей особую повестку дня [Петухов, 2014:237]. Однако это не означает, что как и все наемные работники, так и этот слой не имеют своего мнения, своих суждений по общественно-политическим вопросам.

Суть смыслов поведения в политике находит отражение в конкретных оценках тех политических проблем, которые волнуют людей. Так, мониторинг Института социологии РАН 2017 г. (6 волна) показывает, что самыми острыми противоречиями в российском обществе были названы: между властью и народом (36,2%), между чиновниками и гражданами (24,3%). Как видно, что стремление к справедливости подрывается политическими (претензиями к власти предрержащих) и социально-экономическим причинами (реальным противостоянием богатых и бедных), что касается в первую очередь тех, кто стоит перед нерешенной проблемой – как обеспечить достойную жизнь.

Так как часто в выступлениях политиков звучат слова о России как демократическом государстве, то важно эти слова соотнести с суждениями населения России. А реальность такова, что почти одна треть (29,3%) не удовлетворена, и 55,7% – частично удовлетворена ее состоянием в России. Это значительно меньше того, что было в общественном сознании в начале 1990-х годов, когда демократичность развития признавалась многими, за нее ратовало большинство населения, была лозунгом и ориентиром для тех, кто жаждал позитивных изменений и отвергал советское ее понимание. Но как показывают данные, достижение этого смысла оказалось далеко не таким, как ожидалось [Жизненный мир..., 2016]. Стоит особо отметить, что такое распространенное понятие как демократия перестает быть неким идеологическим штампом или прекраснодушным пожеланием, а приобретает конкретные черты – главным образом в том, обеспечивается ли реальное равенство различных социальных групп. Исследование бедности в 2013 г. показало, что 41% россиян, в том числе и те, кто относится к прекарным слоям, считают, что равенство всех перед законом является ключевой идеей модернизации страны. При этом 70% считали, что суды защищают интересы богатых чаще, чем интересы простых людей, Анализ других проблем проявления неравенства позволяет сделать вывод, что оно для бедных слоев

населения имеет вполне реальное, практические основания, превращая их в состояние депривации [Мареева, 2014:149].

В настоящее время сложилась парадоксальная ситуации – при высокой степени доверия к президенту страны существует весьма критическая оценка других представителей власти – при 90,3% доверии первому лицу государства, не доверяет правительству каждый пятый (19,5%), каждый третий (30,6%) – Государственной Думе. А особенно жесткой критике подвергаются правоохранные и правообеспечивающие органы – им в полной мере доверяет только каждый шестой-седьмой человек. А ведь именно эти органы олицетворяют, по мнению людей, справедливость в обществе, защиту интересов людей в непростых жизненных ситуациях. На наш взгляд, именно правовые органы закладывают основы доверия и принципов соблюдения справедливости к российской государственности. Поэтому не удивителен тот факт, что, по мнению 41% россиян, государство защищает интересы богатых и чиновников при 33,7% затруднившихся ответить на этот вопрос и только при 21% убежденных, что политическая власть стоит на стороне всех граждан России. Отсюда вытекает и желание бедных: 34% из них считают, что «нынешняя власть должна быть заменена во чтобы ни стало» при 63% склонных к компромиссу. Но и те и другие – а именно 70% – убеждены, что для преодоления такой ситуации в стране «России необходима «твердая рука», которая наведет в стране порядок» [Бедность и бедные..., 2014:245].

Существуют серьезные препятствия на пути становления россиян как полноценных и полноправных членов общества. Показателем этой тревожной ситуации является тот факт, что 93,7% утверждают (убеждены), что они не могут никаким образом влиять на принятие государственных решений в стране; 80,3% отвечали, что ни в каких общественных организациях они не состоят, 53,5% не участвовали ни в каких формах политической жизни – ни в выборах, ни в демонстрациях, митингах, пикетах, ни в подписях петиций и обращений. Это контрастирует с данными 1991 г., когда только несколько процентов дистанцировались от участия в политической жизни [Жизненный мир..., 2016: 356–357].

При таких показателях можно говорить только об аномии, которая складывается только тогда, когда произошла потеря прежних гражданских ценностных ориентаций и установок и не сформирова-

лись новые, понятные и принятые на уровне самосознания себя как гражданина, как полноправного и заинтересованного члена существующего общества. Отчуждение людей проявляется и в резком снижении интереса к политической информации. В 2014г. лишь 15,8% заявили о постоянном интересе к политике и 50,6% – к отдельным политическим проблемам, что серьезно отличает эту установку от данных конца 1980-х – начала 1990-х годов. По данным Института социологии в 2013 г. было зафиксировано серьезное различие по отношению к политике между бедными (прекарными) слоями и другими группами населения: 62% бедных заявили об отсутствии интереса к ней, тогда как среди других групп разделяли это мнение только 42%. Отметим также, что только 9% выразили готовность участвовать в митингах и демонстрациях [Петухов, 2014: 248–249]. Такое противоречие вполне объяснимо – в конце 1980-х годов люди небезосновательно ждали серьезных политических перемен и содействовали им в силу имеющихся у них возможностей, то политическое пространство середины 2010-х годов не дает оснований для таких выводов и предположений. А если эти ожидания и питают отдельные группы, то их удельный вес незначителен. В целом можно утверждать, что нестабильность политических ориентаций россиян также говорит об отдельных чертах, которые могут быть отнесены к прекаризации политической жизни страны.

При рассмотрении деформаций *смыслов политической жизни, на наш взгляд, целесообразно учитывать гражданские позиции людей*, так как они живут не только повседневными заботами – их волнуют и проблемы всего мира и своей страны, те события, в которые они непосредственно не включены, но которые не могут не затрагивать их внимания. Конечно, эти проблемы в неодинаковой степени волнуют людей – самые различные социальные группы по-разному включены в мировой и страновой контекст. Но даже те люди, которые дистанцируются от интереса к внешне- и внутриполитическим проблемам, все равно в той или иной мере не могут не реагировать на процессы, происходящие в глобальном или региональном масштабе. Наши исследования выявили как основные смыслы существования и функционирования людей как граждан, так и специфику эволюции и деформацию их позиций на современном этапе развития российского общества.

На наш взгляд, такие позиции проявляются в характеристике человека, идентифицирующего себя как гражданина своей страны, как патриота и лицо, испытывающего гордость за принадлежность к своей стране. По данным ЖМ-14 г. 54,4% считают себя гражданами Российской Федерации, 9,1% – гражданами СССР. Нужно отметить, что опросы населения в начале 1990-х годов показывали, что большинство населения не разделяли свою принадлежность к Советскому Союзу и РСФСР, считая их единым целым, хотя под влиянием распространяющейся пропаганды о защите национальных интересов уже обозначилась растущая группа, ратующая только за защиту интересов России.

Эта тенденция в течение четверти века стала проявляться своеобразно – в увеличении числа людей, отождествляющих себя не с гражданством, а со своей национальной принадлежностью – таких уже в 2014 г. стало 39,2%. Кроме того, по данным Левада-Центра, опрос населения в декабре 2017 г. показал, что 64% людей заявили о вере в особую роль русского народа в истории. В 1992 г. таких было 13%. (<https://lenta.ru/news/2017/12/25/opros/>). На наш взгляд, это можно объяснить всплеском и даже гипер-активизацией этнонационального сознания, растущего в значительной степени под влиянием государственной политики. Но в применении к России, как показывают наши данные, все же гражданские, а не этнонациональные позиции преобладают в общественном сознании и соответственно в поведении, являясь гарантом соблюдения гарантированного стабильного этнополитического развития.

Другой показатель смысла гражданства – патриотизм – свидетельствует, что практически три четвертых (72,6%) заявили о том, что они разделяют эту убежденность (ЖМ-214). Примечательно, что, несмотря на оголтелую критику этой черты сознания и поведения в 1990-е годы (в это время либеральной пропагандой внедрялся лозунг «патриотизм – последнее прибежище для негодяев»), в массовом сознании не произошло отказа от признания себя патриотами, хотя горечь и критика происходящих изменений, и соответственно несогласия и их отвержения была значительна. Однако оценка патриотизма не так однозначна – о его поддержке могут заявлять самые различные и даже противостоящие друг другу политические силы – не только обычные россияне, но и радикалы и клерикалы различных

оттенков и мастей. Т.е. считать ситуацию в сфере политики стабильной и устойчивой не приходится.

В заключение хотелось бы остановиться на таком показателе политического сознания и поведения современных россиян в пространстве политики, как отношение к распаду СССР. Можно утверждать, что распад СССР произошел вопреки мнению большинства населения страны (73% в марте 1991г. проголосовали за его сохранение, что коррелирует с данными общесоюзных исследований в феврале 1991г.). По мере развития России как самостоятельной страны все больше и больше людей стали склоняться к убеждению, что произошла геополитическая катастрофа, которая серьезно изменила их жизнь и отнюдь не в лучшую сторону. Особенно пострадали беднейшие слои. И поэтом не удивительно, что в декабре 2017 г., по данным Левада-Центра, 62–65% россиян признали, что они сожалеют о гибели такой страны [Ностальгия по СССР, 2017]. По данным Института социологии, в 2017 г. 66,7% основной потерей для страны назвали отход от идей социализма.

На политические позиции и особенно в определении будущего повлиял произошедший раскол общественного сознания на различные мировоззренческие позиции, которые в основном касаются двух противостоящих друг другу убеждений – нелиберальных и социалистических. Показательно, что с начала 1990-х годов и до начала 2010-х годов смысл политических ориентаций мало изменился. На парламентских выборах 1994г. примерно одна треть голосовала за поддержку левых партий (коммунистических, социалистических, социал-демократических), а за правые партии (либералов, христианских демократов и др.) только каждый пятый (около 20%). Комментарии некоторых социологов ВЦИОМ (Левада-Центра) того периода сводились к тому, что это голосуют остатки приверженцев советского строя, они скоро уйдут с общественной сцены и наступит полная гегемония либеральных идей. Но вот пришли 2010-е годы, которые показали, что социалистические ориентации сохранились (21,2% заявили о поддержке левых позиций, а 18,8% – правых). И эти идеи стали разделяться теми, кто попал в стесненные, критические обстоятельства. Это лишний раз подтверждает, что классы никуда не исчезли – они изменили свое исходное содержание и восприятие происходящих изменений и катаклизмов.

Появились и некоторые другие аспекты политического сознания и поведения, которые в значительной мере касались прекарных слоев. Выросла численность тех, кто видит смысл в реализации патриотических, национальных интересов – их разделяет почти каждый третий (28,7%). Этот всплеск ориентаций на идеи патриотизма и национальной самобытности стал особым явлением, специфическим феноменом. В значительной степени это объясняется тем, что русские (как и другие народы) под влиянием происходящих катаклизмов и угроз стали в большей мере ценить уникальность своего исторического развития, свои особенные интересы, свою культуру, не желая уподобляться некоей аморфной с космополитическими убеждениями массе (по данным ЖМ-2014, только 1,6% идентифицировали себя как граждане мира). При этом, обращаем внимание на то, что это стремление быть патриотом активно используется не только официальной, но и националистической пропагандой, что делает часть людей сторонниками этноэгоизма разного толка, вплоть до экстремизма. Не следует исключать и тот факт, что на рост национального (и националистического) самосознания оказала убежденность в том, что с Россией перестали считаться как с силой, утратившей свое влияние на происходящие в мире процессы [Жизненный мир..., 2016: 69–88].

Смыслы жизни человека в духовно-нравственной сфере

Смысл идей в сфере культуры люди, прежде всего, видят в сохранении духовности. Однако эта ориентация не воплощается в реальной жизни: большинство – 62,4% очень тревожит и 31,5% тревожит в средней степени падение морали, нравственности. Несмотря на попытки опереться на религию, на исторические традиции, желание заимствовать опыт других стран, они не дают должного эффекта. Это стремление подрывается: а) господствующей установкой (и воплощающейся в реальность), что успех в жизни обеспечивается владением капиталом, финансовыми средствами (мнение 67%); б) убежденностью, что продвижение по службе (карьере) во многом зависит от влиятельных связей (мнение 57%); в) обладанием властью или ее обслуживанием (мнение 58,2%); г) ориентацией средств массовой информации и прежде всего телевидения на коммерческий успех,

результатом чего стала пропаганда ориентация на низкопробные, а иногда и извращенные вкусы; д) ликвидацией воспитательных функций во всех структурах образования – от дошкольного до высшего (мнение 93,6%) [Жизненный мир..., 2016: 352–363]. Это тем более показательно, что роль таких духовно-ценностных факторов значительно принижена: роль образования и профессиональной подготовки в успешном строительстве своей жизни отметили только 19%, и практически столько же – 19,9% – роль личных качеств (привлекательности, ума, таланта).

Таким образом, духовность следует искать не только в сфере культуры, образования, науки, религии. Она порождается и публичной жизнью, структурой взаимоотношений с ближайшим окружением, а также тем, какие отрицательные явления видят люди в современном российском обществе. В этой связи особенно хотелось бы подчеркнуть, что человеческое измерение этих явлений присуще большинству людей – 93,6% не хотят мириться с наркоманией, 93,9% – с алкоголизмом и пьянством, 91,9% – с грубостью и хамством. Что же касается отрицательных процессов в общественном измерении, то 87,4% осуждают коррупцию и взяточничество, 84,3% – бюрократизм, 92,4% – воровство, 72,1% – страсть к обогащению. Правда, приходится констатировать, что это выражение тревог по поводу негативных явлений носит пассивный, вербальный характер и практически никак не реализуется в конкретной общественной деятельности. Об этом косвенно говорит тот факт, что 80,3% заявили, что ни в каких общественных организациях они не состоят. А еще 82,5% заявили, что в год опроса (2014) они не участвовали ни в каких культурных мероприятиях.

Все это позволяет сделать вывод, что, что видя один из смыслов своей жизни – быть духовно богатым человеком и желая иметь достойное общество, в котором они живут, люди мало делают для того, чтобы содействовать сплочению людей, достойному образу жизни и духовному спокойствию во имя личного и общественного будущего.

В духовно-культурном развитии всегда значительную роль играла интеллигенция. Однако ее влияние оценивается в настоящее время довольно скромно, если не сказать более точно: она потеряла роль той нравственной силы, которую играла с конца XIX и практически весь XX век. По данным ЖМ-2014, две трети россиян (68,6%) считают,

что она играет незначительную роль (23,7%), практически никакой (19,7%) при 25% затруднившихся ответить. Все это позволяет заключить, что в настоящее время в России нет той силы, которая бы олицетворяла в полной мере нравственный потенциал народа, была бы ориентиром для вступающей в жизнь молодежи, судьей на пути постижения смысла жизни.

Социологические исследования показывают, что к смыслам духовности не может быть отнесена и религия. Несмотря на упования в ее мобилизующей и укрепляющей моральны устои народа, дело обстоит не так, как хотелось бы приверженцам православия, ислама и других конфессий. По данным ЖМ-2014 только 25,8% отнесли себя к истинно верующим. Остальные или сомневаются в приверженности к вере (47,4%) или являются агностиками (15,7%) и атеистами (4,1%). При этом надо сравнить и с другими данными, которые подвергают сомнению полноту и объективность официальных утверждений: оказываются, что соблюдают все религиозные каноны и догмы (регулярно – 3–4 раза в месяц 6,3% посещают церковь, мечеть, синагогу и другие культовые места, 19,1% делают это нерегулярно, при 37,3% посещающих эти места редко (1–2 раза в год) и еще при 37,1% не осуществлявших этих действий. Очевидно, что делать ставку в духовном возрождении народа только на религию не приходится. Ибо у многих людей ответственность перед семьей, обществом, будущим, страной зиждется на других, не менее веских основаниях, которые по силе убежденности не уступают надежде на Бога.

* * *

Итак, смысловые основы жизненного мира россиян как наемных работников отражают идеальное содержание, предназначение, а также стремление людей ориентироваться на достижение приемлемых и одобряемых ими целей, в которых органически соединяется общее, особенное (специфическое) и индивидуальное в их сопоставлении с требованиями окружающей действительности и всем многообразием общественной жизни. Однако анализ их реального жизненного мира во всех его сферах показывает, что ему во многом присущи черты мира прекариата с его неустойчивостью, нестабильностью, противоречивостью. Этот вывод тем более важен, что современная ситуация свидетельствует о том, что часть так называемого

среднего класса стремительно приобретает такое же неустойчивое трудовое и социальное положение, как и миллионы тех, кто живет в этом неустойчивом, нестабильном, негарантированном мире.

Список литературы:

1. Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014.
2. *Голенкова З.Т., Голицусова Ю.В.* Прекариат как новое явление в современной социальной структуре /Наемный работник в современной России /Отв. ред. З.Т.Голенкова. М.: Новый Хронограф. 2015.
3. *Горшков М.К., Седова Н.Н.* «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015, №12.
4. *Дружилов С.А.* Прекариат и неформальная трудовая занятость в России: социально-психологические аспекты // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 1. Ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/01/9491> (дата обращения: 12.01.2018).
5. *Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.).* /под ред. Ж.Т.Тощенко. М.: ЦСП и М. 2016.
6. *Лапин Н.И. и др.* Регионы России. Социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009.
7. *Левашов В.К.* Российское государство в период либеральных реформ. М. ЦСПиМ. 2013
8. *Мареева С.В.* Справедливость и неравенства в современной России в восприятии бедных // Бедность и бедные в современной России /Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014.
9. *Ностальгия по СССР.* Левада центр. 2017. 25 декабря.
10. *Петухов В.А.* Бедные в России: отношение к власти, политическое участие, протестный потенциал // Бедность и бедные в современной России /Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014.
11. *Российское общество как оно есть.* М., 2018.
12. *Рыбаковский Л.Л.* Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования //Социологические исследования. 2015, №9.

13. Тихонова Н.Е. Гетерогенность бедности в современной России // Бедность и бедные в современной России /Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014.

14. Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс //Социологические исследования. 2015. №.6.

15. Тощенко Ж.Т. Смыслы как ключевая, качественная и сущностная характеристика жизненного мира /Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.

16. Тощенко Ж.Т. Травма как деформация эволюционного и революционного развития общества (опыт социологического теоретизирования) // Социол. исслед. 2017.№ 4.

17. Тюрина И.О. О бедных на рынке труда // Бедность и бедные в современной России /Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014.

18. ФОМ (Фонд общественного мнения) //ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/society/2260890.html> (дата обращения 10.04.2017).

19. Шереги Ф.Э. Интеграция организаций российского сектора генерации знаний и высокотехнологичных компаний: изменения за период 2011–2015 годы М.: ЦСП и М, 2015.

20. Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) //Социологические исследования. 2015, №12. с. 99–110.

21. Neilson D. Class, Precarity and Anxiety under Neoliberal Global Capitalism: From Denial to resistance // Theory and Psychology 2015? Vol. 25 (2) P. 184–201.

22. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London: Bloomsbury Academic, 2011.

Городецкий Андрей Евгеньевич,
д.э.н., профессор,
руководитель научного направления
«Институты современной экономики
и инновационного развития»,
Институт экономики РАН

**Государство
и новое индустриальное общество:
проблемы соответствия и партнерства**

Аннотация. Экономическая природа государства. Либеральные взгляды на роль государства в экономике. Возникновение и развитие вмешательства государства в экономику. Его основания и причины. Государственное регулирование и эволюция моделей регулирующего государства. Кризис модели регулирующего государства. Не-западные модели государственного регулирования и опыт государства развития. Вопрос о его универсализме. Исторические вызовы и эволюция экономической модели государства. Ноосферный вызов и его влияние. Новое понимание государственного управления как диалога властных элит и гражданского общества, демократических процедур выработки и согласования политических решений. Государство развития для стран развитой демократии.

Ключевые слова: Модель интервенционистского государства, модель регулирующего государства, социальное государство и его разновидности, государство и планирующие системы Гэлбрэйта, не-западные модели и государство развития, ноосферный вызов и будущее модели государства развития, Россия и стратегические проекты/государственные программы в контексте их реализации, Россия и государство развития

Gorodetsky Andrey,

Doctor of Economics, Associate Professor,

Supervisor scientific direction

«The institutions of the modern economy and innovation development» of the Institute of Economics RAS

**State and new industrial society:
problems of compliance and partnership**

Abstract. The economic nature of the state. Liberal views on the role of the state in the economy. The emergence and development of state intervention in the economy. Its foundations and causes. State regulation and evolution of regulatory state models. Crisis of the regulatory state model. Non-Western models of state regulation and the experience of the state of development. The question of its universalism. Historical challenges and the evolution of the economic model of the state. Noosphere challenge and its influence. A new understanding of public administration as a dialogue between the power elites and civil society, democratic procedures for the development and coordination of political decisions. The state of development of the countries of developed democracy.

Keywords. The interventionist model of the state, regulatory state model, the welfare state and its varieties, the state and planning system of Galbraith, non-Western model and the state of development of the noospheric challenge and the future of the developmental state, Russia and strategic projects/programs in the context of their implementation, the Russian state development

1. Об эволюции модели регулирующего государства

Роль государства в экономике во все экономические эпохи существенна. Оно выполняет целый ряд регулирующих и управленческих функций, которые традиционное рыночное саморегулирование выполняет плохо или не способно выполнять вообще. Даже в системе капитализма свободной конкуренции государство, в условиях господства классической либеральной парадигмы о вреде и нежелательности вмешательства государства в экономику, допускалось, что

есть такие реальные условия, при которых рынок дает сбои, имеют место так называемые «рыночные провалы», который неустраним без вмешательства государства.

Классический либерализм (Дж. Локк, И. Бентам, А. Смит, Д. Рикардо, Дж.С. Милль) отвергали всякое вмешательство государство в экономику. Вместе с тем, зачатки признания за государством его объективной роли в качестве регулятора в экономике имеется уже у И. Бентама (Бентам, 1896, Атаян, 2011) Непредвзятый анализ взглядов и идей И. Бентама свидетельствует о невозможности исключения государства из сферы регулирования общественных, в том числе, экономических отношений, прежде всего, по критерию обеспечения безопасности собственности и её использования, общественных отношений. Но, справедливости ради, следует отметить, что государственное вмешательство в экономику у классиков экономического либерализма всё-таки носит чрезвычайный характер.

В исторической практике государственное регулирование стало реально складываться ещё в эпоху капитализма свободной конкуренции.. Век антибуржуазных революций, классовых конфликтов, становление социалистической мысли и левых движений, рабочего профсоюзного движения, ожесточенная конкуренция между капиталами и капиталистами, переходящая (в тенденции) в свою противоположность, – монополию, – с необходимостью ставили вопрос о сохранении базовых экономических, социальных и политических устоев капиталистического строя. Эту охранительную функцию брало на себя государство путем непосредственного вторжения (вмешательства) в экономику, создания регулярных институтов такого вмешательства. В этом смысле происходит его становление как патерналистского государства. Теоретический анализ феномена патернализма широко представлен в работах А.Я. Рубенштейна и Р.С. Гринберга в рамках исследований концепции опекаемых благ. (Р.С. Гринберг, А.Я. Рубинштейн; А.Я. Рубинштейн; 2000, 2013, 2016, 2015, 2016).

Но оно, по своему характеру было внешним, интервенционистским, ограничительным по отношению к частной инициативе, экономике, рынку и рыночному саморегулированию, хотя по механизмам воздействия и представляло собой протомодель государственного регулирования как часть экономической системы. Поэтому мы

определяем её как экономическую модель интервенционистского государства.

Модель интервенционистского государства в значительной степени модифицировалась в связи с перерастанием капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм, созданием антитрестовского законодательства и институтов антимонопольного регулирования.

В конце XIX в. экономическая и социальная власть, сосредоточенная в руках монополистических групп, усилилась настолько, что либеральное государство уже не отвечало потребностям социально-экономического развития. Невмешательство (в той мере, в какой оно было реальным) государства в сферу экономики и гражданского общества стало оборачиваться против свободной конкуренции и господства права, характерного для рыночной экономики. Вмешательство государства становится объективной потребностью в интересах общества, его основных классов. Возникает такой мощный институт как антимонопольное законодательство. Развивается акционерное право.

В XX веке эта экономическая модель государства претерпела существенные изменения. Спусковым крючком послужила Великая депрессия на Западе, социалистическая революция и опыт развития плановой экономики на Востоке. Рубежный этап экономической эволюции государства – кейнсианская революция в экономической теории. В новом варианте государственное вмешательство стало воплощением необходимости системного макроэкономического анализа и планирования в интересах стимулирования экономического роста, поддержания макроэкономической стабильности и антициклического регулирования. Иными словами, оно было ответом, прежде всего, на провалы рынка. Государство на постоянной основе осуществляет экономическое регулирование предложения и спроса, позволяющее исправлять провалы рынка и обеспечивать долговременное экономическое равновесие. Это означает, что внешнее вмешательство государства в экономику, позволяющее купировать наиболее опасные социальные и экономические изъяны рынка, трансформируется во внутренний, постоянный и органичный элемент регулирования экономики. Интервенционистская экономическая модель государства развивается в модель регулирующего государства.

В своем развитии модель регулирующего государства приобретает ряд новых характеристик, связанных с расширением сферы и функций его экономико-регулирующей деятельности, позволяющих говорить об относительно самостоятельных модификациях этой модели. Теоретически это нашло своё отражение в эволюции кейнсианских и неокейнсианских школ, научной революции Дж. Гэлбрэйта, воздействии социалистических («шведский социализм» и шведские экономические школы) и социал-демократических идей на теоретические воззрения ученых и политические практики правительств. Модель регулирующего государства видоизменяется в различные версии (англосаксонские, скандинавские, континентальные европейские, корпоративные) социального государства. Позднее, – в модель планирующих систем Дж.К. Гэлбрэйта.

Кризис модели регулирующего государства в целом, пришелся на конец 1970 – начало 1980 гг., когда возобладали идеи и практическая политика неоконсервативной революции, тэтчеризм и рейганомика. Глубинными причинами этого тренда стали разрастание и бюрократизация государственного аппарата, критическое нарастание «социального пузыря», – расходов государственных бюджетов на социальные нужды, – которые не просто стимулировали рост налоговой нагрузки на государство, бизнес, самих граждан, внесли свой вклад в развитие стагфляции, – но, в принципе, пришли в объективный конфликт с системой мотивации к труду, экономических и трудовых стимулов к росту производительности. Решающий вклад в эти процессы внесла глобализация мировой экономики (*Осадчая, 2001*).

Есть и ещё одна фундаментальная причина кризиса регулирующей модели государства. В условиях новых исторических вызовов патерналистское государство продолжало, по-прежнему, ориентироваться, по преимуществу, на устранение провалов рынка, утрачивая постепенно способность определять общие интересы, формулировать установки развития, что и предопределило реальные угрозы потери общественного благосостояния. Но кризис модели регулирующего государства явился свидетельством и патерналистского провала, что, с одной стороны стимулировало либеральный скептицизм в отношении патерналистского государства, воскрешение веры во всемогущество рынка и рыночного саморегулирования. Капитальная

встряска в период глобального кризиса развеяла неолиберальные упования на реванш либеральных фундаменталистов, но она не дала ответа, что придет на смену классической модели регулирующего государства.

Глобальный кризис не внес каких-либо кардинальных изменений в модель регулирующего государства как таковую, способствуя лишь смягчению в ряде случаев рыночной ортодоксии, отходу, в силу чрезвычайных обстоятельств, от стандартных методов монетаристского подхода к экономическому регулированию. Может быть, именно поэтому нет уверенности в том, что ведущие экономики мира и в, целом, глобальная экономика, окончательно вышли из кризиса, что действующая модель регулирующего государства может задать такие установки, которые не просто обеспечивают проведение эффективной антикризисной, шире, – антициклической политики, но дает возможность определить цели и приоритеты развития в условиях наблюдаемой смены моделей международного экономического и политического порядка, глобализации, геополитической картины мира, балансов сил и интересов.

Отдельная ветвь развития экономической модели государства сложилась первоначально в Японии и Юго-Восточной Азии.

Речь идет об особых, не западных моделях развития на основе государственного капитализма. И в этом случае возникновение новой модели происходит на фоне смены экономических эпох, резкого, скачкообразного перехода от традиционного общества к индустриальному, осуществлению широкой социально-экономической модернизации.

Начиная с 50-х годов XX столетия возникла и успешно развивалась новая разновидность патерналистского государства – модель государства развития (развивающего государства). Она связана со второй и последующими волнами модернизации в так называемых новых индустриальных странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, в последнее двадцатилетие в Китае и Вьетнаме, в ареалах так называемой исламской модернизации (Турция, Иран, Малайзия, Индонезия), созвучного им опыта некоторых постсоветских стран (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан), и, конечно, в странах БРИКС.

Уникален опыт Израиля. В ходе реализации этих модернизационных проектов сформировались соответствующие институты, формы партнерства власти, бизнеса, общества, которые, собственно, и получили отражение в модели государства развития.

В этих странах, как указывает Ч. Джонсон, «государство замещает собой общество и легитимируется посредством политического проекта, такого как социальная революция или экономическое развитие», а главное способностью содействовать и поддерживать развитие (*Johnson, 1982, p. 68*). Характерно, что Д. Хэйли определяет государственное вмешательство в рамках данной модели государства как «тоталитарное по характеру с неограниченным административным усмотрением» (*Haley, 1995, P. 154*). Успех экономической политики в Восточноазиатских государствах, базируется на «их способности противостоять эгоистичным деструктивным частным группам и заботится о национальном интересе», а также в применении мер по содействию и поощрению, вместо запретов и ограничений (*Streeten, 1996, P. 36*).

В целом же Р. Вэйд (*Wade, 1990*) выделяет три главные характеристики государства развития:

- наличие автономных центральных ведомств, предназначенных для формирования и воплощения в жизнь экономической политики;
- отличительная индустриальная политика навстречу экспортно-ориентированной глобальной промышленности;
- значительная роль государства в обеспечении экономического развития и безопасности.

Наиболее характерные черты и проблемы государства развития давно стали объектом теоретического дискурса как ученых в Восточной Азии (Ю. Миканаги, Т. Танасе, К. Джаясурия) так и западных исследователей (Д. Хэйли, Ч. Джонсона, С. Пекканен, Ч. Макмиллана, С. Любмена, Д. Виллера, П. Поттера, К. Гудмана. Причем этот опыт воспринимается неоднозначно: одни отмечают наступление так называемого «Азиатского столетия» и выходе на историческую сцену новых «лидеров глобальной повестки дня» (*Report on the World Economic Forum, 2008*).

Другие предпочитают обращать внимание на «бюрократические рыночные экономики» в странах «азиатской модели» (*Pitman, 2001; Huang, ed., 2001*), молчаливо предполагая, что модель государства

развития ожидает та же участь, что и модели регулирующего государства.

Можно предположить, что опыт азиатских стран с использованием модели государства развития сегодня актуален для стран Запада, где модель регулирующего государства вошла в полосу истощения своих возможностей, и, тем более, для России, где попытки использования неолиберальных моделей вчерашнего дня провоцируют череду экономических неудач. Но возможно ли использовать опыт применения модели государства развития в том виде, как она сложилась ранее, для стран европейской и североамериканской традиций? Если да, то в какой мере, и в каком виде?

Сегодня мир вошел в очередную эпоху глобального трансформационного кризиса, возросшей турбулентности развития, объективно назревших фундаментальных перемен. Это понимают экономисты различной ориентации. Ясно, что экономическая модель государства претерпевает изменения. Чтобы понять, в каком направлении они происходят, необходимо более полно понять суть происходящих перемен.

2. О фундаментальных исторических вызовах и глобальных социально-экономических трендах

Новые исторические вызовы ставят нас перед очевидным фактом: на новом витке развития, перед лицом наступающей новой экономической эпохи система неолиберальных ценностей, основанных на условном мире идеальной экономической свободы и абсолютного рыночного саморегулирования, вновь уступает место «осознанной необходимости» социально ответственного, регулирующего и развивающего государства (будь то национальные государства или определенные наднациональные институты).

Ниже приводится примерный состав современных исторических вызовов.

В этом перечне не хватает, пожалуй, одного из самых важных, фундаментальных вызовов, – **ноосферного**. В этом контексте нам представляется очень своевременным постановка вопроса о сущности ноосферной цивилизации, путях перехода от современного индустриализма к ноосферной экономике («ноономике»), представ-

ленная в новой книге С.Д. Бодрунова¹. В ней строго логически представлены взаимосвязи происходящих сегодня процессов ре- и неоиндустриализации, формирование нового индустриального общества 2.0 (НИО-2.0) и продвижения к будущей ноосферной цивилизации. Они хорошо корреспондируют с теоретическим наследием В.И. Вернадского, поскольку понятие НИО-2 гораздо более глубоко отражает существо современного научно-технологического прогресса, так как, несмотря на резкое возрастание роли знания и сферы производства знаний; информации и сферы информационных технологий; в целом, нематериальных факторов, – *не отрывается от индустриально-технологической базы как, например, понятие «цифровой экономики»*. И оно шире понятия промышленной революции 4.0., так как выходит далеко за рамки секторально-отраслевого подхода.

Исторические вызовы переходной эпохи

Определение вызова	Характеристика вызова
Критическое возрастание антропогенной и техногенной нагрузок на природно-географическую среду, экологические системы и даже ближний космос	Цепная реакция многочисленных природных аномалий, сопутствующих им катастроф, генерирование долгосрочных изменений климата, влияющих на изменение природных ландшафтов, таяние арктических льдов и повышение уровня мирового океана. Угрозы планетарных космических угроз, связанных с астероидной и метеоритной опасностью. Эти планетарные вызовы требуют адекватного ответа со стороны мирового сообщества, национальных государств и их коалиций, международной и государственной координации и регулирования.

¹ С.Д.Бодрунов. Ноономика. / Монография / М.–Лондон.: Культурная революция. 2018. С. 432.

<p>Повышение градуса напряжения истории, она вершится у нас на глазах, исторические эпохи меняются при жизни одного-двух поколений</p>	<p>Многочисленное возрастание событийного содержания истории, скорости исторического времени. Остро- и многоконфликтность современного мира. Осмысление и интерпретация исторического процесса как предмет идеологических и информационных войн. Распад старых и возникновение новых государств, образование новых цивилизационно-культурных и национальных границ. Теоретическое освящение войн и конфликтов как спутников неизбежных столкновений цивилизаций. Возвращение мира первенства геополитических интересов и связанного с ним политического сумасшествия в виде радикально-националистических движений, политизированного исламского фундаментализма, международного терроризма, этнополитического сепаратизма. Превращение конкурентных отношений в поле битвы экономических, а, затем, и классических «горячих» военных конфликтов и войн. Как резюме: в деятельности современных обществ и государств, политических классов становится критически важным наличие исторической памяти, исторического сознания и чувства исторической ответственности за выбор тех или иных альтернатив развития.</p>
<p>Качественный, революционный (по сути трансформационный, т.е. из одной экономической формации в другую) скачок в развитии производительных сил</p>	<p>Вызревание новых революционных открытий в науке и технологиях. зарождение основ новой экономической формации, нового технологического уклада обнимающих все стороны производства и потребления, технологических способов производства и образа жизни. Новая промышленная революция 4.0, формирование нового индустриального общества 2.0. Эти неравномерные, скачкообразные процессы требуют осмысления, понимания и целенаправленной поддержки государства, бизнеса, общества.</p>

Резкое обострение проблем ресурсных ограничений, пределов емкости и расширения границ рынков	Небывалое экономическое и экологическое усиление нагрузки на недра, обострение проблемы истощаемости природных ресурсов и технологических возможностей повышения эффективности добычи сырья, превращение экологической безопасности в глобальную проблему современности. Истощение ресурсов расширения рынков сбыта, которые на рубеже 80–90-х придали огромные дополнительные импульсы развития глобальной экономике после распада мировой социалистической системы и СССР, что способствует ужесточению глобальной конкуренции.
Пределы социальной поляризации в современном экономическом мироустройстве	Глобализация социальных противоречий и конфликтов. Эволюция современного экономического миропорядка в мир кричащих социальных контрастов, нарастания социальной несправедливости, непримиримых социальных противоречий между островком богатства и благополучия (пресловутый «золотой миллиард») и остальным миром бедности и нищеты. В этих условиях государство и общество вынуждено брать на себя ответственность за оказание социальной помощи и поддержки неимущим слоям, осуществление социального регулирования и на новой основе искать новые модели экономической социодинамики, механизмы социального регулирования..

В чем мы видим существо ноосферного вызова?

Учение о ноосфере, которое связывается с именами В.И. Вернадского, а также Э.Леруа и П.Тейяром де Шарденом относится к давней европейской духовно-философской традиции. Она, на самом деле, восходит к философии греческого философа Плотина, в которой из Первосущности (единого) эманцируются в материальный, чувственный мир Благо, Ум, Душа, преображая косную материальную природу и чувственного человека и направляя их к вечному, разумному, совершенному.

В одной из своих ключевых работ, – «Несколько слов о ноосфере», – написанной в разгар (1943–1944 гг.) Великой отечественной войны, – он в краткой форме изложил и методологические предпосылки, и ключевые положения учения о ноосфере, чрезвычайно важные для понимания ноосферного вызова¹.

Говоря о необходимости рассматривать исторические явления не только как исторические процессы, но и геологические, стоя на твердой почве эмпирических методов, дополненных в необходимых случаях рабочими научными гипотезами, В.И. Вернадский пришел к обоснованию понятий «живого вещества» (в отличие от более широкого понятия «жизнь») и «биосферы». Показал, что наука о биосфере имеет многовековую традицию в естественно-научных исследованиях европейской науки. Это позволило, далее, сделать вывод о том, человек и человечество неразрывно связаны с биосферой, с её материально-энергетической структурой. Это не бесплотная оболочка сотканная из множества отдельных мыслей отдельных индивидов, как у Э. Леруа и П. Тейяра дэ Шардэна, это производящая, созидательная творческая мощь человека и человечества, сравнительная с геологической силой, продуцирующая биосферу, материальную и нематериальную культуру, собственную Историю и, наконец, самое себя.

Отсюда логически вытекает критика научного атомизма применительно к человеку и человечеству, представления «о человеке как свободно живущем на нашей планете индивидууме, который свободно строит свою историю» «До сих пор, – пишет ученый, – историки, вообще ученые гуманитарных наук, а, в известной мере и биологи, сознательно не считаются с законами природы биосферы.... Стихийно человек от неё неотделим. И эта неразрывность только теперь начинает перед нами выясняться».

¹ Владимир Иванович Вернадский. Несколько слов о ноосфере (1943–1944) Впервые опубликовано в журнале «Успехи современной биологии» (1944 год, No. 18, вып. 2, стр. 113–120). Это последняя прижизненная публикация В.И. Вернадского. Электронная версия подготовлена по изданию в книге: *В.И. Вернадский. Научная мысль как планетное явление*. М.: Наука, 1991. [Электронный ресурс – Режим доступа: <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/noos.html>]

Сегодня мы может говорить о том, что эта безграничная «либеральная свобода» распространяется и на идео-, техно-, социо-, инфо-, и культурную сферы, порождая феномен «многомерного и многостороннего в своем отчуждении, своеволии и одиночестве» пост-человека.

В конечном итоге, подвергается сомнению и отрицанию главные, по В.И. Вернадскому, признаки эволюционного процесса: **биологическое единство и равенство всех людей, принцип справедливости.**

Между тем исторический процесс идет в прямо противоположном направлении. «Впервые в истории человечества интересы народных масс, – всех и каждого, – и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлении о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой, И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть **ноосфера**».

Таким образом, ноосфера – это единство разумной, творческой, производительной активности человека и человечества, направленной на преобразование материальной и духовной среды (биосферы, техносферы, инфосферы, идеосферы, культурной сферы, космического пространства) в соответствии с понятиями блага, нравственности, рациональности, свободы, социального равенства и справедливости.

Если через понятие ноосферы рассмотреть систему современных вызовов, то напрашиваются следующие выводы.

Современные государства, глобальное сообщество должно понять и сделать ответственный выбор.

Либо мир остается по-прежнему миром господства частно-корпоративных, партикулярных партийно-политических и эгоистических геополитических интересов и амбиций отдельных государств и/или их сообществ, что обрекает его на перманентное пребывание в кризисе с весьма непредсказуемым концом. Либо обновленный, социально ответственный общественный строй, с его уважением к объективным общественным потребностям, общим (общественным) интересам, современным демократическим институтам, к праву, и что актуально, международному праву, способностью улавливать знаменья и веления времени, проводить их в жизнь с помощью эф-

фективных государственных институтов управления, постоянного диалога и партнерства с бизнесом, гражданским обществом, – который и сумеет ответить на вызовы времени и обеспечить эволюционное вхождение в новые времена.

Характерно, что влияние идей В.И. Вернадского хорошо прослеживается в Юбилейном докладе Римского клуба «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты», написанный двумя президентами Клуба – Эрнстом Вайцзеккером и Андерсом Вийкманом, при участии тридцати четырёх других членов (von Weizsaecker, E. Wijkman, 2018. – 220.)

В нем констатируется глубокий системный кризис капитализма, современной среды обитания, – «Антропоцена», критические уровни избыточного потребления, звучат предостережения против диджитализации и техноутопизма, негативных и опасных сторон цифровой экономики¹ и т.д. Центральным моментом доклада является идея «Нового Просвещения», связанного с фундаментальной трансформацией, нацеленной на целостное мировоззрение, гуманистическое, но свободное от антропоцентризма, открытое развитию, но ценящее будущее, заботящееся о будущем². Примечателен подход к роли государства: Клуб призывает к балансу между индивидуальным и кол-

¹ Характерно, что эти оценки во многом сходятся с мнением и российских ученых и экспертов. См. Игорь Ашманов. Цифровая колонизация и закон Старджона [Электронный ресурс – Режим доступа: <https://www.nalin.ru/cifrovaya-kolonizaciya-i-zakon-stardzhona-5850/>]; Наталья Касперская. Цифровая экономика и риски цифровой колонизации [Электронный ресурс – Режим доступа: <https://www.kramola.info/vesti/vlast/cifrovaya-ekonomika-i-riski-cifrovoy-kolonizacii/>]; Георгий Малинецкий, Блеск и нищета «цифровой экономики» [Электронный ресурс – Режим доступа : <https://regnum.ru/news/economy/2388789.html>]

² Сквозной идеей такого мышления является примирение противоположностей, баланс в следующих областях:

- В отношениях между человеком и природой – устойчивое развитие, экологическое сознание.
- Между кратковременной и долгосрочной перспективой
- Между скоростью и стабильностью – изменения и прогресс не должны восприниматься в качестве самооценности. см. на след. странице

лективным, – признавая значение личной автономии, – одного из важнейших завоеваний европейского Просвещения, к учету общего блага; **в экономике это означает, что государство (общество) должно устанавливать правила для рынков, а не наоборот.**

Сегодня Россия в очередной раз находится на развилке. Ожидания общества после триумфальных для В.В.Путина выборов Президента РФ в значительной мере сфокусированы вокруг изменения курса социально-экономического развития, модели экономических реформ. Программа, предложенная вновь избранным Президентом РФ кратко изложена в 2-х Указах: ««О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года и «О структуре федеральных органов исполнительной власти» и «О структуре федеральных органов исполнительной власти» от 15 мая 2018 года.

Перечень национальных проектов, государственных программ, включая комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры, и ежегодные проекты федерального бюджета на очередной финансовый год и на плановый период предусматривающие в приоритетном порядке бюджетные ассигнования феде-

см. на предыдущей странице • Между индивидуальным и коллективным – признавая значение личной автономии – одного из важнейших завоеваний европейского Просвещения. Клуб призывает к балансу и учету общего блага; в экономике это означает, что государство (общество) должно устанавливать правила для рынков, а не наоборот.

• Между женщинами и мужчинами – здесь авторы обращаются к работам Рианы Айслер, и отмечают, что баланс не означает механического уравнения – перемещения большего числа женщин на «мужские» позиции, скорее достижение баланса требует «изменения типологии функций».

• Между равенством и справедливым вознаграждением – от государства требуется обеспечить механизмы, гарантирующие социальную справедливость.

• Между государством и религией – доклад приветствует секулярность, но подчеркивает позитивное значение религии; государства, нетерпимые к религии, теряют этическую перспективу.

рального бюджета на реализацию национальных проектов (программ), по 16 направлениям – нацелены на прорывную социально-экономическую модернизацию на период первого президентского срока и содержат предельно конкретные и напряженные проектно-программные цели, задачи, показатели. Способно ли нынешнее правительство обеспечить достижение данных приоритетов развития?

Анализ текста второго указа, осуществленные назначения в Правительство оставляет двойственное впечатление. Состав Правительства РФ на 80% остается прежним. Анализ деятельности предыдущего Правительства, возглавляемого Д.А.Медведевым, показал, что обеспечить определенную стабильность оно способно. Нельзя отрицать, что в этот период реализовано значительное количество важных проектов, как в реальном секторе экономики, так и инфраструктурных проектов. Осуществлены инновационные прорывы в сфере вооружений, военных и космических технологий, начато производство отечественных суперкомпьютеров, возросла экспортная активность обрабатывающих отраслей, в частности, в машиностроении. Однако эти успехи носили, скорее, кустовой характер. Ощутимое воздействие оказали и санкции, они, в целом, реально тормозили экономический рост.¹

Это объясняется тем, что, в принципе, экономика приспособилась к либеральной модели экономической политике, неблагоприятному инвестиционному климату, обрела некоторую устойчивость, благодаря, в том числе, и обстоятельствам, сопутствующим санкциям и контрсанкциям. Она оказалась способной обеспечить определенный эволюционный рост на минимальном уровне. Но продолжение Правительством РФ экономической политики в том же духе вряд ли будет способствовать достижению тех параметров развития, которые предусмотрены Указами Президента.

¹ См. Я. Миркин. Пушки и пальмовое масло. Как изменилась экономика после четырех лет санкций. Первоисточник: [Электронный ресурс – Режим доступа : <https://republic.ru/posts/90696>; http://primechaniya.ru/home/news/maj-2018/pushki-i-palmovoe-maslo.-kak-izmenilas-ekonomika-posle-chetyreh-let-sankcij/?utm_campaign=transit&utm_source=mirtesen&utm_medium=news&from=mirtesen]

Вместе с тем, нельзя не отметить, что есть и положительные моменты. По мнению экспертов, в действующем составе Правительства РФ очень тщательно подобраны кандидатуры вице-премьеров и курируемых министров на предмет их совместимости, что будет содействовать управляемости министерств и ведомств. На должности министров назначено немало молодых технократов, как правило, хорошо образованных, и имеющих соответствующий административный опыт работы в органах власти. В правительство призваны несколько бывших губернаторов, которые, по оценкам, проявили выдающиеся качества в качестве региональных лидеров. Интересен вариант с назначением А.Г. Силуанова 1-м вице-премьером Правительства РФ. С одной стороны это свидетельствует о том, что доминирующее влияние монетарных властей на принятие политических и управленческих решений сохранится и на перспективу. И это, кстати, делает весьма туманной судьбу государственного стратегического планирования, требующего несколько иной логики разработки, принятия и реализации государственных решений, статуса и полномочий экономического, промышленного и социального блоков в системе государственной власти.

С другой стороны, должность 1-го вице-преьера может вывести А.Г. Силуанова из тени «всемогущего» А.Л. Кудрина и дать ему шанс реализоваться в качестве самостоятельного политика и администратора, что пошло бы на пользу экономике.

И остается главный, фундаментальный вопрос может ли та экономическая модель государства, сложившаяся в последнюю четверть века, обеспечить действенное регулирование и управление, реализовать амбициозную программу прорывной модернизации за предстоящие шесть лет. Это заставляет вернуться к теоретическим вопросам эволюции экономической модели государства.

1. О современной модели развивающегося государства.

Сегодня модель регулирующего государства уже не работает. Азиатская модель государства развития, при всех её плюсах, для европейской и североамериканской традиций, скорее всего, не во всем приемлема. Аутентичная европейская модель сегодня ещё оконча-

тельно не сформирована, и предстает, по-видимому, в виде ряда **переходных моделей**. Элементы государства развития складываются в процессе поиска эффективных механизмов государственного управления. Здесь необходимо упомянуть такие разновидности как **«сильное государство»** (Андрей Цыганков. 2015; Фукуяма Ф., 2006.–220.); **«клиентоориентированное государство»** (Кэттл Ф.Д., 2003; Осборн Д., Пластрик П., 2001.; Сморгун Л.В., 2003. № 4.; Парисон Н., Мэннинг Н.Ю., 2003 г.); **«сервисное государство»** (Бачило И.Л., 2010. № 1. С. 3–11.; В.Н. Зайковский. 3(231) – 2014, с. 35–48); Яна Коженко, Алексей Мамычев. 2010, № 3, с 44–46.); **«эффективное государство»** (Отчет о мировом развитии, 1997; Доклад о росте. Стратегии устойчивого роста и инклюзивного развития. 2009; С. 194; Доклад о мировом развитии 2017. Обзор. 2017. С. 55).

От государства в подобных обстоятельствах требуется способность четко определять и формулировать фундаментальные тренды развития, анализировать вероятные альтернативы и варианты, разрабатывать сценарии возможных действий, ориентировать и мобилизовать общество на осуществление движения в избранных направлениях. Необходимо, по возможности, предугадывать и просчитывать как патерналистские, так и управленческие провалы государства. Или, как минимум, государство должно понимать необходимость привлечения научного и экспертно-аналитического сообщества, инициировать, организовывать и координировать такое интеллектуальное проектирование и производство. Оно призвано «администрировать процесс», быть «политическим менеджером концептов и проектов», который как политическая власть может сделать то, чего не в состоянии сделать профессиональный ученый, аналитик, эксперт, – политически мотивированный и обоснованный выбор.

Принципиально меняется само понятие государственного управления. *Под государственным управлением понимается процесс взаимодействия между государственными и негосударственными субъектами в целях разработки и осуществления мер политики в рамках определенного набора формальных и неформальных правил, определяющих полномочия власти и определяемых ими.*

Процесс, однако, идет значительно глубже. Расширяются горизонты и механизмы формирования общего интереса, нормативных установок, систем ценностей. Складываются политические формы

и государственные институты целенаправленного формирования общего интереса, несводимого к саморегулируемым спонтанным процессам выравнивания и агрегирования частных интересов, наборов мотивов и предпочтений общества, элит, основных социальных групп и институтов. При таком подходе важное значение приобретает определение образов будущего, выявление фундаментальных общественных потребностей, научный анализ альтернатив и вариантов развития, стратегических целей и приоритетов, сценариев их реализации, оценки ресурсного обеспечения.

Всё это обуславливает развитие **новой модификации патерналистского государства**. Мы обозначаем её как **модель «государства play-maker'a»** – самостоятельного и полноправного экономического субъекта, определяющего общественный интерес и нормативные установки развития, располагающего ресурсами для их реализации, гармонично взаимодействующего с современными формами демократии и гражданского общества, не нуждающегося в страховании и подкреплении авторитарными «стяжками» («скрепами») и защищенного от рецидивов и всполохов охранительного (как этно-, так и политического) национализма, что важно, в особенности, для постсоциалистических стран, решающих задачи догоняющего развития. В этом смысле государство из субъекта политической воли, «администратора процесса» действительно превращается в действующего экономического игрока, в «плэй-мейкера», от качества мышления и мастерства которого, умения организовывать командную игру других рыночных игроков зависят и результаты рыночной игры.

Контуры такой модели уже, отчасти, очерчены в новом Докладе о мировом развитии 2017. Государственное управление и закон (Доклад о мировом развитии 2017. – 2017, С. 55).

Ключевой момент здесь, – формирование общего интереса. При чем это происходит как в глобальном масштабе, так и на уровне национальных государств.

Первоначально модель общественного целеполагания в контурах глобального управления была конституирована в Декларации тысячелетия (ЦРТ) 2000 г.

С целью решения глобальных проблем человечества ООН приняла программу под названием «Цели развития тысячелетия» (ЦРТ). «Цели Развития Тысячелетия» ООН представляют собой программу

по борьбе с бедностью и общему повышению уровня жизни. Программа была принята в 2000 г. 147 главами государств и представителями 189 стран, включая Российскую Федерацию, на Саммите Тысячелетия. Для каждой цели были сформулированы отдельные задачи и количественные показатели, на основании которых будут делаться выводы о степени достижения ЦРТ. Цели развития тысячелетия должны были быть достигнуты к 2015 году. (Цель развития тысячелетия 8. Подведение итогов в области глобального партнерства в целях развития (Доклад Целевой группы по оценке прогресса в достижении ЦРТ, 2015 год; Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. 2016 – 298 с)

В сентябре 2015 года на встрече высшего уровня по устойчивому развитию в Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке 193 государства-члена ООН официально приняли новую глобальную программу в области устойчивого развития – «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Повестка включает 17 Целей устойчивого развития и 169 задач.

Повестка дня в области устойчивого развития – это план универсального, всеобъемлющего и преобразовательного характера. Он призван стимулировать действия, которые искоренят нищету и обеспечат построение более устойчивого мира. Цели в области устойчивого развития являются глобальными, но при этом учитывают особенности разных стран. Все цели взаимосвязаны, поэтому усилия по их достижению должны носить комплексный характер.

Отличие от Программы Цели устойчивого развития (ЦУР) от Программы Цели развития тысячелетия (ЦРТ). ЦУР имеют более широкую сферу действия. Они направлены на устранение коренных причин нищеты и удовлетворение всеобщей потребности в развитии в интересах всех людей. Предусматривают решение проблем неравенства, экономического роста, достойных рабочих мест, городов и населенных пунктов, индустриализации, океанов, экосистем, энергетики, изменения климата, устойчивого потребления и производства, мира и безопасности и так далее.

ЦУР носят всеобщий характер и применимы ко всем странам, тогда как ЦРТ предусматривали деятельность лишь в развивающихся странах. ЦУР охватывают три аспекта устойчивого развития –

экономический рост, социальную интеграцию и охрану окружающей среды.

Главная особенность ЦУР состоит в том, что они в максимальной степени сосредоточены на средствах осуществления, а именно на вопросах мобилизации финансовых ресурсов, наращивания потенциала и технологий. Уникальность новых целей также в том, что они призывают все страны – бедные, богатые и со средним уровнем дохода – содействовать своему процветанию при одновременном обеспечении защиты планеты.

Процесс конституирования государственных систем общественного целеполагания параллельно идет и на уровне национальных государств.

Стоит отметить, что нечто подобное имеется в системе разработки стратегического прогноза и принятия стратегических решений в США (Отв. ред-р В.Б.Супян. М. 2017 – 496 с.). Она начинается с футуристических образов-прогнозов будущего, в первоочередном порядке прорабатывает глобальные («загоризонтные») тренды научно-технического и инновационного развития, вызовы, угрозы и риски безопасности, соответствующих сфер экономической деятельности, определяет набор общенациональных целей и приоритетов как для новейших, так и традиционных отраслей экономики.

Она носит ярусный характер и включает представителей политического класса и истеблишмента, генералитета армии и спецслужб, членов научного и экспертно-аналитического сообщества, ведущих мозговых центров, наиболее авторитетных представителей экономического класса, крупных корпораций и финансовых институтов. В этой системе постоянно происходит ротация, в силу чего профессионализм этих специалистов отличается богатством опыта, чрезвычайным кругозором. Именно поэтому качество стратегического мышления и стратегических решений в американской политической системе всегда представлялось её визитной карточкой. Горизонты стратегического прогноза и планирования достигают 30–50 лет.

Такая направленность эволюции патерналистского государства позволит не просто «трансплантировать» уже известную модель государства развития в экономики развитых капиталистических стран (В. Полтерович., 2017, Полтерович В.М. и др., 2017, С. 22–44; Полтерович В.М., 2016).

Во-первых, она, безусловно, генетически несет в себе все лучшее и устойчивое, что составляло содержание предшествующих моделей, представляя их симбиоз (может быть, точнее, в терминах диалектики, – синтез). Во-вторых, она может оказаться тем искомым средством, который сможет соответствовать запросам переходной эпохи, особенностям нового витка глобализации, способствовать процессам становления нового экономического порядка, успешно исполнять антикризисные функции. И, в-третьих, по мере изменения структуры властных, административных, контрольных, партнерских и координационно-согласительных отношений и функций, государство все более и более будет эволюционировать в одного из ключевых (наряду с другими) игроков поля формирования, согласования, принятия и исполнения социально-экономических решений, держащего в своих руках все нити игры и находящегося в постоянном диалоге и партнерском взаимодействии с бизнесом, гражданским обществом, отдельными социальными группами и гражданами.

Есть ли перспективы развития модели государства play-maker'a в России?

Мы полагаем, что такие предпосылки имеются. Конечно, они обусловлены характером и темпами развития политической демократии, общественного самоуправления, успехами в реформировании государственного управления и государственной службы. В социальном плане они связаны с выращиванием новых дееспособных и современных политических элит, свободных от догм и примитивных имитаций западного политического неоллиберализма, пут клановых, бюрократических и коррупционных связей с элитами родом из 90-х, настаивающих на консервации прежних теоретических парадигм, моделей социально-экономического развития, методов регулирования экономики. В этом русле идет и создание параллельных государственных институтов развития, институтов кадрового резерва (Кадровый резерв Президента РФ, – «Президентская 1000»; политические партии и их общественные структуры по подготовке кадровых резервов), бизнес-инициатив и его кадровых проектов, формирование некоммерческих (саморегулирующих) организаций гражданского общества, способствующих поиску, обучению, выдвижению, карьерному продвижению в политике и государственном управлении талантливой молодежи (В.Э. Багдасарян 2010, с. 119–121;

Головко Ю.М. 2014. № 10; Кимлика У., 2010; Москалев А.Г. 2011. № 4; А.В.Самусевич. №6/2015. С. 266–268 ISSN 2410-6070; Сулемов В.А. 2006)¹.

С другой стороны, закладываются основы широкой сети публичных институтов, способных осуществлять не только общественный контроль власти, но и формулировать общественный запрос, отклик на общественные потребности, переводить его в формат необходимых и неотложных политических решений. Их принятие и реализация должны определять повестку дня, предмет для обсуждения и координации действий власти, политических элит, государственного управления с одной стороны, и институтов гражданского общества, граждан, с другой (А.Е. Городецкий. 2017, с. 51–75).

Отметим, что в большинстве развитых зарубежных стран молодежная работа осуществляется, в первую очередь, негосударствен-

¹ 16 октября 2017 года, в рамках работы XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Сочи, состоялась панельная дискуссия на тему: «Участие гражданского общества в достижении 17 целей ООН в области устойчивого развития». В ней приняли участие представители российских институтов гражданского общества и руководители нескольких агентств ООН. Обращаясь к участникам дискуссии, помощник Генерального секретаря ООН, директор Регионального бюро по странам Европы и СНГ Программы развития ООН Джихан Султаноглу под черкнула, что Повестка дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года является не только самой детально проработанной программой, принятой всемирной организацией, но и самой амбициозной. Ее реализация в значительной степени зависит от взаимодействия людей, особенно молодежи. По словам Дж. Султаноглу, из 169 задач в рамках 17 ЦУР шестьдесят ориентированы непосредственно на молодежь и без поддержки молодых их осуществление будет невозможно. «На вас лежит ответственность принимать участие в достижении этих целей, обращать внимание лидеров ваших стран на происходящие проблемы. Мы полагаемся на вас в вопросе реализации этих целей, именно вы сделаете мир лучше», – сказала она, обращаясь к молодым людям. См. ООН В РОССИИ №5 (113) сентябрь-октябрь 2017. Издаётся Представительством Организации Объединенных Наций в Российской Федерации.

ными организациями. Так, например, в Германии действует т.н. «принцип субсидиарности», в соответствии с которым социальные проблемы должны решаться на том уровне, на котором они возникают, а вышестоящий уровень обязан оказать для этого необходимую поддержку (субсидию).

Указанные предприятия активно поддерживаются, или поддерживались в период становления, из бюджета и социальных фондов. Выбор организационно-правовой формы обусловлен необходимостью совмещать бюджетное финансирование с доходами от собственной предпринимательской деятельности.

В законодательстве ряда стран такие предприятия имеют особый статус общественно-полезных или учебных и получают соответствующие преференции. Таким образом, эти коммерческие структуры выступают в той же позиции, что и некоммерческие организации, другие учреждения социальной сферы.

В российском законодательстве принцип приоритета общественных инициатив по сравнению с деятельностью государственных органов и учреждений при финансировании мероприятий и программ, касающихся молодежи, закреплен в «Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» [см.: «Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации», утверждены Постановлением ВС РФ 03.06.1993 г., № 5090-1, п. 1.1, абзац шестой] и региональных законах ряда субъектов Российской Федерации (например, в Санкт-Петербурге). Однако на практике пока в большинстве случаев этот принцип не соблюдается (*Кострикин А.В.* Зарубежный опыт социальной работы с молодежью 2006. С. 134–136; *Кострикин А.В.* 2008. №1. Том 9. С. 65–67; *Иваненков С.П., Кострикин А.В.* *Credo new* № 3, 2009).

В составе некоммерческих организаций подобного рода можно выделить:

- политические партии и организации, имеющие молодежные отделения («Молодая гвардия» Единой России, «Союз коммунистической молодежи», Молодежное отделение ЛДПР и др.);
- молодежные политические движения и организации федерального и регионального уровней («СЕТЬ», «ДА!», «Местные» и др.);
- молодежные парламенты и правительства как новые организационные формы вхождения молодежи во власть [6].

В сложном, динамично развивающемся обществе, предлагающем молодежи огромные возможности, повсеместно развиваются сети информационных и консультативных служб. Молодым людям требуется не только информация, но и помощь, чтобы понять, что действительно полезно для них и как они могут использовать возможности подобных служб.

За рубежом, практически в каждой стране существуют различные виды информационных и консультативных служб, дифференцирующихся по специализации. Как правило, службы, специализирующиеся на определенной тематике, обслуживают все группы населения. Молодежные информационные и консультативные службы служат примером служб комплексного характера, предназначенных для специальных групп населения.

Такое, в широком, новом смысле, государственное управление способно не только осуществлять уже разработанную и принятую государственной властью экономическую политику, но и творчески политически генерировать общегосударственные интересы, нормативные установки на основе широкого общественного согласия и представительства интересов всех классов, групп и слоёв общества.

Список литературы

1. *Атаян Г.Ю.* Экономическая функция в структуре либеральной и этатистской модели представлений о государстве. 2011 г. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1215).

2. *Бачило И.Л.* Государство социальное или сервисное? (Информационно-правовой аспект) // Право. Журнал высшей школы экономики. 2010. № 1. С. 3–11.;

3. *Бентам И.* Избранные сочинения / Перевод с англ. Издания Боуринга и фр. Дюмона А.Н.Пыпина и А.Н. Неведомского. Т.1. СПб.: Рус. книж. торговля, 1867 – Библиотека классических западно-европейских писателей в русском переводе;

4. *Бентам И.* Принципы законодательства. // О влиянии условий времени и места на законодательства. Руководство по политической экономии, пер. М.О. Гершензона. М. 1896.

5. Багдасарян Б.Э. «О реальных механизмах рекрутинга политических элит» // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Вып. 3, 2010, с. 119–121.

6. Блок Ф. Роли государства в хозяйстве. // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. – 680 с.

7. Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. – 720 с.

8. Бьюкенен Дж. Сочинения. М.: Таурус Альфа, 1997. – 560 с.

9. Владимир Иванович Вернадский. Несколько слов о ноосфере (1943–1944). Впервые опубликовано в журнале «Успехи современной биологии» (1944 год, No. 18, вып. 2, стр. 113–120)

10. Головки Ю.М. Тренды, влияющие на рекрутирование политических молодежных элит в российской политической действительности. // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 10.

11. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. – 480 с.

12. Зунтум У. Невидимая рука: экономическая мысль вчера и сегодня. М.: Мысль, 2017. – 448 с.

13. Доклад о росте. Стратегии устойчивого роста и инклюзивного развития. Комиссия по росту и развитию. (The Growth Report. Strategies for Sustained Growth. and Inclusive Development Commission on growth and development). Издано для Всемирного банка. Изд-во «Весь Мир» Москва 2009. С.194.

14. Доклад о мировом развитии 2017. «Государственное управление и закон». Обзор. Группа всемирного банка. С.55 doi:10.1596/978-1-4648-0950-7.

15. Доклад Целевой группы по оценке прогресса в достижении ЦРТ, 2015 год: резюме. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2015 год. Электронная версия: URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/summary2015.pdf>.

16. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации Цели устойчивого развития ООН и Россия / Под редакцией С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева Выпускающий редактор: А.В. Голяшев Аналитический Центр при Правительстве РФ. 2016. 298 с)

17. Евстратов А.Э. Политико-правовые взгляды Лоренца фон Штейна на социальное государство / Материалы Международной научно-

практической конференции «Права и свободы человека и гражданина в современном мире» 26 мая 2004 года. Омск, 2005. С.155–161.

18. *Зайковский В.Н.* Сервисное государство»: новая парадигма или современная технология государственного управления? //Журн. ПРИОРИТЕТЫ России. – 3(231) – 2014. С. 35–48.

19. *Кимлика У.* Современная политическая философия: введение / Пер. с англ. С. Моисеева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010

20. *Кострикин А.В.* Зарубежный опыт социальной работы с молодежью // Проблемы социальной работы с молодежью: Учеб. пособие / Под ред. С.С. Бразевича, Е.Г. Слуцкого. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2006. С.134–136;

21. *Кострикин А.В.* Социально-экономические условия деятельности молодежных общественных объединений // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, 2008. № 1. Том 9. С. 65–67;

22. *Иваненков С.П., Кострикин А.В.* Проблемы исследования социальной активности молодежи // Credo new № 3, 2009.

23. *Кочеткова Л.Н.* Теория социального государства Лоренца фон Штейна. // Философия и общество. Выпуск № 3(51)/2008.

24. *Коженко Я., Мамычев А.* Сервисное государство: проблемы теории и практики реализации //Журн. Власть. 2010, № 3, с 44–46.

25. *Кубедду Р.* Либерализм, тоталитаризм и демократия. Политическая философия австрийской школы. М.; Челябинск: Социум, 2014. – 406 с.

26. *Кэттл Ф. Д.* Реорганизация государственного управления. Анализ деятельности федерального правительства. Классики теории государственного управления: американская школа. М., Изд-во МГУ, 2003.

27. *Мизес Л.* Всомогущее правительство. Тотальное государство и тотальная война. Челябинск: Социум, 2006. – 466.

28. *Мишель А.* Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени Революции. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1909. – 802 с.

29. *Музычук В.Ю.* Государственный патернализм в сфере культуры: что не так с установками патера в России? М.: ИЭ РАН, 2017. – 67 с.

30. *Осадчая И.* Рынок и государство. Что нового в государственном регулировании экономического развития стран? / И. Осадчая // Наука и жизнь. 2001. №10. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/6952/>

31. Государство и бизнес: институциональные аспекты. Отв. ред. И.М. Осадчая. М., ИМЭМО РАН, 2006, 155 с.

32. *Осборн Д., Пластрик П.* Управление без бюрократов. М: Прогресс. 2001.

33. «Основы государственной молодежной политики до 2025 года». Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р г. Москва. URL: <http://rg.ru/2014/12/08/molodej-site-dok.html?desktop=true>.

34. Отчет о мировом развитии, 1997. Государство в меняющемся мире. Публикация по заказу Всемирного Банка. Агентство экономической информации «ПРАЙМ-ТАСС

35. *Парисон Н., Мэннинг Н.* Реформа государственного управления: Международный опыт. Всемирный банк – 2003 г.);

36. *Посадский А.* Экономический патриотизм и государство развития. URL: <http://res-publica.ru/ekonomicheskij-patriotizm-i-gosudarstvo-razvitiya-2>

37. *Пеннингтон М.* Классический либерализм и будущее социально-экономической политики. М.: Мысль, 2014. – 452 с.

38. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алатейя, 2002.

39. *Роик В.* Пенсионная система России. Вызовы XXI века и пути модернизации. – Изд-во Питер. 2012, с. 95 (256 с.).

40. *Роик В.Д.* Социальная модель государства: опыт стран Европы и выбор современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 10. С. 27.

41. *Рубинштейн А.Я.* Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное. М.: ИЭ РАН, 2015. – 52 с.

42. *Рубинштейн А.Я.* Социальный либерализм и консоциативный патернализм // Общественные науки и современность. 2016, № 2. С. 5–38.

43. *Самусевич А.В.* Анализ основных институтов рекрутации политических элит. Международный научный журнал «Инновационная наука» №6/2015. с. 266–268 ISSN 2410-6070

44. *Сморгунов Л.В.* Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «governance» – Полис, 2003. № 4.;
45. *Соколова Р.И., Спиридонова В.И.* Государство в современном мире. М.: ИФ РАН, 2003. – 253 с.
46. *Спенсер Г.* Личность и государство. Челябинск: Социум, 2007. – 207 с.
47. *Стиглиц Дж.* Экономика государственного сектора. М.: Изд-во МГУ, ИНФРА-М, 1997.
48. *Струве П.Б.* Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь, УМСА-PRESS, 2004. – 872 с.
49. *Сулемов В.А.* Государственная кадровая политика в современной России: теория, история, новые реалии. М.: РАГС, 2006.
50. Обеспечение социально-экономической безопасности в начале XXI века: опыт США. /Отв. ред-р В.Б.Супян. М.: Изд-во «Весь Мир». 2017. – 496 с
51. *Фридман М.* Капитализм и свобода. М., 2006.
52. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Ч. 3. Статьи и интервью 1970–1984. М.: Праксис, 2006. – 320 с.
53. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
54. *Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М: АСТ. Москва: «ХРАНИТЕЛЬ», 2006.–220 с.
55. *Хайек Ф.* Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. – 644 с.
56. *Хиггс Р.* Кризис и Левиафан: поворотные моменты роста американского правительства. М; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016.
57. *Хома В.М.* Модели социального государства: новые подходы к типологизации. // Актуальные проблемы политологии, 2013. № 1 (144). Выпуск 25. Электронная версия – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-sotsialnogo-gosudarstva-novye-podhody-k-tipologizatsii>;
58. *Хомский Н.* Государство будущего. – М.: Альпина нон-фикшн, 2012. – 104 с.
59. *Цыганков А.* Сильное государство: теория и практика в XXI веке // Россия в глобальной политике. 2015, № 3. Электронная ресурс:

URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Silnoe-gosudarstvo-teoriya-i-praktika-v-XXI->

60. *Baran P., Sweezy P.* Notes on of the Theory of Imperialism. // Problems of Dynamics and Planning. Essays in honour of Michal Kalecki. Warszawa: Polish Scientific Publishers, 1964, 13–25 s.

61. *Crompton R.* Class and Stratification. An Introduction to Current Debates. Cambridge, 1993.

62. *Haley John.* Authority Without Power: Law and the Japanese Paradox (New York: Oxford University Press, 1995С. 154)

63. *Johnson Chalmers.* Japan: who governs?: the rise of the developmental state 68 (New York: Norton, 1995.

64. *Johnson Chalmers.* MITI and the Japanese Miracle: the Growth of Industrial Policy, 1925–1975 (Stanford University Press, 1982).

65. *Jayasuriya Kanishka.* The Rule of Law and Governance in East Asia, in Reconfiguring East Asia: Regional Institutions and Organizations After the Crisis 99 (Mark Beeson ed., 2002).

66. Law, Capitalism and Power in Asia: the Rule of Law and Legal Institutions (Kanishka Jayasuriya ed., London: Routledge, 1999).

67. *McMillan Charles.* The State as Economic Engine: Lessons from the Japanese Experience in The State and Economic Development: Lessons From the Far East 1 (Robert Fitzgerald ed., London; Portland: F. Cass, 1995).

68. *Mikanagi Yumiko.* Japan's Trade Policy: Action or Reaction? 19–21 (London; New York: Routledge, 1996).

69. *Miyamoto Masao.* Deregulating Japan`s Soul in Unlocking the Bureaucrat`s Kingdom. Deregulation and the Japanese Economy (Frank Gibney ed., Brookings, 1998).

70. *Pekkanen Saadia M.* Japan`s Aggressive Legalism: Law and Foreign Trade Politics Beyond the WTO (Stanford University Press, 2008).

71. Institutions of Catching-up Development. Victor Polterovich CEMI RAS, MSE MSU 27 August 2016 Online at <https://mpr.a.ub.uni-muenchen.de/73447/> MPRA Paper No. 73447, posted 31 August 2016 09:45 UTC

72. *Potter Pitman.* The Chinese Legal System: Globalization and Local Legal Culture (Routledge, 2001).

73. Report on the World Economic Forum on East Asia in Kuala Lumpur, Malaysia 15–16 June 2008, доступен на: <http://www.weforum.org/en/events/ArchivedEvents/WorldEconomicForumonEastAsia2008/index.htm>

74. *Stein Lorenz von*. Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs, 1842 («Социализм и коммунизм в современной Франции»); Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage, 1850 («История социального движения во Франции с 1789 г. до наших дней»); Die Verwaltungslehre, 1865–1868 («Учение об управлении»); Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaft Deutschlands – Stuttgart, 1876 («Настоящее и будущее науки о государстве и праве Германии»).

75. *Streeten Paul*. Governance, in Current Issues in Economic Development: an Asian Perspective (M.G. Quibria & J. Malcolm Dowling eds., Oxford University Press, 1996).

76. *von Weizsaecker E., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. 220.

77. *Wade Robert*, Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization (Princeton: Princeton University Press, 1990).

78. The History of Economic Thought The Neoclassical-Keynesian Synthesis. Website. The New School; Woodford, Michael. Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis. January 2008. URL: http://www.columbia.edu/~mw2230/Convergence_AEJ.pdf.

79. World Bank, The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy 83 (New York, Tokyo: Oxford University Press, 1993).

80. Wright E.O. (ed.) The Debate on Classes. L., 1989.

81. *Xiaoming Huang*. Between the State and Market: The Problem of Transition in East Asia, in The Political and Economic Transition in East Asia: Strong Market, Weakening State 3 (Huang Xiaoming ed., 2001).

**Форсайт “Россия”: новое индустриальное общество.
Будущее
Том 1**

*Сборник пленарных докладов Санкт-Петербургского
Международного Экономического Конгресса (СПЭК-2018)*

Подписано в печать 25.07.2018.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Печ. л. 14,5.
Тираж 1000 экз. Заказ